Н.Д. Постников

Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917)

Москва 2013

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)523-524

Рецензенты:

д.и.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» И.Б. Орлов,
д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН К.А. Соловьёв

Постников Н.Д.
Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 325 с.

В монографии на основе значительного комплекса источников рассматривается динамика численности, география распространения и особенности регионального размещения пяти общероссийских политических партий в период с июня 1907 года по февраль 1917 года. Исследуется проблема партогенеза в России в начале XX века.

Книга предназначена для историков, политологов, преподавателей и студентов вузов.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)523-524

© Н.Д. Постников, 2013.
© Издательство МГОУ, 2013.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие…….. ……..4

Глава I. Характеристика источников……...26

§ 1. Виды источников и их репрезентативность……..26

§ 2. Методика сбора и обработки информации……....44

Глава II. Территориальное размещение и динамика организационных структур партийных организаций……55

§ 1. Партии социалистической ориентации……..55

§ 2. Либеральные партии…….....…….93

§ 3. Правомонархические формирования…….....134

Глава III. Организационная структура и динамика численности политических партий……168

§ l. Социалистические партии……..168

§ 2. Либеральные партии……..202

§ 3. Правомонархические формирования……...238

Заключение……...261

Примечания……..276

Посвящаю своим родителям

Предисловие

Изучение проблем российской многопартийности начала XX века - дело весьма сложное. Особенно это относится к вопросам динамики численности и состава политических партий, их территориального размещения, которые длительное время были на периферии исследовательского процесса. Учитывая научную значимость данной проблематики, в монографии предпринята попытка комплексного анализа проблемы территориального размещения, динамики численности и эволюции организационных структур основных общероссийских партий (РСДРП, эсеров, кадетов, «Союза 17 октября», правых монархистов) в межреволюционное десятилетие (июнь 1907- февраль1917).

Выбор хронологических рамок монографии обусловлен недостаточной изученностью, прежде всего, количественных характеристик общероссийских политических партий в данный период времени.

Круг проблем, подлежавших исследованию в монографии в обозначенных хронологических рамках достаточно широк. Это, во-первых, собственно проблемы количественного анализа численности основных общероссийских партий, эволюции их организационных структур и территориального размещения, и, во-вторых, выявление совокупности факторов, влиявших на процесс эволюции политических партий в условиях третьеиюньской политической системы и в годы Первой мировой войны.

В монографии впервые в отечественной и зарубежной исторической науке предпринята комплексная попытка количественного анализа состояния пяти основных общероссийских политических партий в межреволюционное десятилетие XX века. Впервые выявленные и

обработанные по определенной методике данные позволяют внести существенные коррективы в устоявшиеся в исторической науке представления и суждения.

Межреволюционное десятилетие в истории российских политических партий занимает особое место. Казавшееся огромным влияние политических партий на общественно-политическую жизнь страны в 1905-1907 годы, прежде всего, было связано с их численностью. Тысячи, десятки тысяч членов общероссийских политических партий входило в эти годы в их местные организации. Тогда многим партийным лидерам казалось, что это и реальные члены, и реальная численность партий, а люди, входящие в них, сделали свой осознанный политический выбор. Но действительность оказалась гораздо сложнее. Как показали события межреволюционного десятилетия, это были в абсолютном своём большинстве случайные люди, поддавшиеся эйфории «смутных дней» революции. Уже на её исходе такие временные, случайные члены стали покидать ряды политических партий. В течение 1908 года численность политических партий постепенно, но неумолимо сокращалась и вскоре она ограничилась небольшим числом их идейных сторонников. Причины такого «исхода» разнообразны. Одни из них лежат на поверхности: ужесточение политического режима в стране, репрессии правительства против леворадикальных партий и кадетов, нежелание власти идти на контакт с общественностью и политическими партиями. Эти причины хорошо известны. Но есть и другой ряд причин, который, несомненно, находятся во взаимосвязи с первыми. Прежде всего, они связаны с начальным этапом развития партийности в России как политического института и имплицитно в отсутствии устойчивых «партийных традиций» и устоявшейся политической артикуляции абсолютного большинства населения России. По мнению автора столь обширный и глубокий структурный кризис политических партий после революции 1905-1907

годов был связан именно с начальным этапом формирования российской партийности. Эта позиция требует пояснений.

Развитие российской партийности в начале XX века характеризовалось началом трудного пути коадаптации политических партий в политическую систему царской России, которая протекала крайне не однозначно из-за не сложившихся/не устоявшихся традиций политической самоорганизации в российском обществе. В итоге, партогенез в России происходил по следующей схеме: хлынувшие в политические партии во время революции 1905-1907 годов массы не исповедовали каких-либо устоявшихся политических взглядов. В большинстве случаев они отдавали предпочтение не политическим партиям как таковым, не тем более их программам, который простой обыватель, по существу, не знал. Политически активные слои населения выбирали политические партии как бы под себя, на основе здравого смысла обывателя, сопоставляя своё отношение к действительности с деятельностью и идеологией политических партий. И, прежде всего, это касалось решения стоявших перед населением совокупности экономических, социальных, культурных, национальных и других назревших проблем.

В монографии с помощью всестороннего анализа полученных количественных характеристик и фактографической базы предпринимается попытка доказать обоснованность данного положения. Предварительно следует обратить внимание на два момента: во-первых, идеологически политические партии находились на стадии формирования, во-вторых, партийные предпочтения активных групп населения изменялись в заданном политическом сегменте. К примеру, «организованные» рабочие изменяли свою партийность «кочуя», нередко целыми организациями, от социал-демократов к эсерам и наоборот; часто в этот процесс включались и другие леворадикальные формирования. Такая же «текучесть кадров» наблюдалась в кадетской партии, в «Союзе 17

октября», у монархистов. Количество таких переходов в межреволюционный период «жизни» политических партий было достаточно велико.

Не следует думать, что исследовательский процесс при написании монографии протекал просто и гладко, по наезженной колее. Скорее наоборот, ряд тем пришлось разрабатывать, не имея сколько-нибудь значимой историографической базы. Пришлось решать целый ряд вопросов – что представляли собой идеологически и организационно российские политические партии в этот период? Кого следуют считать членом партии? Как вычленить члена партии из околопартийной массы? От методов решения поставленных вопросов зависела целая логическая цепочка: численность партий - количество местных партийных организаций и их активность - динамика территориального размещения политических партий, а в конечном итоге сама дееспособность политических партий в межреволюционный период.

Уже при первом знакомстве с проблематикой членства в партии бросается в глаза, что сами политические партии вкладывали разный смысл в это понятие. Несмотря на то, что условия принятия в члены политических партий были зафиксированы в их уставах и других партийных документах, они, по сути, не выполнялись на местном уровне. Более того, на протяжении времени у некоторых из политических партий менялось отношение к понятию «член партии». Наиболее ярко и эмоционально этот процесс протекал в РСДРП, где шла острая дискуссия между большевиками и меньшевиками о первом параграфе Устава, определявшим членство в партии. Однако это не мешало ни тем, ни другим записывать на местах в партийные организации в годы революции 1905-1907 годов не просто политически чётко определившихся, но и не редко случайных людей. Так, В.И. Ленин одним махом пера приписал массы рабочих к «законченным» социал-демократам, призывая местных

партийных функционеров активнее записывать их в члены «пролетарской партии». В ноябре 1905 года он писал: «Наша партия застоялась в подполье. ...Подполье рушится. Смелей же вперед ...зовите к себе всех рабочих социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами»[1]. Схожие тенденции к приёму просматривались во всех без исключения общероссийских политических партиях. Были ли обоснованы такие методы записи в партийные ряды? Думается, что не всегда. Приведём яркий пример, черносотенцы пошли ещё дальше социал-демократов, они записывали в свои ряды семьи вместе с детьми, целые селения, фабрики, даже улицы в городах, искренне считая себя представителями всего русского народа[2]. Понятно, что такой огульный приём населения в политические партии привёл к ничем не сдерживаемому выходу из них населения на исходе революции и в течение второй половины 1907 года. Поэтому считать членами правомонархической организации целую деревню, улицу в городе или скажем семью с детьми, абсурдно, а тысячи «социал-демократических рабочих», по терминологии В.И. Ленина, по крайней мере, не правомерно.

Неопределенность понятия «член партии» позднее перекочевало и в историческую литературу. Если количественными характеристиками политических партий историки занимались особенно плотно последние 30-35 лет, то методика их подсчета так и не была выработана. Отсутствие методики создавало и создает реальные трудности в исследовательском процессе, прежде всего в выявлении численности политических партий, а также эволюции динамики их организационных структур, точности территориального размещения политических партий. Методологическая нерешённость данной проблемы приводит к невозможности определить ту грань, за которой человека, соприкасавшегося с деятельностью партийной организации, следовало считать членом политической партии. Именно для

устранения вышеперечисленных недостатков и необходимо было институализировать понятие «член партии».

С другой стороны, при работе с источниками возникла необходимость решить данную проблему ещё и потому, что она позволяла фактически подвести методологическую базу под весь процесс исследования количественных характеристик и территориального размещения основных общероссийских политических партий. Таким образом, без определения понятия «член партии» было бы достаточно сложно провести данное научное исследование.

Неопределенность понятия «член партии» сыграла злую шутку с политическими партиями на исходе революции 1905-1907 годов, когда из их рядов начался массовый выход членов. В этом хаосе событий было просто не до скрупулезной фиксации выхода членов, однако определенные цифры всё же отложились в источниках. Спад численности политических партий впечатляет. Численность уменьшилась не на тысячи, а на десятки тысяч в каждой общероссийской политической партии. А затем стабилизировалась, хотя и была подвержена незначительным колебаниям. Данная «фиксированная» численность позволила выявить для всех общероссийских политических партий, хотя и с некоторыми оговорками, две группы членов, которых можно классифицировать следующим образом: *оставшиеся* - это группа идейных единомышленников, носителей партийной идеологии, партийный актив, партийная бюрократия; *вышедшие* - это рядовые члены, а также примкнувшие к партиям политически активные слои населения, «попутчики» (по определению В.И. Ленина) или «сочувствующие». Появление в политических партиях внутренних групп, только подтверждает непреложный факт, что, несмотря на репрессии правительства и продолжавшийся процесс партогенеза в России, политические партии как политический институт уже вполне сложились. Такой подход к проблеме уже позволяет, по крайней мере,

выделить два слоя членов политических партий. А вслед за этим предпринять попытку выяснить мотивы прихода в политические партии обеих групп членов, что ещё больше приблизит нас к определению понятия «член партии».

Отечественная историография вслед за руководством политических партий методологически четко не зафиксировала понятие «член партии». В советской исторической науке основное внимание уделялось по понятным причинам истории большевистской партии. Для неё понятие «член партии», с одной стороны, базировалось на ленинской формулировке члена партии, принятой на IV Объединительном съезде РСДРП. Но одновременно, с другой стороны, в годы революции 1905-1907 годов членами РСДРП, вслед за В.И. Лениным, советская историческая наука считала «организованных», «социал-демократических рабочих». Эти члены партии, как выяснилось, также соответствовали ленинскому понятию «член партии». Результатом такого двойного стандарта (видимо, во многом необходимого и объяснимого событиями революции 1905-1907 годов) в подходе к понятию «член партии» стало то, что советская историческая наука в условиях нормативной идеологии и отсутствия традиции изучения феномена политической партии в рамках политической науки не могла дать чёткого определения «член партии», которое бы, во-первых, не вступало в противоречие с ленинским, и, во-вторых, идеология жёстко требовала, чтобы в любой момент партийной дооктябрьской истории большевизма она представлялась бы, как «всепобеждающее» учение. Численность же партии большевиков не всегда могла сыграть в пользу создаваемого «непогрешимого» образа большевизма. В условиях такой идеологической зажатости советские историки, понятное дело, пытались уходить от чётко сформулированного и зафиксированного определения «член РСДРП», даже в таких работах, где это было просто

необходимо. А вопрос о фиксации понятия «член партии» для других политических партий просто не мог быть поставлен.

Так в коллективной монографии, посвященной анализу количественных характеристик общероссийских политических партий в годы революции 1905 – 1907 годов, вышедшей в 1987 году, также нет определения понятия «член партии», но уже отмечается, что «оформленное членство (в РСДРП – *Н.П.*) существовало в те годы далеко не во всех организациях. Подъём революционного движения и вовлечение в борьбу новых, необученных “рекрутов революции” сопровождалось ростом элементов стихийности, увеличением числа нестойких временных попутчиков революции в рядах РСДРП»[3]. В отношении других «непролетарских» политических партий выводы исследователей совпали с нормативной идеологией, что позволило авторам сборника правдиво написать о рыхлости партийных структур и не зафиксированности членства в них. Так, один из ведущих исследователей российского либерализма В.В. Шелохаев, говоря о членах «Союза 17 октября», констатировал: «“Союз 17 октября” представлял собой весьма пёстрый конгломерат лиц, часть которых последовательно придерживалась основных программных и тактических установок, разработанных центральным партийным руководством, а другая часть в своей практической деятельности мало, чем отличалась, с одной стороны, от кадетов, а с другой, - от черносотенцев»[4]. Такие оценки членов политической партии характерны по своей природе не только для легального «Союза 17 октября», но и для нелегальной эсеровской партии: «...довольно значительная часть “записавшихся” в ряды эсеровской партии (во время революции 1905-1907 годов – *Н.П.*) вообще никогда не принимала активного участия в партийной работе. Отсутствие строгих уставных принципов открывало широкий простор включению в ряды эсеров околопартийных элементов, попутчиков»[5].

Уже в постсоветское время интерес к понятию «член партии» в отечественной исторической науке несколько охладел. Этому есть понятное объяснение: вопрос слишком сложен и неоднозначен и ответ на него следует искать в политологическом определении понятия «политическая партия», то есть на «междисциплинарном стыке» исторической и политической науки.

В этом смысле, характерно, что вышедшей в постсоветский период книге «История политических партий России», предложена следующая дефиниция «партии»: «Партия - активная часть народа (группа людей) в большинстве случаев единомышленников, объединённая в политическую организацию, ставящая своей целью совместными действиями её членов отстаивание интересов определенной социальной группы общества»[6].

Опуская анализ предложенного понятия «партия»[7], который выходит за рамки проблем, рассматриваемых в монографии, тем не менее, заметим, что из этого определения «партии» не ясно, кто же является членами партии - активная часть народа, группа людей, или те и другие вместе, и в какой степени обе категории являются единомышленниками. Кроме того, «активная часть народа» и «группа людей» понятно не одно и то же, в том числе с позиций определения численности партийных рядов. А ведь численность является одной из определяющих характеристик политической партии. Далее «группа людей» в отличие от «активной части народа» и представляла собой в большинстве случаев идейных единомышленников, которые составляли костяк политической партии, без «направляющей и руководящей» деятельности которого само существование политической партий было, вряд ли возможно даже при наличии «активной части народа».

Сама же «активная часть народа», - к которому следует ещё добавить термин *«политически» активная*, - по существу, эксплицитно являлась той частью социального движения населения, артикуляция интересов которого

носила больше социально-экономический характер, нежели политический. Политические же праксис и канализацию интересов «активной части населения» пытались/брали на себя как раз политические партии. Ранее уже говорилось о разделении членов политических партий на группы по взглядам. События межреволюционного десятилетия, февральской и октябрьской революций 1917 года, гражданской войны, наглядно подтвердили, что члены политических партий из «активной части народа» при несовпадении их интересов с тактической линией руководства партий резко дистанцировались от деятельности последних. Однако вся сложность ситуации в решении проблемы определения понятия «член партии» как раз и состоит в том, что отсеивать таких членов, видимо, нет необходимости, ибо российская партийность начала XX века находилась на начальном этапе формирования и институализации, и это имеет принципиальное значение. Ведь в межреволюционное десятилетие, именно такие члены из политически активных представителей социального движения населения покинули ряды политических партий, и сохранившиеся партийные организации превратились, по существу, в немногочисленные «группы людей», объединивших только идейных единомышленников. В данном контексте просматривается, хотя и непрямолинейная, но несомненная связь идеологий политических партий и политических предпочтений населения с одной стороны, с социально-экономическими требованиями различных его слоёв и феноменом массового сознания в переломные моменты истории с другой. Пожалуй, наиболее ярким примером такой связи является черносотенное движение, когда противоречивость функционирования массового сознания объединила в единую организацию откровенных консерваторов и ретроградов, отвергавших политические и социальные преобразования в стране и радикально настроенные слои, прежде всего, крестьянство, выступавшее за проведение аграрной

реформы, которая в крестьянской интерпретации вела к революционным изменениям существовавшего в России строя.

Отсутствие понятия «член партии» оказалось существенной методологической потерей, что побудило автора дать определение этому понятию. При этом автор, естественно, не претендует на точное и обобщенное определение.

Для периода межреволюционного затишья понятие «член партии» можно определить следующим образом: *член партии* - это человек, попавший (посещавший, работавший, записавшийся) по идеологическим и политическим взглядам/предпочтениям в партийную организацию, которая входила в партийную структуру и действовала от имени данной политической партии. Такое вхождение подразумевало как активное, так и пассивное участие члена в партийной организации, и даже разовое его участие в работе партийной организации. При этом членов партий в силу особенностей формирования российской партийности начала XX века, следует условно разделить на две категории. Во-первых, это идейные единомышленники, сделавшие свой сознательный политический выбор, являющиеся носителями идеологии, определившие свою политическую принадлежность к данной политической партии. Во-вторых, политически ориентированные люди, которые являлись представителями политически активной части социального движения населения, участвовавшие в работе политических партий в силу своих политических предпочтений, основанных на их положении в обществе, экономических, социальных, культурных, мировоззренческих и других интересах.

Понятно, что такое определение понятия «член партии» весьма условно. Однако оно дало возможность в монографии при выявлении численности политических партий отсеять «не членов». К примеру, людей, участвовавших в различных акциях протеста (демонстрациях, митингах, собраниях общественности, маёвках и других акциях) организованных и

проходивших под патронажем политических партий, или людей, просто соприкасавшихся с политическими партиями, но не состоявших, хотя бы номинально, в партийных организациях.

Кроме того, данное нами определение понятия «член партии» даёт понимание неадекватности двух категорий членов политических партий, что достаточно ясно проявилось в межреволюционное десятилетие. К сожалению, и после данного определения дефиниции «член партии» выявить с достаточной точностью численность политических партий в межреволюционный период, представляется делом весьма сложным, ведь участие в политических партиях представителей социального движения населения (которых можно определить как «членов – сочувствующих» и которые представляли большинство членов политических партий) зависело от политической обстановки в России. В этот период она трижды изменялась, хотя и в рамках существовавшего авторитарного режима: политическая реакция - нарастание признаков новой политической нестабильности/кризиса - Первая мировая война. И в каждый из этих периодов участие «членов – сочувствующих» в партиях было нетождественно. Как результат, численность политических партий, особенно легальных, временами сильно колебалось. В этом, на наш взгляд, нет ничего страшного, наоборот, это только подтверждает, что процесс формирования российской партийности продолжался, несмотря на отрицательные внутриполитические условия в стране. Одновременно, благодаря изменениям политической обстановки в стране в межреволюционное десятилетие, у автора появилась возможность на основе полученных сведений о количественных характеристиках политических партий отделить одну категорию членов от других. Так, в период реакции леворадикальные и кадетскую партии повсеместно покинули «члены – сочувствующие», составлявшие абсолютное, подавляющее число членов этих политических партий, в результате

оказалось возможным определить с достаточной долей уверенности численный состав членов, которые являлись идейными единомышленниками, носителями партийной идеологии, партийным активом и партийной бюрократией. Для правых такой период характерен в 1909-1910 годах, а так же период перед Первой мировой войной, хотя он более условен.

Для понимания процесса партогенеза проходившего в России в начале XX века необходимо также учитывать, какие типы политических партий институализировались в данный период. Отталкиваясь от классификации типологий политических партий, французского политолога М. Дюверже, заметим, что РСДРП, ПСР и черносотенные формирования складывались как массовые политические партии, а либеральные КДП и «Союз 17 октября» тяготели в своей институализации к кадровым партиям.

При этом, опираясь на типологию Ж. Блонделя необходимо констатировать, что по формам деятельности и функционирования РСДРП и ПСР следует отнести к жёстко идеологизированным политическим партиям, а черносотенные формирования к популистским.

Данные различия оказали существенное влияние на динамику численности общероссийских политических партий. Так деятельность кадровых партий КДП и «Союза 17 октября» активизировалась в период выборов в Государственную думу и в региональные представительные органы (земства, городские думы), в остальное же время деятельность партийных комитетов/организаций этих партий чаще всего минимизировалась.

***

В силу объективных условий – местонахождение основной источниковой базы по общероссийским политическим партиям это Россия. Поэтому проблемами количественных характеристик политических партий занималась в основном отечественная историческая наука. Тон и

направление исследованиям на протяжении десятилетий советской власти задавали определенные тенденции. Во-первых, наиболее историографически хорошо исследованы количественные характеристики большевистской партии. Это вполне объяснимо. В условиях политической несвободы и однопартийности, вообще по праву победителей, долгие годы «естественный» приоритет отдавался исследованиям, связанным с историей большевистской партии. История же других политических партий, а тем более анализ их количественных характеристик на протяжении нескольких десятилетий после октября 1917 года и вплоть до 60-х-70-х годов интересовали победителей только с точки зрения поучительности исторических примеров, которые бы подтверждали «выдающуюся» роль большевистской партии в новой, советской истории России. Кроме того, ещё были живы очевидцы событий, которые вносили эти тенденции, в историческую науку становившиеся традициями[8]. Всё это вместе взятое стало причиной запретов для исследования политических партий и замалчивания нежелательных результатов исследований, в том числе и по анализу количественных характеристик, особенно если последние, как выяснялось, превосходили пусть по некоторым параметрам и в определенные временные промежутки количественные характеристики большевистской партии. И если в 20-е годы ещё появлялись немногочисленные работы, связанные с недавним прошлым, из которых можно было узнать, в том числе и о количественных характеристиках общероссийских политических партий, то потом на эту проблему опустился идеологический занавес[9], напрямую связанный с тоталитарным режимом, установленным в стране И.В. Сталиным.

Страх перед этим запретом оказался столь действенным, что существовал и после смерти И.В. Сталина, вплоть до 60-х годов. Только в 60-е – начале 70-х годов вышел ряд работ о политических партиях России общего характера[10]. В то время изучение и анализ их количественных

характеристик не получил системного и строго научного развития. По-прежнему в подходе к изучению данной проблемы идеология продолжала довлеть над научным интересом. При этом часто изучение и анализ носили идеологически конъюнктурный, заказной характер, отличались схематизмом, прежде всего, это относится к очеркам истории партийных организаций РСДРП. Негативные, с точки зрения нормативной идеологии моменты, всплывавшие в ходе работы, не включались или изымались из исследований. Вместо них в текст вставлялись общие информационно-нейтральные фразы. Это, естественно, создавало искаженную картину истории российской партийности начала XX века и, прежде всего истории большевизма.

Изучение истории других политических партий находилось на принципиально другом уровне исследования, который можно охарактеризовать как начальный этап углубленного изучения их истории. И при этом история «других» политических партий всё ещё продолжала рассматриваться с позиций «Большевики против ...». В этих исследованиях количественным характеристикам отводилась в основном эпизодическая, конъюнктурная, идеологически-разоблачительная роль, которая должна была подтвердить «ущербность» этих политических партий в сравнении с партией большевиков. Естественно, чем дальше в политическом спектре политическая партия отстояла от большевистской, тем меньше она попадала в поле зрения историков.

Положение стало меняться в 70-х--80-х годах, когда целый ряд исследователей вплотную занялись проблемами «остальных» политических партий, в том числе и их количественными характеристиками. В результате усилий таких исследователей как О.В. Волобуев, В.Н. Гинев, К.В. Гусев, Н.Г. Думова, В.В. Комин, М.И. Леонов, Л.М. Спирин, С.А. Степанов, С.В. Тютюкин, К.Ф. Шацилло, В.В. Шелохаев и многих других на протяжении 70-х - начала 80-х годов была

проведена определенная работа по сбору сведении о количественных характеристиках партии и их анализу[11]. Однако ни проблема анализа количественных характеристик, ни проблема территориального размещения политических партий ещё не стала предметом специального исследования.

Вершиной и определенным этапом этих усилий стал выход в свет в 1987 году сборника «Политические партии России в период революции 1905-1907гг. Количественный анализ»[12]. В нём впервые на основе партийных документов и партийной печати была осуществлена системная попытка изучить проблему таких количественных характеристик как территориальное размещение, численность партий, их организационных структур, а также социальный состав основных общероссийских политических партий в годы революции 1905-1907 годов. До сих пор это самое полное, подробное и системное исследование, которое можно считать не просто научно-справочным изданием, а по ряду признаков, прежде всего по такому, как документально подтверждаемые и точные факты, данный исследовательский труд может быть приравнен ко вторичному источнику, ибо обобщает и систематизирует сведения, полученные в ходе обработки первичной документации.

В постсоветский период, после слома идеологических препон, появились новые возможности для исследования и анализа количественных характеристик политических партий России. Усилия историков оказались сконцентрированы на двух направлениях изучения данной проблемы: продолжение исследований и анализ количественных характеристик политических партий, действовавших в России в начале XX века, во-первых, в масштабе всей страны, во-вторых, в региональном масштабе. Как результат, появилось достаточное количество работ, посвященных этой проблематике. Отметим только наиболее значимые работы, посвящённые анализу количественных характеристик

политических партий России, хронологические рамки, исследования которых совпадают с заявленными в монографии. Заметим также, что исследователи уделяли наибольшее внимание сбору сведений о количественных характеристиках именно в межреволюционный период, видимо, по двум причинам во-первых, исторической неисследованностью этого «белого пятна» российской партийности начала XX века, в отличие от периода революции 1905-1907 годов, во-вторых, из-за относительной обильности и доступности сохранившейся источниковой базы.

Одним из самых значительных исследований этого периода стала книга, одного из ведущих исследователей российского либерализма, В.В. Шелохаева «Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг.»[13], в которой вниманию историков, занимающихся данной проблематикой, предложены новые сведения по количественному анализу либеральных партий, прежде всего здесь представлены характеристики интересующих нас кадетской и октябристской партий, а также прогрессистов «применительно к межреволюционному периоду 1907-1914 гг.»[14]. Собранные и систематизированные автором сведения по количественным характеристикам либеральных партий позволили более детально и объективно взглянуть на историю российского либерализма начала XX века. Данное исследование В.В. Шелохаева явилось продолжением целого ряда работ, опубликованных автором по этой проблематике, на протяжении 70-х--90-х годов.[15]

Среди других работ этого периода выделим работу С.А. Степанова «Черная сотня в России. 1905 - 1914 гг.»[16]. Исследователь впервые в отечественной исторической науке, попытался комплексно рассмотреть, в том числе с помощью анализа количественных характеристик, историю правомонархических формирований в России. С.А. Степанов в специальной главе рассматривает изменение динамики численности

правых, их организационных структур, географии распространения, социального состава.

Но наибольшее количество исследований по данной проблематике в этот период было посвящено изучению российской провинциальной партийности. При этом работы, изучающие количественные характеристики политических партий в регионах, по своей смысловой нагрузке и проблемности подразделяются на два чётко выраженных исследовательских направления. Первое - носит ознакомительно-информационный, обзорный характер[17]. Второе - комплексный, ставящий перед собой цель рассмотрение и анализ российской партийности как общественно-политического явления российской действительности начала XX века[18]. Последнее направление вызывает вполне объяснимый интерес историков, ибо оно позволяет рассмотреть проблему российской партийности с локально-региональных позиций. Среди них выделяются работы И.В. Нарского[19], который не только ввёл в научный оборот собранные им новые сведения о количественных характеристиках политических партий, действовавших в уральском регионе в начале XX века, но и попытался «нащупать» новые нетрадиционные подходы в изучении проблем российской партийности, решить которые с помощью нынешнего, во многом неудовлетворительного уровня знаний по проблеме и с помощью старых методологических подходов нельзя. На богатом материале, а также с помощью анализа количественных характеристик общероссийских политических партий, действовавших в уральском регионе, И.В. Нарский достаточно аргументировано показал, что «одно крупномасштабное явление» «развело по политическим течениям россиян» это «трансформационный кризис России конца XIX - начала XX вв.»[20].

Комплексное изучение количественных характеристик общероссийских политических партий через призму регионально-локального уровня, в совокупности с другими направлениями научного

исследования проблем российской многопартийности начала XX века, заставило по-новому взглянуть отечественных исследователей данной проблемы на провинциальную партийность. Основным результатом нового подхода стало несоответствие взглядов на российскую многопартийность начала XX века из центра и из провинции. Работы же по изучению провинциальной партийности позволяют преодолеть это несоответствие, ибо рассмотрение и анализ провинциальной партийности всегда происходит в тесной связи с региональными особенностями, которые оказывали непосредственное влияние на деятельность политических партий в провинции. Необходимость и научная ценность такого подхода очевидна, серии таких локальных исследований, рассматривающих деятельность политических партий в различных регионах страны, позволяют взглянуть в целом на российскую многопартийность как бы изнутри, из регионов, что, несомненно, придает новый импульс изучению российской партийности начала XX века. Более того, вполне понятно, что именно изучение российской многопартийности на региональном уровне позволяет исследователям провести сравнительный анализ деятельности политических партий в регионах, выделить региональные особенности, а на их фоне определить общие тенденции и закономерности развития российской партийности начала XX века. С этой точки зрения нельзя недооценивать исследования провинциальной партийности, в которых немаловажную роль играют выявление и анализ количественных характеристик политических партий. Именно в этом направлении и происходит изучение российской многопартийности на региональном уровне отечественными исследователями в постсоветский период.

Впрочем, не умаляя всей важности полученных результатов и достижений отечественной исторической науки по введении в научный оборот новых сведений по количественным характеристикам, отметим один существенный недостаток этой информации. Количественные

характеристики даны в этих исследованиях в абсолютном своём большинстве по временным периодам (трёх-, пятилетиям), а не по отдельным годам. Это, естественно, вводит в некоторое заблуждение исследователей, так как часто из контекста не понятно, дана суммарная, по определенному временному периоду, или единожды зафиксированная, в отдельный год, количественная характеристика, к примеру, численность политических партий и их отдельных организаций. Говоря же в целом о состоянии историографии по интересующей нас проблеме и в интересующий нас период, следует отметить, что в настоящее время отечественные исследователи начали более активно интересоваться количественными характеристиками основных общероссийских политических партий на региональном уровне, анализировать и применять выявленную информацию в своих работах. Проблема же исследования количественных характеристик политических партий в общероссийском масштабе в межреволюционный период недостаточно разработана ни отечественными, ни зарубежными исследователями.

Значительным достижением в исследовании проблем территориального размещения и динамики численности общероссийских политических партий стал выход в 2001 году, подготовленного автором этих строк, сборника «Политические партии России: 1907-1917гг. (Количественный анализ)»[21]. Данный сборник явился логическим продолжением сборника вышедшего в 1987 году «Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ»[22].

Источниковой базой для сборника послужили материалы, отложившиеся в ряде фондов, которые хранятся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ). В процессе сбора сведений автору удалось выявить и систематизировать достаточно большой объём информации. В результате проведенной работы в сборнике впервые систематизированы и представлены погодовые количественные

характеристики основных общероссийских политических партий, численность политических партий и их организационных структур в общеимперском масштабе, а также территориальное размещение и численность партийных организаций по губерниям, уездам, городам и населённым пунктам сельской местности, в период с июня 1907 года по февраль 1917 года. Такой комплексный подход не только выгодно отличает сборник от других исследований такого рода, но и позволил значительно расширить границы изучения проблемы.

При работе над сборником и возникла идея написания данной монографии, ставящей задачей дать всесторонний анализ накопленной информации, сделать на её основе общие выводы, наблюдения, позволяющие углубить представления об истории политических партий России в начале XX века. В основу монографии были положены статистические материалы данного сборника. Кроме того, впервые привлечён и значительный архивный материал.

В предлагаемой монографии были использованы полученные в ходе исследования количественные характеристики общероссийских политических партий. Большинство из них было обобщено и использовано в монографии, прежде всего для анализа развития российской партийности в региональном, а также общепартийном разрезах. Как результат, с помощью анализа количественных характеристик удалось выявить определенные закономерности в географии распространения политических партий на территории империи, в эволюции их организационных структур, в динамике численности, а также проанализировать разновекторность партийных предпочтений населения в регионах.

Характеристика источников и методика их сбора будут даны мною в отдельной главе, ввиду важности источниковой базы для проведённого в монографии научного исследования. Здесь же необходимо только отметить, что в ходе работы над монографией были использованы

материалы партийного происхождения и документация секретной политической полиции - Департамента полиции, наблюдавшего, в том числе, и за деятельностью политических партий. Данные материалы отложились в специальных фондообразованиях ГАРФ. В отличие от них, партийная литература, того времени, особенно это касается левых партий, по существу не содержит полезной информации по количественным характеристикам общероссийских партий. Во-первых, в периодической печати сведения о количественных характеристиках политических партий фактически не публиковались. Во-вторых, очевидно, что информация, отложившаяся в партийной и государственной документации конфиденциального характера, как показывает опыт, является наиболее достоверной. Именно такая источниковая база и была задействована. В то время как партийные материалы, предназначавшиеся для широкой публики - газеты, брошюры, различные листовки, зачастую искажали реальные факты для того, чтобы достичь необходимого пропагандистского эффекта.

Таким образом материалы, отложившиеся в делах фондов Департамента полиции и самих политических партий, по существу, являются единственными источниками, позволяющими воссоздать если не детальную, то, по крайней мере, общую картину состояния общероссийских политических партий, в данный хронологический период. Кроме того, несмотря на различный уровень объективности источниковых баз партийных фондов и фонда Департамента полиции, сравнительный анализ материалов отложившихся в них, позволяет с большой долей уверенности восстановить объективную картину динамики численности общероссийских политических партий, их организационных структур, а также географию распространения.

В заключение заметим, что процесс формирования российской партийности во многом уникален. И даже сегодня он во многом не

окончен, скорее наоборот. Данный феномен вполне объясним, сначала развитию партийности в России мешал авторитарный политический режим, установленный в стране самодержавием, потом партийность вообще была выкорчевана как явление. Это произошло в эпоху «советского» тоталитаризма. Сегодня, в постсоветской действительности, российская партийность как политический институт, всё ещё находится, по причинам разного характера, в процессе институализации[23]. В этой связи наиболее актуальной становится проблема изучения закономерностей развития российской партийности начала XX века, ибо она во многом поучительна для современного партийного истеблишмента.

Автор выражает особую благодарность доктору исторических наук, профессору В.В. Шелохаеву за целый ряд ценных замечаний и советов.

Глава I. Характеристика источников

§ 1. Виды источников и их репрезентативность

Основными источниками для сбора информации о территориальном размещении и численности политических партий послужили документы и материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а именно нескольких его фондов, которые по своему происхождению, по степени своей значимости, полноте, разнообразию и содержанию можно разделить на две части: 1) фонд Департамента полиции и 2) фонды собственно политических партий.

В фонде Департамента полиции (Ф.102) отложился большой по масштабам и значительный по собранной информации материал о территориальном размещении и численности политических партий. Наиболее информационно насыщены материалы о деятельности партий

социалистической ориентации: РСДРП и партии эсеров, далее следуют материалы о деятельности кадетской партии. Замыкают данный информационный ряд крайне скудные сведения о деятельности монархических формирований и «Союза 17 октября».

Такая насыщенность сведений о политических партиях в материалах фонда Департамента полиции отнюдь не случайна, ибо его основной функцией, типичной для спецслужб, являлось выявление и разработка организаций, представляющих угрозу для самодержавной власти. Понятно, что основные силы и средства Департамента полиции были направлены, прежде всего, на борьбу с РСДРП, партией эсеров и другими леворадикальными организациями. Гораздо меньше внимания уделялось деятельности кадетской партии, а тем более работе октябристов и монархистов. Исходя, из данных приоритетов в Департаменте полиции была создана достаточно разветвленная организационная структура, с которой стоит познакомиться более подробно. Ведь ни один источник, отражающий деятельность местных партийных организаций РСДРП и ПСР, не является столь полным по собранной информации и репрезентативным, как дела фонда Департамента полиции, так как ни в каком другом источнике так тщательно и даже скрупулезно не фиксировалась информация обо всех сторонах и аспектах деятельности местных организаций РСДРП и ПСР в масштабе империи.

Поэтому вопрос о структуре Департамента полиции, вернее её дееспособности, становится ещё более актуальным в связи с необходимостью выяснить степень объективности информации, которую получали подразделения Департамента полиции о партийной работе обеих социалистических партий.

Департамент полиции был создан 18 февраля 1883 года, как ведомство, усилия которого были направлены на борьбу с революционными организациями. Поэтому в ведение Департамента полиции были переданы

руководство, координация и контроль над деятельностью полицейских, жандармских, охранных и сыскных органов, отвечавших за политический розыск и дознание по политическим делам. Кроме того, Департамент полиции обладал большими возможностями в выборе средств и методов для получения необходимой информации. Таким образом, он сконцентрировал в своих руках всевозможные каналы борьбы с революционерами.

За двадцать с лишним лет своей деятельности Департамент полиции неоднократно реструктурировался и к концу революции 1905-1907 годов был создан как стройная, чётко отлаженная, мобильная и, главное, результативная структура, все усилия которой были направлены на поиск, получение и сбор информации на местах о деятельности РСДРП, ПСР и других леворадикальных организаций, её инфильтрации и предварительного анализа.

Благодаря своей «работе» с революционными партиями Департаменту полиции к исходу революции 1905-1907 годов удалось, по сути, взять под свой контроль деятельность организационных структур РСДРП и ПСР сверху донизу, вплоть до ЦК обеих партий. Департамент полиции получал информацию о деятельности этих партий из первых рук, внедряя в партийную среду своих агентов: секретных сотрудников и провокаторов. Сведения, полученные от одного из них, подвергались перекрестной проверке с помощью информации добытой другим/другими секретными сотрудниками, действовавшими в этой же партийной организации; информаторами-заявителями, наружным наблюдением, ликвидациями организаций и арестами партийцев. Такая перекрестная проверка, полученная от «работников» Департамента полиции, позволяла добиваться определенных результатов. Получаемая информация оседала в жандармских управлениях, отвечавших на местах за политический розыск. Здесь она сортировалась, «выстраивалась по ранжиру» и отправлялась в

Особый отдел Департамента полиции, который был создан в январе 1898 года. Особый отдел отвечал за политический розыск на территории империи и за координацию усилий местных структур политической полиции в борьбе с противоправительственными партиями и обществами.

Задачей сбора сведений о деятельности РСДРП и ПСР на местах занимались, как уже отмечалось выше, губернские и областные жандармские управления, а также созданные в некоторых губерниях уездные и городские жандармские управления. Всего в империи до февральской революции 1917 года функционировало 69 губернских, 3 областных, 4 городских и 30 уездных жандармских управления, подчинявшихся Особому отделу. Сотрудниками жандармских управлений были военнослужащие, составлявшие особый корпус жандармов. Военная дисциплина усиливала их ответственность. Опыт, накопленный десятилетиями (жандармские управления были образованы в 1867 году), во-первых, несомненно, помогал в работе над дознаниями о деятельности революционных организаций, которые действовали на подведомственных управлениям территориях - губерниях, областях, уездах и в городах, и, во-вторых, создавал дополнительные возможности в выполнении поставленных перед ними задач.

Для систематизации получаемой Особым отделом от местных жандармских управлений информации к середине 1907 года Департаментом полиции для жандармских управлений были разработаны специальные виды формализованных докладов о деятельности партийных организаций. Такая «раскладка» информации даёт исследователям ценный материал для анализа территориального размещения и динамики численности политических партий.

Сведения о деятельности партийных организаций на местах, осевшие в делах Особого отдела, представляют собой по своим масштабам - огромный документальный пласт, по своему значению – непреходящую

ценность. Ведь в потоке информации, шедшей в Особый отдел от жандармских управлений, передавались не просто заформализованные сухие выжимки - выводы о деятельности партийных организаций, что, несомненно, облегчает работу исследователей, занимающихся проблемами количественного анализа политических партий, но, одновременно, в центр пересылалась разноуровневая документация, которая подтверждала и дополняла приведённую в формализованных отчетах сухую статистику.

Весь поток информации с мест был классифицирован и заформализован под определенными кодами. Прежде всего, на РСДРП, ПСР, а также кадетов (начиная с 1910 года) Особым отделом были заведены дела с порядковыми номерами: для РСДРП - №5, для ПСР - №9, для кадетов - №27. За номером дела следовал следующий уровень классификации – «части». Под номером «частей» обозначались названия губерний, выстроенных в алфавитном порядке. Виды информации скрывались за следующими далее значком - «литера» или её отсутствием. Поясним. Согласно этой информационной раскладе, Особый отдел от каждого жандармского управления должен был получать следующие дела: 1) «Общее дело» (единственное дело без литеры) - в нём сосредотачивались сведения общего характера о деятельности партийных организаций на подведомственной жандармскому управлению территории; 2) под литерой «А» - «комитетское дело», где концентрировались сведения о деятельности губернского, областного или других уровней партийных комитетов РСДРП, ПСР и кадетов; 3) под литерой «Б» - «наружное наблюдение» - данное дело представляло своего рода ежемесячный журнал агентурных сводок секретных агентов, действовавших в рядах социал-демократов и эсеров, а также информация случайных заявителей - так называемых «штучников»; 4) под литерой «В» скрывались «отчеты по наружному наблюдению», которые и представляли собой короткие формализованные доклады, внесённые в специальные бланки. Последние

должны были заполняться ежемесячно. Здесь по пунктам откладывалась информация о деятельности партийной структуры на местах: о существовании партийных организаций или отсутствии таковых, об их типах, о территориальном размещении организаций, о времени их образования и ликвидации, об издании и распространении нелегальной литературы, о деятельности боевых и военных организаций, о работе подпольных типографий. На отдельных листах поименно и в алфавитном порядке перечислялись члены всех зафиксированных партийных организаций данной партии, которые действовали на территории, подотчетной жандармскому управлению. Как видно, интересовавшие нас сведения о количестве партийных организаций РСДРП и ПСР и их численности в таких «отчетах по наружному наблюдению» представлены исчерпывающе; 5) последняя литера «Г» - в ней собиралась вся информация о распространении на территории, подведомственной местному жандармскому управлению, нелегальной партийной литературы.

Впрочем, не всегда в фонде Особого отдела имеются все виды вышеперечисленных дел о деятельности местных партийных организаций РСДРП и ПСР. Наполняемость дел по кадетской партии вообще минимальна. Это происходило по двум причинам. Во-первых, из-за отсутствия на местах самих объектов наблюдения (например, комитета) и, во-вторых, материалов для сбора (например, нелегальной литературы, членов организации и т.д.).

Как было отмечено, основным источником информации для нас служили сведения, внесенные в «отчеты по наружному наблюдению». Это тем более важно, что при отсутствии последних предполагалось и отсутствие организаций этих политических партий на местах. Впрочем, это утверждение перепроверялось с помощью ежемесячного журнала агентурных сводок. Таким образом, уже в самой системе сбора информации о деятельности партийных организаций на местах

Департамент полиции заложил возможность перекрестной проверки собранных сведений. Более того, ни ежемесячные журналы агентурных сведений, ни формализованные отчеты по наружному наблюдению за деятельностью партийных организаций не являлись, что важно подчеркнуть, единственными документами, положенными в дела под литерами «Б» и «В». В каждом из дел под этими литерами имеется достаточное количество материалов (различных записок, справок, запросов и т. д.), зафиксировавших дополнительную информацию о деятельности местных партийных организаций. К таким материалам относятся: переписка местных жандармских управлений с Особым отделом и другими структурными подразделениями Департамента полиции по поводу обысков и арестов революционеров, материалы по наблюдению за деятельностью партийных организаций и материалы об их ликвидации, различные партийные документы, попавшие в руки полиции, перлюстрированные письма, справки и обзоры деятельности партий на местах, составленные на основе агентурных материалов, документация о производстве дознаний арестованных партийных деятелей, запросы жандармских управлений в картотеку Департамента полиции о «противозаконной» деятельности отдельных лиц, переписка начальников жандармских управлений с Департаментом о розыске членов политических партий, об организации борьбы с распространением нелегальной литературы, о подавлении стачечного движения, о разгоне рабочих демонстраций и маёвок, о подавлении аграрных беспорядков и о степени участия в них местных партийных организаций и другие документы связанные с деятельностью политических партий.

Даже неполное перечисление дополнительных документов, сосредоточенных в этих делах, позволяет говорить о ценности заключённой в них информации, так как после обработки этих документов, удавалось получать новые сведения, которые часто корректировали уже

полученную информацию о деятельности партийных организаций на местах. Более того, обилие таких дополнительных материалов или, наоборот, их отсутствие, даёт возможность говорить о силе местных партийных организаций, с одной стороны. С другой стороны, обширная переписка жандармских управлений с Департаментом полиции позволила сохранить для исследователей обширный и достаточно ценный материал о деятельности организаций РСДРП, ПСР и отчасти кадетской партии на местах.

Таким образом, информация, отложившаяся в «партийных» делах Особого отдела Департамента полиции, достаточно полна и репрезентативна, так как жандармские управления, как видно, ещё на местах подвергали полученные сведения перепроверке. Впрочем, вопрос о достоверности и объективности получаемой информации с мест, интересовал и сам Особый отдел. Поэтому не случайно, что Особый отдел, по возможности, старался перепроверить сведения, поступавшие от жандармских управлений, и при необходимости он обращался за «информационной поддержкой» к действовавшим с декабря 1906 года районным охранным отделениям, деятельность которых во многом дублировала работу местных жандармских управлений, ибо на них также возлагалась задача политического сыска. Однако основное их отличие от жандармских управлений состояло в том, что районное охранное отделение представляло собой более крупную структурную единицу Департамента полиции, которая была создана для объединения и координации усилий всех жандармских управлений, действовавших на территории, подчиненной районному охранному отделению. Для того чтобы усилия в борьбе с революционными партиями были более весомыми, территория охранного отделения согласовывалась с территорией, на которой действовал областной или окружной комитет РСДРП или ПСР. Сначала было создано 8 охранных отделений: Северное

(Санкт-Петербургское), Центральное (Московское), Поволжское (Самарское), Юго-Восточное (Харьковское), Юго-Западное (Киевское), Южное (Одесское), Северо-Западное (Виленское), Прибалтийское (Рижское). Позднее были учреждены также: Туркестанское, Кавказское, Привислинское, Пермское и другие. Однако вскоре выяснилось, что эксперимент с районными охранными отделениями оказался неудачным, так как их функции во многом дублировали функции жандармских управлений, что мешало эффективной работе обеих структур. В результате очередных перестроек структуры политической полиции к февралю 1917 года все охранные отделения (кроме трёх: Московского, Петроградского и Варшавского) были упразднены.

При необходимости получения дополнительной информации о деятельности, в первую очередь, местных леворадикальных организаций и реже кадетов, Особый отдел обращался в Охранное отделение за разного рода справками о деятельности интересующих его организаций и отдельных лиц. Отложившиеся в материалах Особого отдела ответы также позволили нам дополнить картину и ещё раз перепроверить информацию, собранную собственно жандармскими управлениями о деятельности партийных организаций на местах.

Однако Департамент полиции не был бы спецслужбой, если бы наряду с Особым отделом, жандармскими управлениями и районными охранными отделениями не создал бы ещё во многом параллельные структуры, которые бы часто дублировали, а значит, перепроверяли ещё один, уже третий раз, информацию, полученную Особым отделом и охранными отделениями. Речь идет о структурных подразделениях Департамента полиции, носивших наименование – Делопроизводство (Отдела). За все время существования Департамента полиции было создано 9 делопроизводств. Из них только два делопроизводства (отдела): 4 и 7, как

и Особый отдел, в разное время непосредственно занимались разработкой деятельности политических партий.

4 делопроизводство (так называемое - новое - в отличие от старого, занимавшегося другими делами) было создано в январе 1907 года, после очередной реорганизации Департамента полиции. На него были возложены обязанности по наблюдению за рабочими и крестьянскими движениями, политическим направлением легальных обществ, земских союзов, городских и сословных учреждений. В деятельности же социального и общественного движения населения активное участие принимали политические партии России, что, понятное дело, по долгу службы попадало в поле зрения 4 делопроизводства. В результате в материалах данного делопроизводства сохранилось достаточное количество документов, которые так же помогли нам не столько перепроверить, сколько дополнить информацию о деятельности, прежде всего местных партийных организаций РСДРП, ПСР, а также кадетской партии.

Из оставшейся «небольшой» части «старого» 4 делопроизводства в сентябре 1907 года было образовано 7 делопроизводство. В его обязанности входило наблюдение за производившимися жандармскими управлениями формальными дознаниями, составление для следственных органов справок о революционной деятельности лиц, членов политических партий, привлечённых к следствию по делам о деятельности революционных организаций и политических партий. С мая 1905 года 7 делопроизводство занималось также сбором информации о деятельности политических партий, составлением розыскных циркуляров. В таких наблюдательных делах, откладывавшихся в 7 делопроизводстве в течение межреволюционного десятилетия, сконцентрирована до некоторой степени обобщенная и подводящая итоги ликвидаций партийных организаций и аресты их членов информация, позволившая выявить время действия

партийных организаций на местах, их численность. Однако информация о ликвидациях, отложившаяся в материалах 7 делопроизводства, к сожалению, не носит определяющего характера, так сказать, банка данных о ликвидациях, проведённых на всей территории империи. Эти сведения о разгромах политической полицией партийных организаций на местах отрывочны и, более того, не систематизированы и разбросаны в документах с различной смысловой нагрузкой. Как результат, информация, полученная нами, после просмотра материалов 7 делопроизводства о деятельности местных партийных организаций, носит не самостоятельный характер, а дополнительный. И, тем не менее, она позволила несколько дополнить, а иногда и скорректировать сведения, собранные Особым отделом. Остается лишь добавить, что в материалах 7 делопроизводства собрана информация о деятельности всех общероссийских политических партий. Однако наибольшая её часть приходится, по вполне понятным причинам, на революционные партии - РСДРП и ПСР.

Информация о деятельности партийных организаций РСДРП, ПСР и, отчасти, кадетской партии откладывалась в материалах 4 и 7 делопроизводств, так сказать, в двух параллельных плоскостях и информационных слоях. Во-первых, собственно в делах отдельных, что важно подчеркнуть, фондообразований: 4 делопроизводства и 7 делопроизводства, - а также, во-вторых, в виде отдельных документов, вкраплённых в дела Особого отдела, в связи с запросами последнего к руководству 4 и 7 делопроизводств по поводу интересовавших Особый отдел сведений о деятельности местных организаций политических партий. Эти «вкраплённые» документы представляют собой различного рода справки, ориентировки, донесения начальников местных жандармских управлений и районных охранных отделений, отложившихся в 4 и 7 делопроизводствах и затребованных Особым отделом. В данных

донесениях речь идёт о деятельности политических партий в рабочем и аграрном движениях, в различных легальных обществах, о степени влияния революционной и противоправительственной агитации РСДРП, ПСР, а также кадетской партии на различные слои населения. Кроме этих документов, определенный интерес представляют доклады и докладные записки губернаторов о влиянии политических партий на различные слои населения губернии (рабочих, крестьян, интеллигенцию, студенчество), о деятельности партий в армии и на флоте.

В результате в делах 4 и 7 делопроизводств, а также в выданных ими Особому отделу различных справках, сохранилось достаточное количество материалов, которые помогли не только перепроверить, но и продублировать собранную Особым отделом информацию. Последнее важно подчеркнуть, ибо это говорит о достоверности различных источников (Особого отдела, 4 и 7 делопроизводств), которые пользовались независимыми друг от друга информаторами. Такая перекрёстная методика сбора информации позволила нам дополнить сведения о деятельности партийных организаций на местах. О существовании местных организаций РСДРП, ПСР и партии кадетов помогли узнать и материалы о распространении партийных изданий и нелегальной социал-демократической и эсеровской литературы, отложившиеся в основном в Особом отделе, и отчасти в делах 4 и 7 делопроизводств.

Другой вид источников, использованный при сборе информации о деятельности партийных организаций на местах, также хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) - это фонды собственно политических партий: Союза русского народа (Ф.116), Русского народного союза имени Михаила Архангела (Ф.117), «Союза 17 октября» (Ф.115) и кадетской партии (Ф.523).

Партийные фонды «Союза 17 октября» и обоих монархических формирований оказались основными источниками при получении сведений о деятельности организаций этих политических партий на местах. Тот минимальный информационный блок документов, отложившийся в делах 4 и 7 делопроизводств, а также в делах Особого отдела, является в силу своей незначительности, лишь дополнительным видом источников. Материалы партийного фонда кадетской партии информационно также превосходят сведения, собранные в материалах фонда Департамента полиции о деятельности партийных организаций кадетов на местах. А поэтому, как и фонды «Союза 17 октября» и обоих правомонархических формирований, материалы фонда кадетской партии являются основным источником при выявлении территориального размещения и численности партийных организаций кадетов.

Среди массива материалов, отложившихся в партийных фондах, наибольшую ценность представляют информационно насыщенные дела по переписке местных партийных организаций с центральными руководящими органами политических партий. Впрочем, степень насыщенности данной переписки зависела от двух факторов: 1) от давления репрессивного пресса государственной машины самодержавия на политические партии; 2) от отношения партийного руководства к организационным вопросам при отсутствии давления или репрессий со стороны полицейских и судебно-административных органов. И если первый фактор имел самое непосредственное отношение к кадетской партии, то второй - к руководству «Союза 17 октября», которое до крайности минимизировало свою переписку с организациями на местах. В результате своеобразного информационного «молчания» октябристской периферии в материалах фонда октябристской партии отложилось достаточно малое количество дел по переписке ЦК «Союза» с местными отделами в интересующий нас период времени. Данный фактор, на наш

взгляд, сыграл определенно негативную роль при выявлении деятельности отделов «Союза» на местах. Поэтому автором был собран не только небольшой материал, отложившийся в фонде октябристской партии, но и весьма скудные сведения, обнаруженные в делах фонда Департамента полиции. Но, к сожалению, даже «объединенная» информация не позволяет в полном объеме выявить географию распространения партийных организаций «Союза» и точно определить численность партийных рядов октябристов.

В этой связи особый интерес представляют дела, являющиеся чуть ли не единственным «массовым» и доступным источником, в котором собраны сведения о функционировании организаций октябристов в регионах. Это уже упоминавшиеся ранее немногочисленные дела по переписке руководства «Союза» с отделами. Впрочем, и она, в силу вышеназванных причин, не позволяет установить реального состояния октябристской периферии.

Восстановить до некоторой степени информационный пробел помогли отложившиеся в делах Департамента полиции, хотя и немногочисленные и недостаточно информационно насыщенные, но всё же сохранившиеся материалы о деятельности отделов «Союза» на местах. С целью выявления таких материалов автором была систематически просмотрена картотека Департамента полиции и картотека, составленная сотрудниками архива. С помощью этих картотек, были выявлены в делах Департамента полиции, относящихся к кадетской партии и правомонархическим союзам, в связи с выборами в IV Государственную думу, материалы о деятельности местных организаций «Союза». Это различные отчеты, справки начальников жандармских управлений, телеграммы губернаторов о внутреннем положении в губерниях, областях и округах. К сожалению, эти сведения малочисленны и информационно скудны. И всё же, совокупность собранных нами, по крохам, материалов о деятельности октябристских

отделов позволяет утверждать, что они достаточно репрезентативны, так как развившиеся в межреволюционное десятилетие глубокие организационный и идеологический кризисы в октябристской партии спровоцировали развал партийных организаций «Союза» на местах, что привело, в свою очередь, к резкому сокращению количества партийных организаций октябристов уже на исходе 1907 года.

У кадетского руководства, в отличие от октябристского, были другие проблемы, прежде всего с властью. Оказавшись в положении гонимых, кадеты, тем не менее, продолжали без боязни, достаточно подробно, открыто и, что важно подчеркнуть, непредвзято сообщать руководству своей партии о положении партийных организаций на местах. Поэтому, отложившиеся в материалах партийного фонда сведения о положении кадетской периферии в межреволюционное десятилетие, как нам представляется, не только достаточно репрезентативны, но и достоверны. Об этом можно достаточно обоснованно говорить потому, что, как само партийное руководство, так и кадеты на местах, признавались, в документах и письмах с мест, отложившихся в делах партийного фонда, о плачевном состоянии партийных организаций. О критическом положении кадетской партии в это время много написано кадетами и политическими деятелями других политических партий в своих мемуарах. И, наконец, информация, собранная структурными подразделениями Департамента полиции о деятельности кадетских организаций на местах в интересующий нас период, полностью, что важно здесь подчеркнуть, совпадает с оценками кадетского руководства и местных партийных функционеров. Такое совпадение в оценках положения дел партийных организаций кадетов, представляется тем существеннее, ибо подтверждает не только репрезентативность обоих источников (партийного фонда кадетской партии и фонда Департамента полиции), но и, как следствие, позволяет

нам говорить о достоверности сведений, отложившихся в материалах обоих фондов.

Дополнительным источником информации о деятельности партийных организаций двух либеральных партий являются также отложившиеся в партийных фондах материалы о партийных съездах, конференциях, совещаниях ЦК и думских фракций с участием представителей «с мест». Кроме того, необходимые сведения о деятельности кадетских организаций на местах нами были почерпнуты из материалов проверок о состоянии кадетской периферии, проводимых время от времени кадетским руководством. Первая из них была осуществлена, в 1907- первой половине 1908 года, с помощью специально составленных анкет, разосланных на места, а также переписки партийного руководства с организациями на местах, путём ревизии местных организаций представителями ЦК и личных встреч кадетов из периферийных организаций с руководством партии во время их приездов в Москву и Петербург.

Руководство «Союза 17 октября» лишь однажды в межреволюционное десятилетие провело подобную проверку партийных организаций на предмет выявления их численности. В мае 1909 года Исполнительным комитетом, созданным при ЦК «Союза», был составлен алфавитный список губернских и уездных отделов. Однако его достоверность подвергается сомнению, так как неизвестен источник, которым пользовалась Исполнительная комиссия при составлении данного «алфавитного списка». Тем не менее, данные материалы позволяют до некоторой степени конкретизировать и дополнить сведения о деятельности партийных организаций «Союза 17 октября» на местах.

При сборе информации о территориальном размещении и численности партийных организаций правых формирований нами также были использованы два вида источников. Это документы, отложившиеся в фонде Департамента полиции, а также материалы самих фондов

монархических организаций: Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела.

При этом из двух видов источников материалы, отложившиеся в фондах двух правомонархических партий, наиболее информативны, а материалы фонда Департамента полиции носят дополнительный характер. Это связано с тем, что монархисты, по понятным причинам, фактически не интересовали полицию на предмет их политической лояльности самодержавному режиму. Поэтому в делах Департамента полиции сведения о деятельности правых на местах отложились только в связи с какими-нибудь неординарными событиями: скандалами, хулиганским поведением правых в общественных местах, драками и другими эксцессами членов монархических организаций между собой, провокационных призывах на страницах правой прессы. Подобного рода действия монархистов не могли игнорировать местные жандармские управления и районные охранные отделения. Деятельность правых фиксировалась Департаментом полиции также в связи с предвыборной агитацией во время выборов в IV Государственную думу. Эти сведения наиболее информационно насыщены. Они достаточно «географически» полны, ибо информация о деятельности правых на местах накануне выборов в Думу поступала в Департамент полиции из всех регионов империи. Кроме того, полученная полицией информация о деятельности правых на местах, упорядочена и систематизирована жандармскими управлениями.

Исключение составляет лишь дело №164, которое отложилось в 4 делопроизводстве. Его ценность как источника достаточно велика, чтобы о нём упомянуть отдельно. В середине 1907 года Департамент полиции направил жандармским управлениям циркуляр, предписывавший сообщить сведения о количестве и типах правомонархических формирований, действовавших на подведомственных им территориях, а

также сообщить об их численности. В результате, к концу 1907 года - началу 1908 года Департамент полиции обладал всей полнотой информации о деятельности правых на местах. К сожалению, в последующие годы подобные опросы Департаментом полиции не практиковались.

Среди материалов фондов самих монархических формирований обратим особое внимание на поименные списки ряда местных сельских отделов обоих союзов. Кроме поименных списков, в фондах Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела имеется достаточно большой комплекс дел (более 500 за период с июня 1907 года по февраль 1917 года) по переписке местных организаций с руководящими партийными органами. Из переписки местных отделов и подотделов с Главными Советами Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела нами извлечена информация, дающая возможность определить тенденции изменения численного состава периферийных организаций.

Систематизация материалов о деятельности основных общероссийских политических партий, отложившихся в фонде Департамента полиции и в партийных фондах, позволяет установить географию распространения и динамику численности партийных организаций. И всё же следует иметь в виду, что собранные и обработанные нами сведения не являются исчерпывающими, а, следовательно, абсолютно точными. Дело в том, что сведения о политических партиях (прежде всего о либералах и монархистах), сконцентрированные в фонде Департамента полиции, по преимуществу носят информационно-ознакомительный, а не аналитический характер. Вместе с тем игнорировать эти «информационно-ознакомительные» сведения, систематически поступавшие с мест в течение длительного времени, было бы принципиально неверно, так как они дали нам возможность проследить общие тенденции в изменении

состояния общероссийских политических партий в широких хронологических рамках и в зависимости от состояния политической обстановки. Эти общие тенденции вполне корреспондируются с данными, сохранившимися в фондах политических партий.

Учитывая, что информация, отложившаяся в тех или иных партийных фондах, по рассматриваемому нами периоду не достаточно объёмна, а порою и фрагментарна (фонд октябристской партии), тем не менее, она представляется весьма полезной. Если же принять во внимание, что в периодической печати сведения об организационном состоянии общероссийских политических партий в рассматриваемый нами период практически не публиковались, то, по сути, данные Департамента полиции и самих политических партий, отложившиеся в их фондах, являются единственными репрезентативными источниками, позволяющими воссоздать если не детальную, то, по крайней мере, общую картину состояния общероссийских политических партий в межреволюционный период.

§ 2. Методика сбора и обработки информации

Начиная сбор сведений об общероссийских политических партиях, численности их местных структур, их территориальном размещении, было необходимо выработать определенную методику. Прежде всего, следовало отделить собственно партийные организации от общественных организаций и от различных форм социального движения. Проблема идентификации партийных организаций возникала из-за часто встречающегося в источниках отсутствия конкретного указания на принадлежность той или иной организации к политической партии. Кроме того, необходимо было отделить различные формы протеста (собрания,

митинги, маёвки, сельские сходы, банкеты и подобные формы протеста) от собственно партийных собраний.

При сборе и обработке информации мы руководствовались следующими критериями: 1) официальное признание партийными органами данной организации как собственно партийной с определением её места в иерархической структуре партии (областная, губернская, уездная, сельская, низовая ячейка на промышленных предприятиях и на селе); 2) продолжительность функционирования организации (время образования и окончание её деятельности); 3) наличие определенного, хотя и нестабильного числа членов; 4) реализация тех или иных форм партийной деятельности (печатание партийной литературы, участие в различных общественных и политических акциях в качестве организованной партийной единицы и другие виды деятельности); 5) обсуждение в организации партийных документов (решений съездов, конференций, постановлений руководящих органов и т.п.).

На основе вышеназванных критериев нам удалось в фонде Департамента полиции и в фондах политических партий выявить собственно партийные организации, показать динамику их численности и территориальное размещение.

При определении численности структур политических партий собственно партийная организация учитывалась как реально существующая в том случае, если её деятельность была зафиксирована (хотя бы единожды в течение года) либо Департаментом полиции, либо партийными источниками. При этом структуры общероссийских политических партий фиксировались даже при минимуме информации такого рода, если их, возможно, было идентифицировать как партийные организации. К примеру, в качестве счётной единицы принимались организации, если об их существовании в партийных источниках или в материалах фонда Департамента полиции сохранилось единичное

упоминание (перечень выявленных Департаментом полиции партийных организаций действовавших в губернии; упоминание об их деятельности в сводках агентурных наблюдений или в партийной переписке и тому подобные сведения).

Если партийная организация действовала в течение нескольких лет беспрерывно, или её работа была зафиксирована в конце одного и начале другого года, а деятельность её при этом не прекращалась, то она фиксировалась нами как единица учёта в каждом году. Однако если сведений о деятельности партийной организации на протяжении следующего года или нескольких лет в источниках не отложилось, а потом сведения о её деятельности в данном пункте появились вновь, то партийная организация учитывалась как существовавшая в зависимости от насыщенности информации, а также от косвенных сведений, отложившихся в данном источнике. Так, о деятельности организаций РСДРП, партии эсеров и кадетов в материалах фонда Департамента полиции и часто в фонде кадетской партии откладывалась информация, указывающая на время существования организации, прекращала ли она свою деятельность и когда была воссоздана вновь. Деятельность таких восстанавливаемых партийных организаций в «пропущенные» в источниках года, когда они бездействовали или распадались, нами, естественно, не фиксировалась.

Что касается монархистов, то следует отметить, что их организации за такие «пропущенные» годы в основном учитывались нами как существовавшие, так как хотя они и бездействовали, но всё же существовали номинально. Несколько сложнее обстоит дело с партийными организациями «Союза 17 октября». В источниках деятельность его местных структур, как правило, фиксировалась во время предвыборных кампаний. В промежутках же между ними местные партийные организации, по существу выполнявшие функции предвыборных

комитетов, прекращали свою собственно партийную деятельность. Поэтому, если в нашем распоряжении не было сведений о работе местных октябристских организаций в промежутке между двумя выборами в Думу, то и их организации в «пропущенные» годы нами не фиксировались.

Определение общей численности членов партийных организаций политических партий также весьма затруднительно. В изучаемый нами период политические партии, по разным причинам, лишь в единичных случаях фиксировали сведения о численности своих членов. Так леворадикалы и кадеты её не фиксировали из-за боязни быть репрессированными; праворадикалы и октябристы - в силу политической аморфности партийных организаций.

При выявлении численности партийных организаций леворадикалов: РСДРП и ПСР мы использовали информацию, отложившуюся в фонде Департамента полиции. Это, прежде всего, поступавшие в Департамент полиции от местных жандармских управлений «отчеты наружного наблюдения», которые представляли собой ничто иное, как списки членов партийных организаций, действовавших в губернии (области). Эти списки перепроверялись и дополнялись нами, по мере возможности, информацией, почерпнутой из «сводок агентурных сведений». Данные «сводки» представляли собой своеобразный журнал, в который секретные сотрудники, внедренные политической полицией в партийные организации, по мере необходимости, часто по нескольку раз в течение месяца, заносили подробные отчеты о проделанной работе и добытых сведениях. Если принять во внимание, что секретные агенты почти всегда работали в руководстве губернских и областных организаций РСДРП и партии эсеров, в так называемых комитетах, а также в руководстве уездных групп и имели доступ к информации о положении не только руководящих органов, но и низовых партийных ячеек обеих партий, то ценность сведений, собранных секретными сотрудниками в «сводках

агентурных сведений», несомненно, возрастет. При получении однотипной информации из двух данных источников для определения численности партийных организаций также принимались во внимание дополнительные и косвенные источники (последние позволяли уточнить сведения о численности местных организаций РСДРП и партии эсеров). Речь идёт о комплексе источников, отложившихся в фонде Департамента полиции, которые отражают функционирование партийных организаций на местах: различные справки, докладные записи, донесения и другие документы начальников жандармских управлений, чиновников Департамента полиции и губернских канцелярий. Среди этой массы источников достаточно часто, иногда в большом количестве, встречается совершенно независимый и достаточно объективный вид источников, речь идет о перлюстрированных письмах революционеров. Репрезентативность данного источника достаточно велика и позволяет не только перепроверить, но, нередко, и дополнить информацию, собранную полицией о деятельности партийных организаций РСДРП и ПСР. Ценность перлюстраций состоит как раз в том, что они помогли нам получить сведения о деятельности именно низовых ячеек РСДРП и ПСР, так как информации об их работе в делах фонда Департамента полиции, по сравнению с информацией о функционировании более крупных структурных подразделений РСДРП и ПСР, отложилось относительно мало. Основные усилия Департамента полиции были направлены на сбор сведений о деятельности именно руководящих и крупных подразделений РСДРП и ПСР в регионах. Чтобы понять причины выборочного интереса Департамента полиции, необходимо иметь в виду: во-первых принцип сбора и обработки Особым отделом Департамента полиции сведений о деятельности местных социал-демократических и эсеровских организаций, и, во-вторых, особенности структурирования леворадикальных партий.

Являясь нелегальными партиями, РСДРП и ПСР строили свою работу на принципах строгой конспирации. Во главе губернских (областных) партийных организаций стояли губернские (областные) комитеты, которым подчинялись партийные организации губернии (области): комитеты губернского (областного) города и уездные комитеты (группы). В свою очередь, последние стояли непосредственно во главе местной партийной организации, которая делилась на первичные ячейки: рабочие кружки, студенческие группы, сельские организации (крестьянские братства у эсеров). В низовых ячейках организации действовали партийные агитаторы, присланные из комитета, по сути, только через них осуществлялась связь низовых ячеек с комитетами, члены которых не были известны широкой партийной массе. Такая структура партийной организации позволяла социал-демократам и эсерам действовать на местах конспиративно. Как следствие, основным объектом наблюдения за деятельностью местных организаций РСДРП и ПСР и анализа полученной информации Департамент полиции выбрал именно партийные комитеты, не без основания считая, что при их ликвидации деятельность партийных структур на местах будет парализована.

Именно поэтому агенты «охранки» внедрялись в основном в губернские и уездные комитеты, большинство же членов этих комитетов были нелегалами, которых Департамент полиции за долгие годы «работы» с ними хорошо знал «в лицо». Таким образом, деятельность губернских (областных) комитетов и уездных групп хорошо освещалась агентурой. Деятельность же основной массы первичек РСДРП и партии эсеров оставалась в стороне от агентурных разработок. Естественно, как только деятельность партийной организации, руководимой комитетом, приобретала активные формы, грозящие подрыву «общественного и государственного порядка», местное жандармское управление принимало меры к ликвидации в первую очередь комитета. После ликвидации

последнего, при отсутствии партийцев-профессионалов, руководивших деятельностью партийной организации, все виды деятельности структур РСДРП и партии эсеров, как правило, прекращались. Поэтому вполне понятно стремление жандармских управлений «работать» непосредственно с комитетами и крупными организациями, ибо, обладая полнотой информации о деятельности последних, политическая полиция держала деятельность партийной организации сверху донизу под своим контролем. Естественно, что при заданном направлении розыска в поле зрения Департамента полиции не всегда попадала деятельность первичек. Перлюстрированные же письма агитаторов и комитетчиков, работавших непосредственно в низовых ячейках, существенно дополняли собранные Департаментом полиции сведения.

При таком «обилии» информации о численности социал-демократических и эсеровских организаций на местах нам приходилось делать выбор. Собранные Департаментом полиции сведения, отложившиеся, прежде всего в отчетах о наружном наблюдении и сводках агентурных сведений, носили ежемесячный характер. Численный же состав партийных организаций РСДРП и партии эсеров по месяцам был различным. Это было связано с достаточно большой протеичностью членов партийных организаций обеих партий: как в них, так и из них. В результате численность одной и той же партийной организации РСДРП и ПСР в разные месяцы оказывалась различной. Чтобы избежать путаницы за единицу учёта нами была принята максимальная численность партийной организации, зафиксированная Департаментом полиции за определенный месяц. При этом данный подход был принят нами за основу и при определении численности партийных организаций других общероссийских партий.

Для выяснения численности кадетских организаций нами были использованы как материалы, отложившиеся в фонде Департамента

полиции, так и собственно фонда кадетской партии. Методика сбора сведений о деятельности кадетов на местах с помощью материалов, отложившихся в делах фонда Департамента полиции, методологически ничем не отличалась от аналогичной методики сбора сведений о численности партийных организаций РСДРП и партии эсеров.

Собранных Департаментом полиции сведений о деятельности партийных организаций кадетской партии и их численности гораздо меньше, нежели идентичной информации о работе партийных организаций РСДРП и партии эсеров. Это связано с тем, что, во-первых, Департамент полиции отдавал приоритет в своей работе борьбе с наиболее опасными, на взгляд властей, леворадикальными партиями. Поэтому на местах в кадетские организации политической полицией практически не внедрялись секретные сотрудники, не велось в полной мере также и наружное наблюдение, и, как следствие, информации о деятельности кадетской партии в делах фонда Департамента полиции отложилось на несколько порядков меньше, чем о деятельности обеих социалистических партий. Во-вторых, активность кадетских организаций на местах была гораздо ниже, чем партийных организаций РСДРП и партии эсеров. Более того, в межреволюционное десятилетие, кроме периода предвыборной кампании в IV Государственную думу, большинство партийных организаций кадетов, по существу, бездействовало или распалось. Поэтому и «отчетов о наружном наблюдении», и «сводок агентурных сведений», и перлюстрированных писем, и других материалов, способствовавших выяснению функционирования кадетских организаций на местах и их численности, в делах фонда Департамента полиции отложилось сравнительно мало.

Другим видом источника, использованного нами, являлись партийные фонды либеральных партий - кадетской и «Союза 17 октября», а также правых формирований - Союза русского народа и Русского народного

союза имени Михаила Архангела. При выявлении информации о деятельности партийных организаций либеральных партий и правых союзов и их численности, в силу разнотипности источниковой базы фонда Департамента полиции и партийных фондов, методика сбора сведений о партийных организациях и их численности на основе материалов партийных фондов отличались от методики работы с документами фонда Департамента полиции. Прежде всего, в документах партийных фондов поиск необходимой нам информации занял более длительный период времени. Одновременно, его итоговые результаты не всегда позволяли установить численность конкретной организации, и даже время её существования. Дело в том, что партийные функционеры, в отличие от Департамента полиции, не ставили перед собой задачу - систематически и чётко фиксировать численность членов партийных организаций[1]. Отсутствие у либеральных, а ещё более у монархических партий, чётко налаженного учётного механизма вынуждает обратиться к менее информативному источнику - переписке руководящих органов либеральных и монархических партий с партийными организациями на местах.

При сборе сведений о деятельности и численности местных организаций либеральных и монархических партий трудность работы с данным источником состояла в отсутствии какой-либо проверенной информации о деятельности партийных организаций и их численности в материалах партийных фондов. В результате за единицу учёта нами принимался каждый факт, хотя бы косвенный, деятельности партийных организаций, в каком бы контексте он не встречался, будь то переписка руководящих органов на местах или в других партийных документах. Прямым указанием о существовании в данном населённом пункте партийной организации служил следующий исходный материал: отчёты о деятельности местной партийной организации партийному руководству;

просьбы о финансовой помощи; жалобы на организационные трудности партийной организации и отсутствие партийных работников; упоминание о контактах партийных организаций с организациями, действовавшими в других населённых пунктах; контакты организаций с правоохранительными, репрессивными и другими органами государственной власти на местах; просьбы местных черносотенцев к руководству монархических формирований выслать им членские билеты, партийную атрибутику, штампы, печати партийной организации, проставленные на бумагах организации и тому подобные сведения. При наличии информации, подтверждающей документально из переписки, что партийная организация действовала в предыдущем году и продолжала функционировать через год, то в таких случаях организация фиксировалась нами как функционировавшая и в пропущенном году. Партийная организация учитывалась нами как действовавшая, даже если факт, подтверждающий её существование, был единичным.

Дополнительная информация о партийных организациях либеральных партий сохранилась в материалах, посвящённых партийным съездам, конференциям, совещаниям думских фракций с участием представителей от местных организаций и другим партийным форумам.

Наиболее информативными источниками является переписка местных организаций с руководящими органами партий. В этом плане выделяются фонды монархических организаций: Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела, где отложились поименные списки ряда сельских отделов и подотделов. Фонды других политических партий менее информативны, хотя и в них встречаются (например, в фондах кадетов и октябристов) фрагментарные сведения о списочном составе отдельных партийных организаций.

Кроме поимённых списков, в партийных фондах (прежде всего в делах по переписке местных организаций с центральными партийными

органами) имеются материалы, в которых дана общая численность организации: 1) при открытии/создании организации упоминается общее число записавшихся; 2) при общих собраниях; 3) общая численность организации упоминается в переписке вскользь, в связи с другими сведениями. Например, жалобы местных кадетских функционеров на уменьшение численности организаций из-за правительственных репрессий; или доносы руководству монархических союзов, местных правых на злоупотребления руководителей отдела или подотдела, в связи, с чем приводится динамика численности членов организаций по месяцам или годам. Наибольшее число таких дел, в которых нам удалось выявить общую численность местных партийных организаций, отложилось в фондах монархических организаций, наименьшее - в материалах фонда «Союза 17 октября».

Кроме материалов (крайне незначительных по объёму в сравнение с основным массивом документов партийных фондов), в которых отложились сведения об общей численности местных партийных организаций, в достаточно большом массиве документов зафиксирована информация о численности не организации в целом, а её отдельной структуры. Например, численность губернских (областных), уездных комитетов у кадетов и соответственно отделов у октябристов и правых. Эти сведения нами также учитывались, так как они являются достаточно репрезентативными. В условиях третьеиюньского режима, когда произошёл, в буквальном смысле слова, развал местных партийных организаций, сохранились и продолжали функционировать их «штабы» - комитеты и отделы. По существу, численность организации как таковой часто равнялась численности комитета или отдела.

Как нам представляется, охарактеризованные выше методы выявления и сбора информации, обусловленные состоянием источниковой базы, позволяют воссоздать общую картину территориального размещения пяти

основных общероссийских партий, показать общую динамику их численности в заданных в монографии хронологических рамках.

Глава II. Территориальное размещение и динамика организационных структур партийных организаций

§ 1. Партии социалистической ориентации

Поражение революции 1905-1907 годов привело к глубокому кризису в партиях социалистической ориентации. Начался прогрессирующий распад их местных организационных структур. На протяжении всего межреволюционного десятилетия Департамент полиции последовательно, шаг за шагом, во всех регионах империи, наносил превентивные удары по социал-демократическим и эсеровским организациям. В результате к началу 1917 года функционирование местных организаций обеих партий практически прекратилось.

Организационная структура партий социалистической ориентации оказалась на грани полного развала, а численность их местных организаций значительно уменьшилась[1]. Организационный кризис оказался настолько глубоким, что начавшийся в 1912 году новый виток социальной напряженности[2] в империи не смог привести к возобновлению деятельности местных организаций РСДРП и ПСР. Более того, даже те немногие из действовавших организаций так и не смогли установить устойчивой связи с существовавшими в 1905-1907 годах первичными ячейками[3]. По данным жандармского генерала А.И. Спиридовича, только с июня по декабрь 1907 года в различных регионах страны, было ликвидировано 37 эсеровских организаций[4]. Ряд превентивных ударов было нанесено и социал-демократам. Анализируя положение РСДРП после революции 1905-1907 годов, Ю.О. Мартов писал: «Переворот, произведённый 3 июня 1907 года, послужил началом длительного глубокого кризиса в российской социал-демократии, сопровождавшегося явлениями распада». Согласно имеющейся в его распоряжении

информации, «в течение 1909 года партийные организации почти совершенно исчезли в коренной России и свелись к незначительным кружкам на окраинах»[5]. Эти оценки, исходившие от представителей диаметрально противоположных сил, всецело подтверждаются выявленной и собранной нами информацией, представленной в таблице №1.

Таблица №1.

Динамика численности партийных организаций РСДРП и ПСР (июнь 1907 -- февраль 1917 года). *

Наименование политических партий	Типы организаций	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
РСДРП	губернские	69	68	60	59	52	52	54	53	45	42	22
	уездные	79	108	78	59	32	42	43	25	17	18	9
	сельские	6	15	12	10	8	18	7	2	9	3	--
	др. насел. пункты	79	69	38	33	17	18	28	14	10	10	8
	Всего	**233**	**260**	**188**	**166**	**109**	**130**	**132**	**94**	**81**	**73**	**39**
Эсеры	губернские	63	70	63	61	55	53	53	53	42	32	13
	уездные	74	108	77	56	45	43	37	16	11	12	4
	сельские	111	106	26	8	4	5	2	-	5	1	-
	др. насел. пункты	39	66	36	18	13	14	10	7	3	1	1
	Всего	**287**	**350**	**202**	**143**	**117**	**115**	**102**	**76**	**61**	**46**	**18**

* В таблицу не включены организации, действовавшие на территории Финляндии и Маньчжурии.

Данные, представленные в таблице №1, позволяют сделать ряд наблюдений. Во-первых, после поражения революции какое-то время сохранялся некий «инерционный период», скорее зафиксированный

местными Губернскими жандармскими управлениями (ГЖУ), чем отражающий реальную картину. При этом следует иметь в виду, что процесс распада организационных партийных структур проходил с разной степенью интенсивности и зависел от ряда обстоятельств конкретных местных условий, так как в ряде местностей революционный процесс не завершился 3 июня 1907 года. А также от чисто субъективных причин, в числе которых следует отметить: слабость в некоторых регионах местных карательных органов, не сумевших оперативно приступить к ликвидации организаций левых и состоянием, то есть «жизнестойкостью», последних и способностью их руководителей подстроиться к новым политическим условиям и т.д. Во-вторых, организационный развал партий социалистической ориентации становится очевидным после 1908 года, когда центральные и местные карательные органы, придя в себя после революции 1905-1907 годов, перестроив и мобилизовав свои силы, обрушили шквал репрессий против РСДРП и ПСР. В-третьих, при общей тенденции к сокращению числа местных партийных организаций более устойчивыми и жизнеспособными оказались партийные организации губернского уровня, где были сосредоточены более опытные и профессионально подготовленные кадры революционеров. Что же касается партийных организаций низового звена, то их распад происходил более быстрыми темпами.

По сравнению со второй половиной 1907 года, количество местных организаций РСДРП к 1911 году уменьшилось более чем в 2 раза, а ПСР - в 2,5 раза. Причём, с 1908 года интенсивность организационного развала возросла у РСДРП в 2,4 раза, у ПСР примерно в 3 раза. Выявленная тенденция, кроме всего прочего, свидетельствует о том, что развал местных организаций ПСР опережал темпы развала РСДРП.

В последующее пятилетие (1912 - февраль 1917) развал местных организационных структур продолжался с ещё большей интенсивностью.

Правда, в 1912 - 1913 годах Департаментом полиции была зафиксирована приостановка распада организационных структур РСДРП, которая, однако, имела явно неустойчивый характер, ибо уже в 1914 году тенденция к развалу проявилась ещё более резко и определенно.

Подобный «зигзаг» объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами: во-первых, приостановка распада логически была связана и обусловлена новым революционным подъёмом; во-вторых, усилившийся распад был связан с ужесточением карательных акций Департамента полиции, сумевшего на сей раз проявить известную оперативность с учетом опыта революции 1905-1907 годов. Несомненно, что к февралю 1917 года организационная деятельность местных организаций РСДРП и ПСР фактически была приостановлена. Достаточно сказать, что к этому времени общее число организаций РСДРП снизилось по сравнению с 1911 годом в 2,8 раза, а ПСР - в 6,2 раза. По сравнению же с 1908 годом, к февралю 1917 года численность местных организаций РСДРП и ПСР сократилась весьма значительно: РСДРП - в 6,7 раза, ПСР - в 18,4 раза. При этом, как и в первое послереволюционное пятилетие, распад эсеровских местных организаций шёл с большей интенсивностью, чем у РСДРП.

Исследовательского внимания, на наш взгляд, заслуживает анализ данной проблемы в региональном разрезе.

Таблица №2

Динамика погубернского и пообластного размещения социалистических партий (июнь 1907 - февраль 1917 года).

Регион	Наименование политических партий	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России (49 губ. 1 обл.)	РСДРП	50	50	45	43	44	42	42	44	38	38	22
	ПСР	50	50	47	47	46	41	41	41	34	30	13
Польша (10 губ.)	РСДРП	--	6	2	2	--	1	--	1	--	--	--
	ПСР	--	3	3	3	1	1	1	1	1	--	--
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. окр.)	РСДРП	10	10	10	10	8	8	9	8	8	7	4
	ПСР	9	9	10	8	7	6	6	7	3	3	1
Средняя Азия (9 обл., 2 протектората)	РСДРП	4	4	3	5	5	4	3	2	3	2	2
	ПСР	7	5	3	4	5	5	4	2	5	3	1
Сибирь (4 губ., 6 обл., 1протекторат)	РСДРП	7	7	7	7	6	7	7	7	6	6	4
	ПСР	6	7	7	7	7	6	6	5	7	4	1
Финляндия (8 губ.)	РСДРП	1	1	--	1	2	2	2	1	--	--	--
	ПСР	1	2	1	2	5	5	5	--	1	--	--
Всего: 101 администр. единица: 78 губ., 21 обл., 2 самост. округа, 3 протектората	**РСДРП**	**72**	**78**	**67**	**68**	**65**	**64**	**63**	**63**	**55**	**53**	**32**
	ПСР	**73**	**76**	**71**	**71**	**71**	**64**	**63**	**56**	**51**	**40**	**16**

Прежде чем приступить к анализу таблицы № 2, следует обратить внимание на разницу числа губернских организаций зафиксированных нами в таблицах № 1 и № 2. Она объясняется тем обстоятельством, что в некоторых губерниях и областях деятельность левых не зафиксирована Департаментом полиции в губернских городах, в то же время их организации функционировали в других населённых пунктах губернии.

Анализ таблицы №2 показывает, что на губернском и областном уровнях мы наблюдаем общую тенденцию к более или менее устойчивому сохранению числа партийных организаций РСДРП и ПСР. Темпы их сокращения в целом по империи незначительные. Однако в региональном разрезе всё же выявляется одна, на наш взгляд, интересная особенность, суть которой сводится к следующему: в Европейской части России динамика погубернского размещения леворадикальных формирований меняется (в сторону уменьшения) более интенсивно, чем в других регионах страны, где общее число губерний и областей, на территории которых действовали партийные организации РСДРП и ПСР, более или менее стабильно (Кавказ, Средняя Азия, Сибирь). Вместе с тем, в Польше и Финляндии амплитуда колебаний числа губерний, в которых зафиксирована работа партийных организаций леворадикальных партий, достаточно высока. Выясняя причину подобного явления, можно высказать предположение, что в Европейской части России Департамент полиции имел гораздо больше сил для борьбы против двух ведущих социалистических партий, более целенаправленно занимался «разработкой» партийных организаций на местах и, прежде всего, преследованием их членов. Что же касается высокой амплитуды колебаний губерний, в которых действовали партийные организации, в Польше и Финляндии, то причины данного явления в следующем: в отличие от других регионов империи, количество организаций РСДРП и ПСР,

функционировавших в польских и финляндских губерниях, составляло единицы (часто одна - две организации на всю губернию). Поэтому от функционирования или «исчезновения», по сути, одной - двух организаций и зависела высокая амплитуда колебаний числа губерний в обоих регионах[6].

Поэтому перед нами встает задача более детального анализа динамики территориального размещения каждой партии в отдельности. Причём это важно сделать в пределах двух пятилетий: 1) июнь 1907-1911; 2) 1912 - февраль 1917.

Таблица №3 **.

Динамика численности организаций РСДРП по регионам (июнь 1907 – 1911 год)

Регион	Тип организации	Годы				
		1907	1908	1909	1910	1911
Европейская часть России (49губ.,1обл.)	1)губернская	49	46	39	39	34
	2) уездная	68	95	66	47	29
	3) сельская	5	13	10	7	8
	4)раб. поселки, местечки и др.	72	62	34	27	13
	Всего	**194**	**216**	**149**	**120**	**84**
Польша (10 губ.)	1)губернская	-	3	2	-	-
	2) уездная	-	2	-	2	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4)раб. поселки, местечки и др.	-	3	-	-	-
	Всего	-	**8**	**2**	**2**	-

Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. окр.)	1)губернская	8	8	9	9	8
	2) уездная	5	5	4	5	-
	3) сельская	1	2	1	3	-
	4)раб. поселки, местечки и др.	6	3	4	6	3
	Всего	**20**	**18**	**18**	**23**	**11**
Сибирь (4 губ., 6 обл., протекторат - Тува)	1)губернская	8	7	7	7	6
	2) уездная	4	6	8	3	5
	3) сельская	-	-	1	-	-
	4)раб. поселки, местечки и др.	-	1	-	-	-
	Всего	**12**	**14**	**16**	**10**	**11**
Средняя Азия (9 обл., 2 протектората - Хивинское ханство, Бухарский эмират)	1)губернская	4	4	3	4	4
	2) уездная	2	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4)раб. поселки, местечки и др.	1	-	-	-	1
	Всего	**7**	**4**	**3**	**4**	**5**
Финляндия (8 губ.)	1)губернская	1	-	-	1	2
	2) уездная	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) раб.поселки, местечки и др.					
	Всего	**1**	**1**	**-**	**1**	**2**

** в таблицу №3 не включена территория КВЖД. По линии КВЖД организации РСДРП действовали в Харбине в 1908 – 1911 годах.

Таблица №3 показывает значительное сокращение всех типов организаций РСДРП в Европейской части России. В то же время в других

регионах, кроме десяти польских губерний, мы наблюдаем амплитуду колебаний в динамике численности партийных организаций РСДРП. Однако если учесть, что подавляющее число социал-демократических организаций находились именно в Европейской части[7], то колебания количества организаций в других регионах империи, существенно не меняло общей картины - устойчивой тенденции к значительному сокращению организаций РСДРП в стране[8].

В Европейской части России распад местных организаций РСДРП (особенно уездного уровня) шёл по нарастающей. По сравнению со второй половиной 1907 года их количество уменьшилось в 1909 году в 1,3 раза, в 1910 году - 1,6 раза, в 1911 году - 2,3 раза, а по сравнению с 1908 годом, соответственно, в 1909 году - в 1,4 раза; в 1910 году - 1,8 раза, в 1911 году - 2,6 раза.

Более устойчивыми оказались организации губернского уровня. В 1911 году их число уменьшилось, по сравнению с 1908 годом, приблизительно в 1,4 раза. Количество же организаций уездного уровня за тот же период сократилось в 3,3 раза. В населённых пунктах, объединённых в таблице как «другие населённые пункты» (заштатные города, местечки, рабочие поселки) этот показатель возрастает соответственно - в 4,8 раза, а с 1907 года - в 5,6 раза. Наряду, с губернскими более устойчивыми оказались и сельские организации РСДРП. В 1909 – 1911 годах они количественно превышали показатели 1907 года, хотя, по сравнению с 1908 годом, их число в 1910 – 1911 годах снизилось соответственно в 1,9 и в 1,6 раза. Несмотря на репрессии и, следовательно, на ощутимые потери в своих рядах, организации РСДРП продолжали функционировать, в 1907 – 1908 годах (хотя бы на уровне комитетов) во всех 50-ти губерниях Европейской части России. Но уже в 1909 – 1911 годах количество губерний, где Департаментом полиции (ДП) было зарегистрирована «противозаконная деятельность социал-демократов», сократилось до 43 – 45[9].

Попытаемся более дифференцировано рассмотреть динамику организаций РСДРП применительно к различным регионам Европейской части России. На наш взгляд, в пределах Европейской части можно выделить восемь таких регионов: Центральный Промышленный (ЦПР), Европейский Север, Северо-Западный, Прибалтика и Белоруссия, Украина и Бессарабия, Центрально-Черноземный (ЦЧР), Поволжье, Урал[10]

Таблица №4.

Динамика численности организаций РСДРП в регионах Европейской части России (июнь 1907 – 1911 год).

Регион	Тип организации	Годы				
		1907	1908	1909	1910	1911
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	9	9	9	7	7
	2) уездная	16	28	19	11	7
	3) сельская	-	2	5	5	3
	4) др. насёл. пункты	5	7	7	5	2
	Всего	**30**	**46**	**40**	**28**	**19**
Европейский Север (3 губ.)	1) губернская	3	3	2	2	-
	2) уездная	1	1	6	6	1
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-
	Всего	**4**	**4**	**8**	**8**	**1**
Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	2	2	2	2	1
	2) уездная	4	2	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	4	5	3	2	-
	Всего	**10**	**9**	**5**	**4**	**1**
Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	9	8	5	5	3
	2) уездная	7	22	15	12	5
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	5	7	1	-	-
	Всего	**21**	**37**	**21**	**17**	**8**

Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	9	9	9	9	10
	2) уездная	16	23	18	15	14
	3) сельская	1	6	1	-	1
	4) др. насел. пункты	46	31	17	13	8
	Всего	**72**	**69**	**45**	**37**	**33**
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	6	5	4	4	4
	2) уездная	11	7	3	3	1
	3) сельская	1	-	-	1	-
	4) др. насел. пункты	1	1	1	2	1
	Всего	**19**	**13**	**8**	**10**	**6**
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	6	6	6	6	5
	2) уездная	6	6	4	1	1
	3) сельская	3	4	4	2	3
	4) др. насел. пункты	1	1	1	1	1
	Всего	**16**	**17**	**15**	**10**	**10**
Урал (4 губ.)	1) губернская	4	4	4	4	4
	2) уездная	6	8	1	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насел. пункты	8	8	4	1	2
	Всего	**18**	**20**	**9**	**5**	**6**

Из приведённых данных в таблице №4 видно, что основное количество социал-демократических организаций было сконцентрировано на Украине. Причём пропорционально большая их часть была сосредоточена в Екатеринославской губернии - районе индустриального Донбасса. За Украиной следует ЦПР. Здесь наиболее сильные организации РСДРП имелись в Москве и губернии, а также непосредственно примыкавшей к ней Владимирской губернии.

Детальный анализ территориального размещения социал-демократических организаций в Европейской части России показывает, что большинство их было сосредоточено на Украине, в ЦПР, в Прибалтике, Белоруссии и в районе Петербурга и губернии. Следовательно, достаточно определенно прослеживается связь между уровнем экономического развития того или иного региона и численностью партийных организаций РСДРП. Здесь социал-демократические организации функционировали не только в губернских и уездных городах, но и в рабочих посёлках. Характерно, что чем выше был экономический уровень развития региона, тем большее количество организаций РСДРП в нём зафиксировано. В менее экономически развитых регионах (ЦЧР, Поволжье) количество социал-демократических организаций было меньше. Число организаций РСДРП на Урале было также невелико, исключая промышленный горнозаводской район на границе Вятской и Пермской губерний; восточную часть Пермской губернии - район Екатеринбурга, а также восточную часть Уфимской губернии[11]. На Европейском Севере, где населения было мало и экономика развита слабо, социал-демократические организации действовали в основном в губернских и нескольких уездных городах, а также в местах ссылки.

Статистические сведения, содержащиеся в таблице №4, позволяют проследить процесс сокращения социал-демократических организаций в 1907 – 1911 годах. В ЦПР основной удар Департамент полиции нанёс по Московской организации. Летом 1907 года в Москве был арестован Московский комитет, а 12 сентября 1907 года последовала повторная ликвидация восстановленного комитета. 25 сентября 1907 года был ликвидирован Сокольнический районный комитет[12]. Аресты партийных функционеров привели к параличу деятельности московской организации РСДРП. «Чего-то не хватает в организации», - говорилось в одном из писем, отправленных из Москвы в г. Туринск Тобольской губернии 18

июня 1907 года. – «Наши лидеры говорят, что сейчас приходится только хранить связи и больше ничего. ...Неужели долго будем сидеть. Эх, нет у нас совсем работников»[13]. На собрании серпуховской организации, состоявшемся 10 июля 1907 года «на вопрос одного из присутствующих: как идут дела в Московском Комитете? Триденцов (представитель Московского комитета – *Н.П.*) объяснил, что социал-демократическая организация за последнее время сильно пострадала, денег (у организации - *Н.П.*) совершенно нет. ...Типографии в городе Москве все арестованы». Однако он добавил, что в Коломне работа «ведётся ...умело и конспиративно»[14]. Впрочем, функционирование коломенской организации продолжалось недолго. 28 сентября 1907 года организация была разгромлена[15]. О кризисе Московской городской организации говорил и социал-демократ Бамбеков - активист уездного комитета, который на собрании рабочих близ деревни Мальково Верейского уезда 18 июля 1907 года заявил следующее: «В Москве плохи дела социал-демократов, денег нет, позабирали многих нужных людей, вообще партия разбита и только главари молчат и ничего о делах не говорят, а рабочие приуныли»[16].

Нанесённые полицией чувствительные удары по социал-демократической организации Москвы и губернии, позволили местному полицейскому начальству, довольно обоснованно, отрапортовать в Департамент полиции: «Можно считать, что местная организация РСДРП в настоящее время ни к каким серьёзным выступлениям не способна»[17].

Была дезорганизована работа социал-демократов и в соседних с Москвой губерниях. В Костромской губернии 5 ноября 1907 года был ликвидирован комитет[18]. В Егорьевске Рязанской губернии «группа образовалась в июле 1906 г. В настоящее время, - писал социал-демократ из села Раменки Рязанской губернии в Москву 19 апреля 1907 году, - в нашей группе состоит 9 человек, было 16»[19]. Начальник Владимирского

ГЖУ «уведомил» ДП, что «РСДРП (в губернии - *Н.П.*) никаких действий не проявляла»[24].

На Севере Европейской России дела социал-демократов обстояли гораздо хуже, чем в ЦПР. В первую очередь из-за малочисленности и слабости организационных структур РСДРП. Деятельность РСДРП здесь ограничивалась губернскими и некоторыми уездными городами, а «местными» активистами в большинстве случаев выступали ссыльные. «Партийные дела в Вологде сейчас в затишье»[25], - констатировал социал-демократ в письме из Сормова в Харьков 13 сентября 1907 года.

В Северо-Западном районе, наиболее сильной была Петербургская организация РСДРП, но и она не смогла устоять под напором полицейских репрессий. «После общего упадка работы с весны текущего (1908 – *Н.П.*) года, - сообщал провокатор в докладной записке в ДП от 23 октября 1908 года, - когда были арестованы члены Ц-го (центрального – *Н.П.*) и партийного комитетов и многие районные работники, работа в районах почти прекратилась, всё лето прошло при крайне пониженном настроении. ...Общее заключение: работа местной с.-д. организации крайне ослаблена, - нет профессионалов, равно средств, хотя (бы - *Н.П.*) немного приличной техники»[26]. В Псковской и Новгородской губерниях организации социал-демократов были немногочисленны и слабы.

В Прибалтике и Белоруссии были сильны позиции национальных леворадикальных организаций[27]. Только в Эстляндии позиции единственной эстонской национальной партии социалистической ориентации Эстонского социал-демократического союза - были недостаточно сильны. Таким образом, в данных регионах «ниша», в которой действовала РСДРП, была практически занята национальными леворадикальными партиями. Вместе с тем, социал-демократы довольно активно действовали в воинских частях, дислоцированных в Прибалтике и Белоруссии. Наиболее сильные военные организации РСДРП, совместно с

ПСР, действовали в Вильно и Двинске[28]. Однако ещё «осенью» (1906 года – *Н.П.*) в Вильно «произошёл страшный провал, всё было разгромлено»[29]. В Двинске работа социал-демократической организации шла «не ахти как, - писал партийный функционер из Двинска в Харьков 20 февраля 1907 года, - кого винить не знаю. ...Массы вполне дезорганизованы словом полнейший провал. Работники в тюрьме»[30]. В Витебске полиция вышла на подпольный комитет РСДРП, а в июне 1907 года ликвидировала склад боеприпасов боевой организации[31]. Военные организации после разгрома полицией партийных комитетов РСДРП в Вильно, Двинске, Витебске и других городах прекратили своё существование. Попытка воссоздать военную организацию в Витебске в августе 1907 года повлекла за собой арест «видного деятеля» РСДРП. 23 августа он был арестован, а при обыске у него найден гектограф[32]. В Минске социал-демократическая организация была разгромлена в декабре 1907 года, было арестовано 14 человек[33].

На Украине, в промышленном Донбассе, ещё до третьеиюньского переворота был ликвидирован комитет РСДРП в посаде Юзовка[34]. Вслед за этим «21 июля провалился весь Юзовско-Петровский комитет»[35]. В течение 1907 года Екатеринославское ГЖУ и Донское Охранное отделение наносили планомерные удары по местным организациям РСДРП, в результате губернская организация оказалась на грани исчезновения. «У нас нет никаких сил и не видим никакой пользы терять последние силы и энергию. Находим, что лучше переждать до более удобного времени и собраться силами»[36], - сообщал екатеринославский социал-демократ в Петербург 11 марта 1908 года.

На севере Украины, в Киеве «положение дел очень печальное, благодаря отсутствию работников»[37], - констатировал социал-демократ в письме из Киева в город Ромны Подольской губернии 10 мая 1907 года. Последовавшая 29 августа 1907 года ликвидация комитета не улучшила

положение дел в губернской организации. «Работа в организациях поставлена тут ужасно скверно»[38], - подытоживал свои наблюдения партийный работник в письме от 10 октября 1907 года из Киева в Харьков.

В «революционном» «...Севастополе стало совсем тихо, ничего не слышно, всех передушили»[39], - писал эсдек из Севастополя в Иркутск в ноябре 1907 года. Впрочем, в своём мнении он был не одинок, ещё 10 июня 1907 года другой социал-демократ вынужден был признать: «Всех передушили, не только в Севастополе, но и по всему полуострову: ...в Крыму полная бездеятельность и безлюдье»[40].

Не лучше обстояли дела в Николаеве. Местная социал-демократическая организация не пережила двух ликвидаций, последовавших 2 января и 21 августа 1907 года, что позволило Начальнику Николаевского ЖУ рапортовать в Департамент полиции о достигнутых результатах по очистке города от леворадикалов[41].

В ЦЧР разгрому подверглись все губернские организации. 7 июня 1907 года полицией был ликвидирован губернский комитет в Воронеже. При этом было арестовано 9 человек комитетчиков[42]. К зиме 1907 года воронежская организация, фактически, бездействовала, ибо как констатировал местный партийный работник: «Хороших сил ...мало осталось на свободе» [43]. В Тамбове было арестовано 16 членов местной организации[44].

В соседней Донской области «партия» была «совершенно разбита, комитета почти нет»[45], - сообщало Областное жандармское управление (ОЖУ) в сводке за сентябрь 1907 года в Департамент полиции. В сводке за октябрь того же года сообщалось, что «организация с.-д. в Армавире очень слаба». По данным полиции, 26 октября в Таганроге должна была состояться «конференция выборщиков от центров (комитетов – *Н.Д.*) при участии Таганрогского комитета меньшевиков с.-д. организации»[46]. Имея эту информацию, полиция арестовала 25 участников конференции. Эта

ликвидация нанесла ощутимый удар по областной организации меньшевиков. В октябре 1907 года в Ростове-на-Дону полицией было обнаружено 7 кружков РСДРП[47]. В Луганске «комитет с.-д.» начал организовываться только в декабре 1907 года[48]. Но уже в мае следующего года он был ликвидирован, аресту подвергся 41 человек[49].

В Поволжье сильные социал-демократические организации действовали во всех губернских городах, кроме Астрахани. В Казани партийная организация подверглась разгрому в июле 1907 года «...здесь был громадный провал, - сообщал комитетчик из Казани в село Дальне-Константиново Нижегородской губернии 13 июня 1907 года, - ...жизнь теперь на время замерла, так как разгром полный, придётся начинать всю работу сначала»[50]. Однако после восстановления Казанской партийной организации уже 13 сентября 1907 года последовала новая ликвидация[51]. В Нижнем Новгороде 13 июля 1907 года была разгромлена партийная типография, а в течение первой половины года «нижегородская организация» была «разгромлена совсем»[52]. Местный партийный функционер писал осенью 1907 года в Харьков: «В Нижнем (Новгороде – *Н.П.*) дела обстоят очень плохо, всё рассыпалось»[53].

В Самаре в марте и апреле 1907 года были арестованы видные члены Исполнительного и Районных комитетов Самарской организации, деятельность организации была парализована[54]. «У нас в Самаре, - писал социал-демократ в Париж, - дела совсем скверные»[55]. Бездействовали в Самаре, надо полагать, после весенних ликвидаций и районные комитеты РСДРП из-за «отсутствия сил»[56]. Социал-демократы «при неоднократных попытках» не могли «вновь созвать общегородскую конференцию для избрания членов комитета», - отчитывался в Департамент полиции Исполняющий Должность Начальника Самарского ГЖУ в августе 1907 года, - эти попытки «не увенчались успехом за неприбытием достаточного количества членов районных комитетов»[57].

В Симбирске «большинство товарищей или сидит в тюрьме или уехала из Симбирска»[58], - сообщал в Москву из Двинска в июле 1907 года, по-видимому, один из уцелевших нелегалов.

В Саратове ликвидация социал-демократического комитета была проведена в ночь на 3 июня 1907 года. А в конце ноября 1907 года «произведённой ликвидацией была разбита Царицынская организация партии С.-Д.»[59]. Причём, полиции удалось арестовать Саратовский Областной комитет РСДРП[60]. В ноябре 1907 года в уездном Балашове была разгромлена местная организация, трое (из 9) её членов были арестованы, захвачена подпольная типография. Организация просуществовала всего полтора месяца[61].

7 августа 1907 года в Екатеринбурге было ликвидировано Уральское Областное бюро. Арест членов Бюро обезглавил социал-демократическую организацию и повлёк за собой «затухание» деятельности местных организаций, что не замедлил отметить начальник Пермского ГЖУ: «Благодаря этой ликвидации (Областного бюро – *Н.П.*) связи (между организациями - *Н.П.*) прерваны, планомерная работа преступных организаций спутана»[62]. Масштаб провала был косвенно подтвержден и самими социал-демократами. «Ввиду провала в Екатеринбурге окружных адресов и шифра к ним советую вам немедленно переменить явки и посылочную квартиру»[63], - предупреждал своих товарищей уцелевший комитетчик в письме, перехваченном полицией. На юге Урала, в Оренбурге организация была ликвидирована 19 августа 1907 года, арестовано 30 человек. Та же участь двумя месяцами позже постигла местную организацию в Челябинске. 7 октября было задержано 25 эсдеков[64].

В крупном промышленном центре Урала - Уфе организация была ликвидирована 21 ноября 1907 года[65]. В Вятской губернии к осени 1907

года, партийные организации РСДРП сохранились лишь в Сарапуле. В самой Вятке «...никакой активной деятельности не замечалось»[66].

Из других регионов, кроме Европейской части России, местные организации РСДРП активно действовали на Кавказе[67]. Здесь традиционно сильными были: Бакинская организация и организации Грузии. Однако уже в середине 1907 года полиции удалось ликвидировать ряд социал-демократических организаций. В ночь на 26 июля 1907 года в Баку была ликвидирована партийная типография и арестовано 11 человек[68]. Но эта ликвидация лишь на время ослабила местную организацию. В одном из перлюстрированных полицией писем местный эсдек писал: «В общем дела большевиков здесь не дурны»[69]. Однако другой нелегал в своём письме жаловался: «Работать тяжело - полнейшее отсутствие (пропагандистских - *Н.П.*) сил»[70].

В Тифлисской организации дела шли менее успешно. «Общая вялость отражается и у нас: вяло собирается район, вяло собираются ячейки. Идейной работы до самого последнего времени не было ...никогда ещё не было в организации такого отсутствия сил как сейчас. ...Да, дела плачевны»[71]. В Кутаисской губернии, как только местное ГЖУ отметило увеличение активности социал-демократов, сразу же последовали ликвидации[72].

Приведённые выше факты свидетельствуют, что Департаменту полиции удалось нанести серьезный удар по организациям РСДРП. «Систематические аресты партийных деятелей, равнодушие к столь популярной ещё так недавно революционной работе со стороны рабочих массовое бегство из партии интеллигенции, - писал А.И. Спиридович, - …всё это вело к тому, что местные организации распадались, славившиеся не так давно своею организованностью и крепостью комитеты хирели»[73]. Ю.О. Мартов, как и А.И. Спиридович, также писал о развале организаций РСДРП: «Состояние местных нелегальных организаций надо признать

худшим к концу 1910 года по сравнению с тем, каким оно было в конце 1909 года; где официально существует комитет, нет никаких, связанных с ним организационных рабочих групп. Где существуют кое-какие группы, нет между ними связей, которые позволяли бы создать какой-нибудь объединяющий местную работу комитет»[74].

Ещё хуже в 1907 – 1911 годах обстояли дела у эсеров.

Таблица №5.

Динамика численности эсеровских организаций по регионам в 1907-1911 годах.

Регион	Тип организации	Годы				
		1907	1908	1909	1910	1911
Европейская часть России (49 губ. 1 обл.)	1) губернская	45	45	41	40	37
	2) уездная	63	94	66	46	38
	3) сельская	95	103	22	7	2
	4) др. насёл. пункты	31	55	31	13	12
	Всего	**234**	**297**	**160**	**106**	**89**
Польша (10 губ.)	1) губернская	-	3	3	3	1
	2) уездная	-	3	1	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	7	-	-	-
	Всего	**-**	**13**	**4**	**3**	**1**
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост.окр.)	1) губернская	7	11	10	8	7
	2) уездная	4	4	3	4	2
	3) сельская	10	2	2	1	1
	4) др. насёл. пункты	7	3	5	4	-
	Всего	**28**	**20**	**20**	**17**	**10**
Сибирь (4 губ., б обл., 1 протекторат	1) губернская	6	6	6	6	6
	2) уездная	5	7	7	6	5
	3) сельская	6	1	2	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	1	-	-	-
	Всего	**17**	**15**	**15**	**12**	**11**

Средняя Азия (9 обл., 2 протектора-та)	1) губернская	5	5	3	4	4
	2) уездная	2	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	-	-	1	1
	Всего	**8**	**5**	**3**	**5**	**5**
Финляндия (8 губ.)	1) губернская	-	2	1	2	5
	2) уездная	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	1	-	-	-
	Всего	**1**	**3**	**1**	**2**	**5**

Как видно из данных, представленных в таблице №5, подавляющая масса эсеровских организаций функционировала в Европейской части[75]. В 1908 году здесь было выявлено самое большое количество эсеровских организаций. Однако, начиная с 1909 года, число эсеровских организаций начинает довольно стремительно сокращаться[76]. В 1909 году количество организаций уменьшилось, по сравнению с 1908 годом, приблизительно в 1,9 раза. В 1910 году - 2,8 раза, в 1911 году - 3,3 раза. С 1908 года по 1911 год свою деятельность прекратили 208 организаций ПСР[77].

Из различных типов организаций ПСР более устойчивыми оказались губернские организации. А «оплот» эсеров - сельские организации (крестьянские братства) исчезали с политического горизонта, как мартовский снег на солнце, потому, «что в деревне, - как было заявлено на V Совете партии (май 1909 года), - ослабевает интерес к общим социально-политическим лозунгам»[78], что фактически свидетельствовало об отходе крестьян от эсеровской партии.

В связи с распадом эсеровской периферии к 1911 году уменьшилось количество губерний, в которых продолжали функционировать эсеровские

организации. За неполные пять лет (1907-1911), Департаменту полиции удалось полностью покончить с организациями ПСР в четырёх губерниях.

Одновременно следует обратить внимание и на тот факт, что территориальное размещение эсеровских организаций в Европейской части России было неравномерным.

Таблица №6.

Динамика численности эсеровских организаций в различных регионах Европейской части России в июне 1907 - 1911 годах.

Регион	Тип организации	Годы				
		1907	1908	1909	1910	1911
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	8	7	9	9	7
	2) уездная	7	21	17	10	7
	3) сельская	--	1	-	1	--
	4)др. насёл. пункты	3	6	6	--	--
	Всего	**18**	**35**	**32**	**20**	**14**
Европейский Север (3 губ.)	1) губернская	2	3	-	2	1
	2) уездная	3	3	3	3	1
	3) сельская	-	1	-	-	–
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-
	Всего	**5**	**7**	**3**	**5**	**2**
Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	3	3	3	2	1
	2) уездная	8	9	5	2	2
	3) сельская	2	9	5	--	--
	4) др. насёл. пункты	1	3	-	--	1
	Всего	**14**	**24**	**13**	**4**	**4**
Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	7	9	1	5	7
	2) уездная	9	15	13	5	4
	3) сельская	4	16	-	-	-
	4) др. насел. пункты	3	2	1	1	2
	Всего	**23**	**42**	**15**	**11**	**13**

Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	10	9	7	8	9
	2) уездная	19	22	18	17	19
	3) сельская	56	45	5	1	-
	4) др. насел. пункты	15	31	20	9	4
	Всего	**100**	**107**	**50**	**35**	**32**
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	6	6	4	5	4
	2) уездная	11	11	8	6	2
	3) сельская	15	4	2	-	-
	4) др. насел. пункты	1	5	4	2	2
	Всего	**33**	**26**	**18**	**13**	**8**
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	6	6	6	5	4
	2) уездная	8	10	4	3	3
	3) сельская	18	27	11	5	3
	4) др. насел. пункты	1	1	1	1	1
	Всего	**33**	**44**	**22**	**14**	**11**
Урал (4 губ.)	1) губернская	4	4	4	4	4
	2) уездная	2	3	4	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-
	4) др. насел. пункты	3	3	1	-	1
	Всего	**9**	**10**	**9**	**4**	**5**

Как видно из таблицы №6, большинство эсеровских организаций в Европейской части России функционировала на Украине. Здесь в разные годы было сосредоточено от 30 до 42,5 % всех организаций ПСР в Европейской части России[79]. Однако и на Украине Департаменту полиции уже к исходу 1907 года удалось нанести мощный удар по организационным структурам ПСР. О сложившейся здесь тяжёлой ситуации для эсеровских организаций поведал киевский эсер в письме своему петербургскому коллеге в декабре 1907 года: «Волынская и

Подольская губернии - это пустое место, оставленное областным комитетом с полным прекращением работы за недостатком людей. Черниговская и Екатеринославская - начало работы, Киевская - начата работа, Полтавская начать не с кем, да и всегда там была не работа, а только желание ...Харьков - разгромлен остается»[80]. Из этого откровенного признания становится ясно, что организационная структура ПСР на Украине, по-видимому, балансировала на грани полного распада. Эту тенденцию также красноречиво подтверждает, например, письмо одесского эсера: «Из партийной жизни не могу сообщить ничего отрадного; “организации”, которые ещё остались, влачат жалкое существование. Я написал организации в кавычках потому что, по-моему, мнению, сейчас ничего нет»[81].

В ЦПР преобладали организации губернского и уездного уровня, хотя последних было немного, в сравнении с общим числом уездных городов[82]. Что же касается организаций в рабочих посёлках, то их было крайне мало. Сельских организаций удалось выявить единицы.

Крупная московская организация ПСР была обезглавлена ещё в феврале 1907 года, когда был ликвидирован Московский комитет. В Костроме «…был провал», - писал один из местных эсеров в Брюссель в августе 1908 года. – «Дальше была арестована окружная конференция, взято 11 человек. Теперь всё восстанавливается, но туго»[83].

На Европейском Севере, также как и в ЦПР, эсеры в основном действовали в губернских и уездных городах. Причём, большее число эсеровских организаций было отмечено в Архангельской и Вологодской губерниях. Но общее число их было незначительно даже для малонаселенного Севера. К тому же они были обессилены постоянными преследованиями. «В Архангельской губернии существовала незначительная организация Партии Социалистов-революционеров. ...Деятельность организации выразилась лишь в выпуске ...воззваний и

прокламаций»[84], - сообщал Начальник отделения по охране безопасности и порядка Москвы в ДП в октябре 1907 года.

В Поволжье и ЦЧР развал эсеровских организаций происходил также интенсивно. Здесь особенно быстро исчезали сельские организации ПСР. Причём, в ЦЧР к 1910 году крестьянские братства полностью исчезают, в Поволжье же они ещё продолжают функционировать, но их численность также заметно уменьшается. Кроме того, в Поволжье действовали и наиболее сильные организации эсеров (Казань, Нижний Новгород). Зная об этом, местные ГЖУ принимали меры к ликвидации этих руководящих региональных центров. Казанская организация была обезглавлена в декабре 1907 года, когда был ликвидирован комитет и арестовано 18 нелегалов. Аресты, видимо, обескровили Казанскую организацию ПСР. Даже несколько месяцев спустя эсеры не смогли её восстановить. «Относительно работы повторяю ещё раз, что нет прямо (возможности - *Н.П.*) начать её, - как всё проваливается»[85], - откровенно написал эсер из Казани.

В 1907 году пять раз подвергалась разгрому полиции Нижегородская организация ПСР[86]. Весной 1908 года полиции удалось захватить «записную книжку, в которой был занесён ряд адресов и масса фамилий, жертвовавших на дела организации. Произведено было немедленно очень много обысков»[87]. В других поволжских городах эсеровские организации также подверглись разгрому[88].

На Урале крупными организациями были Вятская, Пермская и Уфимская. Но их деятельность ограничивалась в основном губернскими городами. Однако местная полиция держала ситуацию под контролем. В декабре 1907 года эсеры не смогли провести Уральский Областной съезд. Предпринятая через полтора года, в апреле 1909 года, очередная попытка собрать Областной съезд закончилась также безрезультатно. Полицией было арестовано 27 эсеровских делегатов. К тому же в сети полиции

попался уполномоченный ЦК М.А. Лихач[89]. Арест делегатов съезда, а также последующие ликвидации губернских комитетов имели самые серьезные последствия для эсеровских организаций Урала. До февраля 1914 года восстановить их практически не удавалось[90].

Таким образом, в Европейской части России можно выделить регионы, в которых Департаментом полиции, было выявлено наибольшее число эсеровских организаций. Это, прежде всего, Украина и примыкающие к ней на севере белорусские губернии, а также Поволжье и ЦЧР, то есть те районы, которые отмечались избытком аграрного населения и, как следствие этого, малоземельем. Неслучайно, в этих регионах, как наглядно подтверждают данные таблицы №6, влияние радикальных эсеровских идей на крестьянскую массу было наиболее сильным[91]. В других регионах Европейской России эсеровские организации функционировали в основном в губернских и уездных городах.

Подводя некоторые итоги организационного состояния РСДРП и ПСР, следует сказать, что в 1907-1911 годах леворадикальные формирования подверглись массовым репрессиям и понесли весьма ощутимые потери в лице своих наиболее профессионально подготовленных членов. По существу, организационное состояние РСДРП и ПСР приблизилось к той роковой черте, за которой следовал полный организационный развал леворадикальной периферии. Следует отметить, что основной пик ликвидаций организаций РСДРП и ПСР пришёлся на 1907-1908 годы. Именно после этих ударов, нанесённых местными ГЖУ, обе социалистические партии уже не смогли оправиться вплоть до февральской революции 1917 года. Количество организаций РСДРП и ПСР заметно сократилось, что естественно ограничило географию распространения социалистических партий в империи.

В последующее пятилетие (1912 - февраль 1917) развал леворадикальных организаций на местах продолжался, и даже начавшийся

в 1912 году новый подъем политической активности в стране не внёс каких-либо существенных изменений в данную ситуацию. При этом следует иметь ввиду, что, во-первых, в результате полицейских разгромов организаций РСДРП и ПСР в 1907-1911 годах значительная часть профессионалов - революционеров (вплоть до представителей ЦК социалистических партий) была арестована или же вынуждена была эмигрировать за границу[92]. Во-вторых, Департаменту полиции удавалось через широкую и разветвлённую сеть своих агентов и осведомителей контролировать деятельность РСДРП и ПСР на всех организационных уровнях[93]. В-третьих, после поражения революции сказалась усталость масс, их разочарование в прямых насильственных действиях, боязнь преследований и репрессий со стороны государственных и карательных органов. В результате в партийных организациях остались только наиболее стойкие профессионалы-революционеры, поле политической и организационной деятельности которых оказалось весьма ограниченным.

Фактическим подтверждением драматического положения местных организаций РСДРП и ПСР являются многочисленные свидетельства, как полицейских чинов, так и самих революционеров. По наблюдениям жандармского генерала А.И. Спиридовича, партийная деятельность социалистов замерла. «Тихо протекала партийная жизнь (большевиков - *Н.П.*) в России в первую половину 1913 года. Она сосредотачивалась главным образом в легальных организациях. ...Подпольная же работа, нелегальные организации систематически разрушались розыскными органами, имевшими хорошую агентуру, начиная с самых партийных верхов и нисходя до небольших местных организаций ...всё было под наблюдением партийных работников, служивших осведомителями у политической полиции и разрушалось при первом удобном моменте»[94].

Эта общая оценка представителя охранной службы совпадает с оценками самих революционеров. «Мы старались, прежде всего, чтобы

тлеющий огонёк нашей партии не погас окончательно»[95], - писал об этом времени А.В. Луначарский. На Поронинском совещании большевиков 1913 года было откровенно заявлено: «Рабочее движение растёт, но партия не имеет на него влияния»[96].

У эсеров дела обстояли ещё хуже. «К началу 1914 года партийных организаций в России в строгом смысле слова не было, - писал А.И. Спиридович. – «Были лишь разбросанные по разным городам социал-революционеры»[97].

Приведённые выше оценки, находят подтверждение в огромном фактическом материале отложившимся в фондах Департамента полиции, которые сведены нами в таблицы № 1 и № 2. Если из 104 территориально-административных единиц[98] организации РСДРП в 1908 году действовали в 78, что составляло 75% всех крупных территориально-административных единиц, а эсеры, соответственно, в 76, что составляло 73 % от их общего числа, то к февралю 1917 года количество губерний, областей и самостоятельных округов, в которых действовали социалистические партии, сократилось соответственно у РСДРП до 32, что составляло 31 % от их общего числа, а у ПСР до 16, что составляло 15,4%. Таким образом, около 70% территориально-административных образований не было охвачено деятельностью социалистических партий[99]. Сохранившиеся организации леворадикалов действовали в основном в Европейской части России.

Таблица №7.

Динамика распространения организаций РСДРП и ПСР по регионам в 1907 – 1917 годах.

Регион	Наименование политических партий	Годы					
		1912	1913	1914	1915	1916	1917
Европейская часть России (50 губ.)	РСДРП	42	42	44	38	38	22
	ПСР	41	41	41	34	30	13
Остальные регионы империи (54 админ. еденицы)	РСДРП	22	21	19	17	15	10
	ПСР	23	22	15	17	25	3
Всего	**РСДРП**	**64**	**63**	**63**	**55**	**53**	**32**
	ПСР	**64**	**63**	**56**	**51**	**40**	**16**

Из таблицы №7 следует, что за пятилетие (1912 - февраль 1917) значительно уменьшилось число регионов, где действовали социалистические партии. Впрочем, развал эсеровских организационных структур шёл более высокими темпами, чем РСДРП. С 1912 года по февраль 1917 года число регионов, в которых действовали леворадикальные организации соответственно сократилось: РСДРП с 64 до 32; ПСР с 64 до 16. Эта тенденция просматривается как в Европейской части России (соответственно, РСДРП с 42 до 22; ПСР с 41 до 13), так и в других регионах империи (соответственно, РСДРП - с 22 до 10, ПСР с 23 до 3).

Обработанные материалы позволяют рассмотреть данную проблему более детально[100].

Таблица №8.

Динамика численности социал-демократических организаций по регионам в 1912 - февраль 1917 года.

Регион	Тип организации	Годы					
		1912	1913	1914	1915	1916	1917
Европейс-кая часть России (49 губ., 1обл.)	1) губернская	33	37	38	32	32	15
	2) уездная	34	34	20	16	14	7
	3) сельская	9	7	2	8	3	-
	4) др. насёл. пункты	15	25	12	8	8	5
	Всего	**91**	**103**	**72**	**64**	**57**	**27**
Польша * (10 губ.)	1) губернская	1	-	1	-	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**-**	**1**	**-**	**-**	**-**
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. округа)	1) губернская	8	8	7	6	6	3
	2) уездная	2	1	-	-	-	-
	3) сельская	9	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	2	1	2	2	1	2
	Всего	**21**	**10**	**9**	**8**	**7**	**5**
Сибирь (4 губ., 6 обл., 1 про-текторат)	1) губернская	7	7	6	5	4	3
	2) уездная	5	7	5	1	4	2
	3) сельская	-	-	-	1	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	1	-
	Всего	**12**	**14**	**11**	**7**	**9**	**5**
Средняя Азия (9 обл., 2 протектора-та)	1) губернская	3	2	1	2	2	1
	2) уездная	1	1	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	1	-	-	-	1
	Всего	**5**	**4**	**1**	**2**	**2**	**2**

Финляндия (8 губ.)	1) губернская	2	2	1	-	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**2**	**2**	**1**	-	-	-

* В 1915 году польские губернии оккупированы австро-германскими войсками.

Таблица №9.

Динамика численности эсеровских организаций по регионам в 1912 - февраль 1917 года.

Регион	Тип организации	Годы					
		1912	1913	1914	1915	1916	1917
Европейская часть России (49 губ. 1обл.)	1) губернская	35	36	37	28	22	9
	2) уездная	36	33	15	10	11	4
	3) сельская	3	2	-	5	-	-
	4) др. насёл. пункты	14	8	6	2	-	1
	Всего	**88**	**79**	**58**	**45**	**33**	**14**
Польша * (10 губ.)	1) губернская	1	1	1	1	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**1**	**1**	**1**	-	-
Кавказ (7 губ., 5 обл.,2 самост. окр.)	1) губернская	7	7	7	3	3	2
	2) уездная	1	-	-	-	-	-
	3) сельская	2	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	1	1	-	1	-
	Всего	**10**	**8**	**8**	**3**	**4**	**2**

Сибирь (4 губ., 6 обл., 1 протекторат)	1) губернская	6	5	5	7	4	1
	2) уездная	6	3	1	1	1	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**12**	**8**	**6**	**8**	**5**	**1**
Средняя Азия (9 обл., 2 протекто-рата)	1) губернская	4	4	3	3	3	1
	2) уездная	-	1	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	1	-	1	-	-
	Всего	**4**	**6**	**3**	**4**	**3**	**1**
Финляндия (8 губ.)	1) губернская	5	5	-	1	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**5**	**5**	-	**1**	-	-

* В 1915 году польские губернии оккупированы, австро-германскими войсками.

На основе данных, представленных в таблицах № № 8 и 9, достаточно определенно просматривается тенденция, выявленная ещё в 1907-1908 годах, к сокращению партийных организаций. К февралю 1917 года, по сравнению с 1907-1911 годами, в России действовало минимальное число организаций социалистических партий[101]. Причём, как и в прошлое пятилетие, более устойчивыми оказались организации губернского уровня. По сравнению с другими регионами, большинство организаций РСДРП и ПСР продолжало действовать в Европейской части России. Но здесь в различных регионах активность леворадикальных партий была весьма неодинаковой.

Таблица №10.

Динамика численности социал-демократических организаций в различных регионах Европейской части России (1912 - февраль 1917 года).

Регион	Тип организации	Годы					
		1912	1913	1914	1915	1916	1917
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	7	8	8	7	7	5
	2) уездная	6	9	4	6	2	-
	3) сельская	5	7	7	4	-	-
	4) др. насёл. пункты	3	11	4	7	3	1
	Всего	**21**	**35**	**23**	**24**	**12**	**6**
Европейс-кий Север (3 губ.)	1) губернская	-	1	2	2	1	-
	2) уездная	1	1	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**2**	**2**	**2**	**1**	-
Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	-	-	1	1	2	1
	2) уездная	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**-**	**-**	**1**	**1**	**2**	**1**
Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	4	6	4	3	2	1
	2) уездная	7	5	2	2	3	2
	3) сельская	5	-	-	-	-	-
	4)др. насёл. пункты	1	3	-	-	-	-
	Всего	**17**	**14**	**6**	**5**	**5**	**3**
Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	9	10	9	8	7	3
	2) уездная	14	12	12	7	7	3
	3) сельская	-	-	-	1	-	-
	4) др. насёл. пункты	6	4	3	2	2	1
	Всего	**29**	**26**	**24**	**18**	**16**	**7**

ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	4	4	5	4	4	1
	2) уездная	5	5	1	1	1	1
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	1	1	-	-	-
	Всего	**10**	**10**	**7**	**5**	**5**	**2**
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	6	5	6	5	5	4
	2) уездная	-	2	1	1	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	1
	4) др. насёл. пункты	1	1	1	1	1	1
	Всего	**7**	**8**	**8**	**7**	**6**	**6**
Урал (4 губ.)	1) губернская	3	3	3	1	2	1
	2) уездная	1	1	-	1	1	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	5	3	2	3	2
	Всего	**5**	**9**	**6**	**4**	**6**	**3**

Таблица №11.

Динамика численности эсеровских организаций в различных регионах Европейской части России (1912 - февраль 1917 года).

Регион	Тип организации	Годы					
		1912	1913	1914	1915	1916	1917
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	8	6	8	8	6	4
	2) уездная	6	5	4	1	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	3	1	1	-	-	-
	Всего	**17**	**12**	**13**	**9**	**6**	**4**

Европейс-кий Север (3 губ.)	1) губернская	1	1	2	-	-	-
	2) уездная	-	1	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	1	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**2**	**3**	-	-	-
Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	2	3	2	1	2	-
	2) уездная	1	1	1	1	1	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-
	Всего	**3**	**4**	**3**	**2**	**3**	-
Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	5	5	3	2	2	1
	2) уездная	4	5	3	3	2	3
	3) сельская	1	1	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	3	-	-	-	-	-
	Всего	**13**	**11**	**6**	**5**	**4**	**4**
Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	7	7	8	7	4	2
	2) уездная	15	15	5	5	4	-
	3) сельская	-	-	--	1	1	--
	4) др. насёл. пункты	2	4	2	1	2	1
	Всего	**24**	**26**	**15**	**14**	**11**	**3**
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	5	6	4	4	3	1
	2) уездная	4	4	2	1	3	1
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	3	1	1	-	-	-
	Всего	**12**	**11**	**7**	**5**	**6**	**2**
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	4	5	6	3	5	1
	2) уездная	3	2	1	-	-	-
	3) сельская	2	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	1	1	1	1	1
	Всего	**10**	**8**	**8**	**4**	**6**	**2**

Урал (4 губ.)	1) губернская	3	3	3	2	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	1	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	1	1	-	1	-
	Всего	**4**	**4**	**4**	**2**	**2**	**-**

Данные таблиц № № 10 и 11 предоставляют возможность, в динамике, проследить продолжившийся в 1912 - феврале 1917 года, неуклонный и, что важно, всерегиональный развал леворадикальных организаций в Европейской части России. С другой стороны, здесь просматривается определённая логика в территориальном размещении организаций РСДРП и ПСР. Большинство социал-демократических организаций продолжали преимущественно действовать в экономически развитых регионах Европейской части России, тогда как основная масса эсеровских организаций в основном функционировала в сельскохозяйственных регионах. Такое территориальное размещение леворадикальных партий в Европейской части России во многом соответствовала идеологическим установкам партий.

Что же касается функционирования организаций РСДРП и ПСР на местах, то после беспрецедентно жёстких репрессивных полицейских мер направленных против обеих партий в 1907-1911 годах, когда была, по сути, разгромлена их организационная структура, в период с 1912 года по февраль 1917 года во всех регионах империи Департамент полиции проводил, образно говоря «зачистку» территории от леворадикалов. Так, в одной из самых сильных организаций РСДРП в России - Бакинской «удалось, наконец, собрать несколько человек рабочих»[102],- писал один из социал-демократов в марте 1912 года из Баку в Киев. В самом Киеве в декабре 1911 года был ликвидирован комитет, состоящий из 11 человек[103], так что письмо из Баку, видимо, адресата в Киеве, скорее всего, не нашло.

На юге Украины, в промышленном Донбассе местные социал-демократы только ещё намеревались в конце 1911 года «основать прежние организации и поставить типографии»[104]. А в соседнем Луганске «оторванность от партии страшная»[105], - сокрушался местный комитетчик.

В свою очередь Московская и Петербургская организации РСДРП постоянно «страдали от партийной измены» и агентурной работы, в результате чего они постоянно подвергались ликвидациям[106]. На Поронинском совещании, проходившим в октябре 1913 года, «местные работники указывали на полное почти отсутствие в России нелегальных партийных организаций; на систематические провалы, какой бы то ни было организационной работы»[107]. В целом, по признанию А.И. Спиридовича, «заарестованием остатков большевистских организаций, планомерная работа большевиков в самой России во время войны, в период монархии была пресечена»[108].

У эсеров дееспособных организаций также почти не сохранилось[109]. Так в 1916 году в Поволжье казанские эсеры попытались было наладить связь с эсеровскими группами Саратова и Самары. Однако казанская группа сразу же было ликвидирована полицией[110].

Подводя итоги территориального размещения и динамики организационных структур социалистических партий, следует обратить внимание на следующее. Во-первых, нельзя не признать, что репрессивным органам после поражения революции 1905-1907 годов удалось ликвидировать значительную часть партийных организаций РСДРП и ПСР и установить достаточно жёсткий контроль над их деятельностью, используя при этом самые различные и изощренные методы, включая провокацию.

Во-вторых, анализируя территориальное размещение социалистических партий, удалось выявить регионы, в которых они действовали наиболее активно. Большинство организаций было

сосредоточено в Европейской части России. Причём, между РСДРП и ПСР имело место «разделение» территориального размещения их партийных организаций. В экономически развитых регионах наиболее активно действовали организации РСДРП. А в сельскохозяйственных - наиболее сильными и мобильными были эсеровские организации.

В-третьих, на основе динамики численности местных организаций удалось выявить регионы, где организационные структуры РСДРП и ПСР действовали более активно. Ими оказались девять украинских губерний и Бессарабия. На наш взгляд, это связано со следующими обстоятельствами. На Украине были как экономически развитые районы (Донбасс, Харьковская и Екатеринославская губернии), так и сельскохозяйственные.

В-четвёртых, обнаруживается еще одна закономерность. На протяжении всего межреволюционного периода большинство организаций действовало в городах. В то время как в деревне и в рабочих посёлках влияние леворадикалов резко пошло на спад. После революции 1905-1907 годов организационные структуры РСДРП и ПСР сохранились в основном в губернских и уездных городах[111].

В-пятых, практически полное искоренение социалистической «крамолы» в масштабах империи к февралю 1917 года ещё, разумеется, не означало, что Департаменту полиции удалось ликвидировать «подпочву» этой «крамолы». Нанося мощный удар по организационным структурам РСДРП и ПСР, Департамент полиции осуществил превентивные меры именно против носителей социалистических идей, а не по причинам питавших эти идеи. Социалистические идеи находили постоянную подпитку в реальных социально-экономических, политических, национально-конфессиональных условиях, сложившихся в стране после поражения революции 1905-1907 годов. Дело в том, что правительство не смогло решить объективно назревшие задачи вставшие перед Россией в начале XX века. Несмотря на частичную реализацию столыпинской

программы реформ, властям не удалось стать в полной мере «душеприказчиками революции», а это, в свою очередь, не позволило им ликвидировать её объективные причины. В этих условиях объективно сохранялась база для распространения социалистических идей и, следовательно, постоянного возрождения партий социалистической ориентации. Иными словами, Департамент полиции успешно боролся со следствиями, а не с причинами распространения в империи деятельности РСДРП и ПСР. Кроме того, следует иметь в виду, что Департаменту полиции не удалось, не только ликвидировать идеологов социалистических партий, которые эмигрировали за границу, но и основной костяк профессиональных революционеров. Образно говоря, Департамент полиции, закидывая свои карательные сети, в основном вылавливал «мелкую рыбёшку», в то время как опытные партийные функционеры обеих социалистических партий продолжали оставаться на свободе и стремились к возрождению партийных структур[112].

Таким образом, наличие объективной основы для распространения в России социалистических идей и сохранившиеся кадры профессиональных революционеров явились теми необходимыми условиями, которые при изменении политической конъюнктуры в стране должны были совпасть друг с другом и оперативно возродить партийные структуры обеих социалистических партий. По существу, так и произошло после победы Февральской революции 1917 года.

§ 2. Либеральные партии

На исходе революции 1905-1907 годов обе общероссийские либеральные партии: леволиберальная конституционно-демократическая и либерально-консервативная – «Союз 17 октября», организационно, а на уровне местных организаций (в большей степени, чем в руководстве)

политически и идеологически (последнее в основном относилось к местным отделам «Союза 17 октября») всё ещё продолжали находиться на стадии формирования. Этот процесс был прерван третьеиюньским переворотом, в результате которого в стране сложилась принципиально новая общественно-политическая ситуация. Новые политические реалии достаточно быстро сказались на организационном состоянии обеих либеральных партий, на идеологическо-политическом единстве членов их местных партийных организаций. Именно тогда, начавшийся вскоре после роспуска I Государственной Думы организационный кризис либеральных партий, приобрёл необратимый характер. За достаточно короткое время после окончания революции кризис практически полностью разрушил их партийные формирования по всей империи, нарушил нормальные внутрипартийные коммуникационные связи по всей организационной вертикали, привёл к значительному сужению территориального размещения обеих партий.

На фоне не окончившегося процесса партийного строительства либеральных партий, со всей очевидностью просматривается основной комплекс причин столь масштабного организационного кризиса. На наш взгляд, это, во-первых, ужесточение административно-полицейского режима в стране; во-вторых, нецеленаправленная, достаточно неопределенная, зачастую откровенно слабая организационная политика руководства обеих партий в партийном строительстве и, в-третьих, политическая разноголосица, и идеологическая аморфность партийных рядов, прежде всего на уровне местных организаций.

После третьеиюньского переворота последствия ужесточения административно-полицейского режима в стране для функционирования обеих либеральных политических партий были очевидны. Государственными органами проводились полицейские и административно-судебные преследования кадетов. Публикация

циркуляра МВД от 14 сентября 1906 года, запретила участие государственных служащих в деятельности политических партий, следствием чего стал отток членов из местных организаций кадетов и из отделов «Союза 17 октября».

Две из трёх вышеназванных причин организационного кризиса либеральных партий связаны с историей их создания и с определением политической цели руководством обеих партий и методов её разрешения. Обе либеральные партии конституировались из либерального и реформистского крыльев земского движения и деятелей органов городского самоуправления. Для этих структур был свойственен дискуссионно-клубный подход в решении обсуждаемых вопросов. Именно такой принцип дискуссионного клуба был перенесён основателями либеральных партий в организационную структуру кадетов и октябристов. Вполне понятно, что такие своеобразные «партии-клубы» оказались организационно и идеологически аморфными, а в определении политического курса (особенно на местах) непоследовательными.

Действительно, практика партийных организаций, как дискуссионных клубов, приводила к тому, что членами местных организаций кадетов и октябристов становились лица, принятые на основе устных заявлений. Партийными уставами обеих либеральных партий не были оговорены обязанности членов организаций. Местные партийные комитеты КДП и «Союза 17 октября» всех уровней имели достаточно широкие полномочия (кооптация у кадетов, а у октябристов даже выработка местными отделами собственных программ и уставов), что предполагало некоторое несогласие с общепартийными решениями и идеями, а, следовательно, некий политический и идеологический ревизионизм в партийных рядах. Более того, в уставе «Союза 17 октября» была специально закреплена возможность параллельного членства в других партиях. Партийные взносы у октябристов были сугубо добровольным делом, а у кадетов больше

формальным (60 копеек в год). В партиях отсутствовало чёткое подчинение нижестоящих организаций вышестоящим: (уездная организация могла обратиться в ЦК, минуя губернскую, часто губернская организация не знала о существовании уездных организаций; в организациях на местах было много неокончательных идеологически и политически самоидентифицировавшихся членов). Функционирование всего партийного механизма обеих партий ещё более осложнялась тем, что они изначально институализировались как кадровые политические партии и руководители КДП и «Союза 17 октября» имплицитно и эксплицитно были нацелены, прежде всего, на сферы большой политики, кабинетно-парламентскую деятельность (в первую очередь в Государственной Думе), нежели обеспокоены формированием жизнеспособных партийных структур.

Вполне понятно, что такая, с одной стороны, аморфная, а с другой - не скоординированная и не сбалансированная организационная структура, действовавшая в «дни свободы» во время революции 1905-1907 годов начала давать сбои в новой изменившейся ситуации, сложившейся в результате третьеиюньского государственного переворота. Прежде всего, начали рваться и без того слабые организационные связи между центром и провинцией, между нижестоящими и вышестоящими организациями на губернском уровне. Одновременно начался ничем не сдерживаемый исход идеологически не устоявшихся и запуганных обывателей из либеральных партий[113]. Практически полное отсутствие профессиональных партийных функционеров на местах (особенно у «Союза 17 октября»), способных хоть как-то сплотить местные организации в тяжёлые времена, ещё больше усугубило кризис организационных структур кадетов и октябристов на местах.

Для того чтобы как-то оживить организационные связи с партийной периферией, собрать информацию о положении организаций, а, в

конечном итоге, попытаться приостановить «снежный ком» распада партии, кадетским руководством при Московском отделе ЦК (далее: МО ЦК) была создана в ноябре 1907 года Организационная комиссия (ОК), действовавшая до мая 1909 года и вновь возобновившая свою деятельность в октябре 1913 года. Для более систематического контроля над функционированием кадетской периферии вся территория империи была поделена партийным руководством на семь округов (Петербургский, Западный, Московский, Саратовский, Харьковский, Киевский и Варшавский) и три области (Сибирь, Средняя Азия, Кавказ). При Петербургском отделе ЦК в январе 1908 года была образована особая организационная комиссия, в компетенцию которой перешли два округа - Петербургский и Западный. Чуть позже, в апреле 1908 года, была создана Сибирская комиссия. Результат не замедлил сказаться. В 1907 - первой половине 1908 года ОК при МО ЦК сумел проверить путём переписки, анкетирования, инспекционных поездок членов ОК в регионы положение дел в 27 губернских и в 26 уездных организациях[114]. В последующие годы ОК получала информацию в основном через рассылку на места анкет-вопросников. Именно при внимательном прочтении, прежде всего, ответов на вопросы анкеты оказалось возможным установить, что приблизительно в течение года (июнь 1907- первая половина 1908 года) многие кадетские организации прекратили активную деятельность, «сжавшись» до состояния немногочисленных комитетов, которые пребывали в организационном «летаргическом сне».

Информация, полученная из других источников, только подтверждает, что кадетская партия в это время переживала глубокий кризис, результатом которого были в большой степени как раз организационно-структурные рецидивы политики кадетского ЦК и неокончательная политико-идеологическая самоидентификация членов местных организаций. Вот только несколько типичных примеров, показывающих

весь масштаб разразившегося кризиса в КДП. Член ОК сообщал в январе 1908 года из Вологды: «В губернии в настоящее время существуют следующие комитеты, в г. Вологде - губернский комитет, он же и городской, …уездные в г. Тотьме, Великом Устюге, Никольске, районных комитетов теперь нет. …(Губернский комитет состоит из десяти активных членов, избранных ещё в 1906 году ...[они – *Н.П.*] собираются ...не менее одного раза в месяц. Явных членов в г. Вологде числилось [подчеркнул автор письма – *Н.П.*] около ста человек, …в Вел.[иком] Устюге - 36 человек, в Тотьме около ста человек, в Никольске, Подосиновцах и в Вознесенье около сорока человек; в настоящее время правильный учёт числа членов не производится). Связь поддерживается [между комитетами – *Н.П.*] только через личные сношения членов комитета»[115]. Однако, как выяснилось далее при более близком знакомстве члена ОК с деятельностью всех вышеперечисленных организаций в Вологодской губернии уже начиная со второй половины 1907 года партийной работы почти не велось, обыски и другие спутники охранки сделали обывателя индифферентным к политической деятельности. «В бытность мою в декабре прошлого (1907 г.) в Вологде с трудом (подчеркнул автор письма - *Н.П.*) удавалось собрать несколько лиц из Комитета, да и среди них намечалась апатия!»[116]. Следует заметить, что «собрать несколько лиц из Комитета» удавалось только под давлением члена ОК, видимо без него дела бы совсем зачахли. О деятельности уездных организаций губернский комитет, как выяснилось, не имел никаких сведений, констатируя только, что «уездные члены положительно не бывают на собраниях Губернского Комитета. ...Связь (с ними - *Н.П.*) поддерживается только через личные сношения членов Комитета»[117]. Из Харькова местный кадет сообщал в МО ЦК в конце 1908 года: «После 3 июня ...репрессии и нападки на печать и на всякое проявление общественной самодеятельности посыпались, как из рога изобилия. К тому же происходят явные признаки усталости и апатии в

рядах партии и всего интеллигентно-прогрессивного общества. Деятельность партии постепенно замирала и, оправившись ...перед выборами в III Государственную Дума, почти совсем погасла.

После выборов в III Думу Городской Комитет (Губернский, как сказано, прекратил своё существование), созывался трижды, но ни разу не мог состояться, за неприбытием законного состава (10 человек). Связь между комитетом и членами партии совершенно порвалась. Последнее общение комитета с членами было во время предвыборной компании и выражалось в обходе членов и в рассылке ими почтой списков кандидатов. ...В настоящее время никакая партийная или даже просто исходящая от партии деятельность совершенно невозможна»[118].

На уездном уровне дела в кадетской партии обстояли не менее трагично. В письме, полученном в конце января 1908 года ОК МО ЦК, бывший председатель Судиславской группы (Судиславль - заштатный город в Костромской губернии) откровенно заявил: «Я уже давно уехал из Судиславля, живу в Костроме и никакого отношения к Судиславской группе не имею. Да и сама группа, насколько мне теперь известно, уже совершенно распалась»[119]. Такой же ответ был получен из уездного город Чухлома Костромской губернии[120]. Из города Фатеж Курской губернии в ответ на запросы МО ЦК местный кадет сообщал в конце марта 1909 года: «Причина упорного молчания на неоднократные обращения МО ЦК заключаются в том, что стыдно было сообщать, что никакого “кружка единомышленников” у нас теперь нет. Все так напуганы, что на само предложение где-либо собраться, смотрят как на какой-то революционный акт, за который должна неизбежно последовать казнь или, в лучшем случае, ссылка»[121].

Такие примеры можно умножить, ибо такое положение вещей в кадетских комитетах и группах отмечалось по всей организационной вертикали. Общие собрания организаций не собирались по много месяцев,

так как некого было собирать, комитеты всех уровней в большинстве своём распались или бездействовали. Некоторое оживление деятельности комитетов (но не организаций) произошло только в период предвыборной компании в III Государственную Думу, когда члены местных комитетов, которые ещё считали себя членами партии, начинали предвыборную компанию, да и та была минимальна и зачастую убога[122]. В связи с практически полным затуханием деятельности кадетских организаций на местах, в конце 1907 - первой половине 1908 годов, остается открытым вопрос: можно ли принять за достоверные данные об обследовании состояния кадетской периферии, которые привела ОК при МО ЦК в конце 1907 года - первой половине 1908 года, когда было зарегистрировано 27 губернских и 26 уездных организаций? Навряд ли. Ведь, например, если бы член ОК на месте не проверил обзор Вологодской организации для ОК, выдержки из которого мы привели выше, то, по крайней мере, МО ЦК считал бы, что в Вологодской губернии действовало на момент опроса три уездных комитета, ещё две группы в уездах, и сам Губернский комитет. Хотя все они бездействовали или распались[123].

С подобным скептицизмом стоит, на наш взгляд, отнестись и к подобному же опросу, проведенному в 1913 году ОК при МО ЦК, когда ей была разослана анкета-вопросник в 54 губернских и в 64 уездных организаций[124]. Ведь положение кадетов в это время не улучшилось по сравнению с периодом 1907-1909 годов. На наш взгляд, принимать факт не только что функционирования, но даже существования кадетских организаций по «ревизии», устроенной ОК при МО ЦК в конце 1907 года - второй половине 1908 года и анкете-вопроснику 1913 года, как факт неоспоримый, необоснованно. Такое положение дел было связано не только с полицейскими репрессиями и судебно-административным преследованиями кадетских организаций на местах, роль которых не приходится отрицать, но и с развалом не налаженной и чётко не

функционировавшей и в лучшие времена организационной вертикали. Приведём лишь наиболее красноречивые факты. В декабре 1907 года МО ЦК обратился к одному из прогрессивно настроенных священников, не входившему в кадетскую партию в городе Юрьевце Костромской губернии, с просьбой усилить деятельность в общественных организациях города. В этом не было бы ничего необычного, если бы МО ЦК поставил бы в известность о своей просьбе функционировавшую в городе кадетскую группу. Почему этого не сделал МО ЦК, остается только гадать, но можно предположить, что он просто не имел сведений о существовании в Юрьевце местной организации. В результате, когда местные кадеты окольными путями узнали о таком «обращении», возмущению их не было предела. «Местные организации, - писали они в Москву, - ...при подобных условия должны ликвидироваться»[125]. В обзоре по Воронежской губернии, подготовленном для ОК при МО ЦК, помеченного датой 17.01.1908 года, констатировалось: «Связи между (губернским - *Н.П.*) к[омите]том и ...отдельными лицами (а не членами партии, что показательно - *Н.П.*) не существует и поддерживается она ими случайно»[126]. Оказавшись в столь сложной ситуации на местах кадеты старались сохранить хотя бы костяк преданных людей, переносили свою деятельность в общественные организации, но и здесь ЦК часто упускал инициативу из своих рук. Так в письме, полученном из Томска, местные кадеты сообщали: «Ведь отдела партии здесь уже не существует, городской комитет собирается раз в год перед выборами. ...Мы не можем жить и выступать под своим флагом. ...Мы легализировались под фирмой “3 кружок самообразования”. ...Поэтому будьте добры сообщить нам, как Вы, а так же в ЦК, смотрят на работу в мелких партийных организациях, и какую именно работу Вы сейчас рекомендуете»[127].

Связь же на уровне губернская - городская, уездная организации и далее по партийной вертикали вниз часто поддерживалась путём

случайных личных встреч, а также через агентов, которые представляли в уездах уже несуществующие организации. В первые годы после революции 1905-1907 годов кадетам не удалось сохранить на местах жизнеспособные организации, более того, большинство из них тихо и незаметно «скончались».

В целом в период между окончанием революции 1905-1907 годов и началом Первой мировой войны на всех уровнях происходил развал кадетской организационной пирамиды. Как отмечал П.Н. Милюков на партийной конференции, проходившей в мае 1909 года: «Положение партии, которое констатировано московским комитетом, представляет собой минимальный уровень, на котором может находиться партия»[128]. В 1913 году МО ЦК в своём докладе о положении дел в партии, составленном на основе информации, полученной из запроса-анкеты, разосланной по 118 адресам, констатировал очевидный факт, что «партия к.-д. почти не имеет в настоящее время правильно организованных комитетов»[129]. И.В. Гессен высказался более откровенно на заседании ЦК партии, проходившего 7 ноября 1909 года: «Думские партии не соответствуют партиям в стране, ...никакой жизни партийные организации не проявляют»[130].

Одновременно происходила неспешная, но необратимая внутриидеологическая переориентация кадетской политической парадигмы, к более умеренно-консервативным взглядам. Это было связано как с политическим поправением руководства партии, так и тем взаимовлиянием, которое оказывали друг на друга кадеты и более умеренные деятели земского и городского самоуправления. Этот процесс ещё более усилился с началом Первой мировой войны, когда кадетские организации на местах практически стали не нужны, так как их заменили собой общественные организации, точнее их организационная структура. Эту же особенность подметила современный исследователь Н.Г. Думова:

«Главное ...состоит в том, что с началом войны организационное развитие кадетской партии, пусть и в своеобразной форме, вступило в новую фазу. Её влияние начало расширяться, однако не за счёт численного роста самих партийных групп, а путём вовлечения новых значительных резервов в работу активизировавшихся и вновь возникших в 1914 г. общественных организаций, прежде всего всероссийских союзов земств и городов»[131]. Князь Д.И. Шаховской, ознакомившись с организационным положением кадетской периферии, заявил накануне VI съезда партии (февраль 1916 года): «В провинции все наличные силы поглощены работой в непартийных организациях, и нельзя отрывать их от важных практических работ для искусственных партийных дел»[132]. И даже в Москве «деятельность Городского комитета партии замерла, ибо наиболее видные члены вступили в общеземский и общегородской союзы, после чего объединяющая партию по Москве работа Городского комитета остановилась», так как в начале осени 1914 года «…почти вся энергия деятелей партии народной свободы пошла на военные и санитарные задачи»[133].

В условиях, когда деятельность немногочисленных комитетов кадетской партии и отдельных кадетов на местах с началом Первой мировой войны всё более тесно связывалась с деятельностью общественных организаций (Всероссийского союза городов (ВСГ), Всероссийского союза земств (ВЗС), Военно-промышленных комитетов (ВПК)), функционирование самих кадетских организаций не местах начало несколько оживать. Так, к концу 1915 года деятельность кадетов в Воронежском уезде значительно активизировалась, хотя здесь и не было сплоченной организации, а вся работа местных кадетов сосредотачивалась в земских и общественных организациях[134]. Более того, оказалось, что участие кадетов в общественных организациях являлось хорошей альтернативой не оказаться вновь репрессированными.

Так началось постепенное возрождение активности местных комитетов, хотя, по сути, вплоть до февральской революции 1917 года кадеты, работая в общественных организациях, не смогли восстановить или создать новые организации, а в основном находились, как, например, в Тверской губернии «…в постоянном общении»[135].

Несомненно, что функционирование в губернии каких-либо общественных организаций способствовало активизации местных кадетов и даже возрождению их организаций. Это достаточно быстро подметили местные жандармские управления (далее: ЖУ). Так Начальник Омского ЖУ доносил директору Департамента полиции 8 ноября 1914 года: «Какой-либо оформленной организации конституционно-демократической партии, как в г. Омске ...так равно и где-либо в крае, никогда не существовало, отсутствие же земского самоуправления и представительства в Государственной думе лишает лиц, примыкающих к этой партии, возможности проявить сколько-нибудь заметную деятельность»[136].

Таким образом, по нашему представлению, в межреволюционное десятилетие организационная структура кадетов пережила два этапа. Первый этап характеризовался как острым организационным кризисом, так и политической переориентацией; партия становилась всё более консервативной. Организационный кризис партийных структур вызванный, с одной стороны, полицейскими и административно-судебными преследованиями силовых ведомств, а с другой - аморфной организационной структурой, политической разноголосицей членов местных организаций, достаточно малым вниманием партийного руководства к организационным делам и деятельности кадетских организации на местах[137], привёл к организационному развалу почти всей кадетской периферии в межреволюционное десятилетие и к неумолимому вымыванию демократических элементов из партийных рядов. Как

следствие этого явления - падение численности уездных, городских, сельских организаций. Как заметил нижегородский кадет в конце октября 1908 года на совещании кадетской фракции III Государственной Думы с представителями провинциальных групп: «Широкие народные массы относятся к ней (КДП - *Н.П.*) даже не отрицательно - они о ней просто забыли»[138].

Второй этап наступил с началом Первой мировой войны, точнее, с образованием общественных организаций, активное участие в деятельности которых приняли кадеты. Тогда же началось более близкое сближение кадетов с торгово-промышленными и финансовыми кругами, что ускорило мотивацию для создания уже новой партии российской буржуазии[139]. Однако этот процесс так и не был ни организационно, ни идеологически завершён. В этот период продолжали действовать старые организационные структуры, но они уже представляли собой безжизненный организм, который постепенно начал наполняться новым содержанием. Поэтому, как нам видится, и кадетское руководство не препятствовало развалу организаций на местах, а наоборот, приветствовало работу кадетов в Земгоре, ВПК и других общественных организациях, надеясь наполнить всю их организационную вертикаль более умеренными цензовыми элементами[140]. Как заметил на VI съезде делегат от Саратова Л. Новиков: «Волею судеб после 1906 г. кадеты оказались оторванными от широких народных масс, остались “демократами без демократии”»[141].

Выявленная и обработанная нами информация, подтверждающая вышеописанные тенденции организационного развития кадетской партии в империи, представлена в таблице №12.

Таблица №12

Динамика численности кадетских организаций
с июня 1907 по февраль 1917 года.

Тип организаций	Годы										
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Губернские	15	19	15	21	22	29	26	35	39	39	35
Уездные	19	9	10	5	10	10	10	20	17	17	14
Сельские	1	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-
другие насёл. пункты	2	3	1	-	1	3	-	3	2	2	2
Всего	**37**	**31**	**26**	**26**	**34**	**42**	**37**	**58**	**58**	**58**	**51**

На основе данных, представленных в таблице №12, можно говорить об определенной волнообразности в динамике структурного функционирования кадетских организаций. Но, прежде всего, следует отметить, что наиболее жизнеспособными и многочисленными оказались организации губернского уровня, в то время как число остальных организаций оказалось незначительным.

Первый спад пришёлся на период после третьеиюньского переворота и продолжался до 1911 года. В это время численность кадетских организаций составила 70,3 % от численности второй половины 1907 года. Затем наметился подъём активности кадетов на местах, что было связано с предвыборной кампанией в IV Государственную Думу. Именно тогда возникли организации-однодневки, которые функционировали как кадетские избирательные комитеты. Недаром секретарь ЦК А.А. Корнилов на пленарном заседании ЦК, проходившем 30 марта 1916 года, признал, что «жизнь партийных комитетов проявляется главным образом только во время выборов»[142]. Исходя из практики функционирования таких избирательных кадетских комитетов на местах, не приходится удивляться,

что число кадетских организаций в империи в 1912 году увеличилось, по сравнению с 1910 годом, приблизительно в 1,6 раза, а по сравнению со второй половиной 1907 года в 1,1 раза. Однако в следующем, 1913 году число кадетских организаций вновь сократилось, но уже в 1914 году последовал новый всплеск активности кадетов на местах. Это было связано, как мы показали выше, с достаточно активным участием кадетов в деятельности общественных организаций. Этот период продолжался вплоть до февральской революции 1917 года, и количество зарегистрированных нами организаций и несоорганизованных кадетов на местах увеличилось в этот период в 2,2 раза, по сравнению с минимальным уровнем активности кадетов в 1909-1910 годах, и приблизительно в 1,6 раза, по сравнению с эталонным уровнем второй половины 1907 года, а также превысило количество организаций, зафиксированных нами в 1912 году (в период избирательной комиссии в IV Государственную Думу), в 1,4 раза.

Данные, представленные в таблице №12, о динамике численности кадетских организаций с июня 1907 года по февраль 1917 года полностью подтверждают изложенные нами размышления об этапах организационного кризиса в Конституционно-демократической партии.

Организационный кризис, охвативший партийную вертикаль «Союза 17 октября», был ещё глубже и масштабнее, чем в кадетской партии. На наш взгляд, организационный кризис партии октябристов был неизбежен. Обусловлено это было тем, что в условиях российской действительности начала XX века октябристы решились объединить необъединимое: старое, изживающее свой срок, феодально-государственное устройство российского общества и умеренные либеральные реформы, которые опаздывали и во времени, и в общественно-экономическом «пространстве». Естественно, что такая партия не могла найти широкой, а главное постоянной, поддержки у населения, кроме тех социальных слоев

российского общества, которые были заинтересованы в таком неестественном симбиозе. Поэтому вполне понятно, почему политико-идеологическая парадигма октябризма балансировала на грани политического ревизионизма, между консервативной, но либерально-реформистской, оппозицией существующему режиму и бюрократически-консервативным тандемом: финансово-промышленной и торговой буржуазии, а также дворянством с одной стороны, а с другой - чиновничьей бюрократией высшего ранга. Однако со временем становилось всё более понятно, что ужиться этим двум, по сути, взаимоисключающим политическим направлениям внутри одной партии, было невозможно, ибо это был своеобразный «идеологический оксюморон». Именно тогда разразился первый, но, несомненно, определяющий для дальнейшего политического имиджа октябризма как политической партии, структурный кризис, который привёл к политико-идеологическому и организационному размежеванию в её рядах. В результате кризиса, пик которого пришёлся на конец лета и осень 1906 года, к руководству партии пришло умеренное крыло «Союза» во главе с А.И. Гучковым, которое начало ревизию политического курса октябризма[143]. Однако ревизионизм в рядах «Союза 17 октября» оказался неприемлем для деятелей, которые придерживались умеренно-либеральных взглядов. Такой поворот руководства партии вправо вызвал отток наиболее либеральных членов «Союза» из его рядов. В результате не менее 60 организаций, то есть около четверти всех отделов «Союза», прекратили своё существование[144]. Вышли из партии, не согласные с её новым курсом, основатели Союза Д.И. Шипов и М.А. Стахович. В результате поправения партии, по словам кадета В.А. Маклакова, «ряды октябристов стали пополняться людьми к манифесту равнодушными, осуждающими политику не только Гучкова, но и Столыпина. Они шли в партию не по сочувствию к её либеральной программе, а потому, что она

была более приличной фирмой, чем правые»[145]. Поэтому третьеиюньский государственный переворот только ускорил и без того шедший достаточно быстро до этого развал октябристской периферии. Причём этот процесс проходил без надлежащего контроля со стороны октябристского руководства, так как даже к этому времени ЦК октябристов так и не удалось наладить сколько-нибудь устойчивых и систематических коммуникационных связей с партийной периферией, а, следовательно, численность октябристских отделов быстро сокращалась. Так, по данным Департамента полиции, в конце 1907 – начале 1908 годов в империи действовало всего 53 октябристских организации (24 губернские, 27 уездных и 2 в населённых пунктах уездного подчинения)[146], что было почти в 5 раз меньше в сравнении с уровнем 1905-1906 годов. Причём развал октябристской периферии на этом не остановился, а продолжал набирать темпы. Поэтому мы согласны с выводами российского исследователя либерального движения В.В. Шелохаева, который заметил, что данные Исполнительной комиссии ЦК октябристов о функционировании отделов Союза на местах «представляются завышенными»[147]. По этим данным, к маю 1909 года в стране насчитывалось 38 губернских, 11 городских, 74 уездных и 4 сельских отдела[148]. Обратной стороной политико-идеологического кризиса, охватившего «Союз 17 октября», была рыхлость его организационной структуры. Это выражалось, прежде всего, в отсутствии чётко налаженной связи между организациями на губернском уровне, так и, что более важно, между ЦК и отделами на местах.

В фонде «Союза 17 октября» отложилось минимум дел о переписке местных отделов с ЦК партии (что уже само по себе показательно), тем не менее, и в них встречается достаточно сведений, которые подтверждают, что ЦК уделял мало внимания местным отделам или вообще не руководил организационной структурой октябристской партии на местах, бросив, по

существу, местные организации на произвол судьбы. Так, активно действовавший и находившийся в непосредственной географической близости от центра политической жизни страны - Царскосельский отдел (Петербургская губерния) констатировал: «ЦК Союза оставил свои местные отделы на произвол судьбы, представляя им так сказать, вариться в собственном соку»[149]. Отдел не только не получал от ЦК какой-либо помощи, хотя бы в виде присылки опытных ораторов, имевшихся в распоряжении ЦК, но даже не мог добиться от ЦК никаких указаний[150].

Чем дальше от столицы, тем более плачевным было положение октябристов. Собрания собирались редко и нерегулярно, как правило, только во время избирательной компании в Государственную Думу. Связь даже между географически близкими отделами часто отсутствовала или была крайне несистематична. Так, Ялтинские октябристы жаловались ЦК партии, что «близкие соседние отделения, работавшие в одной местности, не знают ничего друг о друге»[151]. Но на местах всё же не оставляли надежд на более активное участие в жизни партии. Не надеясь уже более на ЦК Союза, местные организации начали обращаться к думской фракции. Калужский комитет постановил на своём заседании, проходившем в ноябре 1908 года, «чтобы парламентская фракция октябристов поддерживала тесную связь с провинциальными отделами “Союза 17 октября”, ставя их по мере возможности, в курс внутренней работы Государственной Думы и намерения её руководящего большинства»[152]. Но, как и следовало ожидать, калужские октябристы не дождались ответа и от думской фракции «Союза 17 октября».

Поэтому не вызывает удивления, что забытые ЦК своей партии, руководством думской фракции, без налаженных организационных связей, организационно и идеологически рыхлые, обреченные вариться «в собственном соку», местные отделы стали быстро исчезать с политической сцены страны, причём это был уже не неприятный эпизод с выбором курса

руководством партии, а настоящий организационный развал октябристской периферии. Вот только несколько характерных примеров. Местные ЖУ сообщали в Департамент полиции, что организации «распались» к исходу 1907 года, к примеру, в Керчь-Еникале, Херсоне, Одессе, где отдел распался сразу после выборов во II Государственную Думу; в городе Старица Тверской губернии[153] и такие примеры можно продолжить. Причём эти сведения перекликаются и подтверждают данные из журнала «Вестник Европы», корреспонденты которого, посетив Курскую губернию в августе 1912 года, констатировали: «Октябристов Курская губерния не слышит и не видит уже около пяти лет»[154]. В подтверждение этих слов, Курское ЖУ доносило в конце 1907 года в Департамент полиции, что октябристской партии в губернии не существовало[155]. Развал отделов «Союза» на местах был очевиден не только для Департамента полиции, но и для функционеров других партий. Так, Екатеринбургские кадеты информировали ЦК своей партии в письме от 4 июня 1907 года: «Партии октябристов и мирообновленцев совершенно распались и больше не существуют»[156].

Однако процесс гибели октябристской периферии не был прямолинейным и быстрым по времени. Октябристские отделы не перестали действовать на местах, так сказать, в явочном порядке, напротив, их агония продолжалась достаточно долго. Приведём лишь несколько примеров. Так, если в 1907 году в Тульской губернии насчитывалось 300 октябристов[157], то в 1912 году в период предвыборной компании в IV Государственную Думу, Департамент полиции получил от Тульского ЖУ довольно пространную информацию, на наш взгляд, ярко проиллюстрировавшую организационное состояние октябристских отделов на местах. Активность октябристов была замечена только в Каширском уезде губернии, причём в докладе Тульского ЖУ отмечалось: «местных организаций не имеется», хотя «большинство землевладельцев

уезда примыкают к партии»[158]. Как землевладельцы могли «примыкать к партии», если её организаций не существовало в уезде, не совсем понятно. Видимо жандармский чиновник, составлявший доклад, обратил внимание на электорат «Союза 17 октября», а не имел в виду, что местные помещики были членами «Союза». В Ярославской губернии ко времени выборов в IV Государственную Думу «существующие отделы ничем себя не проявили; ввиду малочисленности своего состава влияния на выборы оказать не смогут»[159]. Хотя в 1907 году, ко времени выборов в III Государственную Думу, тот же Департамент полиции зафиксировал в губернии три отдела: в Ярославле, Рыбинске и Мологе, но уже тогда распался отдел в Ростове Великом[160]. А когда одного из лидеров некогда организационно самого сильного отдела на Урале - Оренбургского, спросили в августе 1912 года, когда октябристы начнут предвыборную агитацию в IV Государственную Думу, он заявил: «Возможно, что никогда. Делали попытку подготовить почву для предвыборных работ, но ничего не выходит»[161].

Таким образом, можно констатировать, что даже предвыборная компания в IV Государственную Думу, по сути, не смогла реанимировать деятельность октябристов на местах. Эта тенденция прослеживается и в данных, представленных в таблице №13.

Таблица №13

Динамика численности октябристских организаций
с июня 1907 по февраль 1917 года.

Тип организаций	Годы										
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
губернские	24	8	8	8	13	5	3	1	-	-	-
уездные	27	2	2	2	12	2	2	1	-	-	-
другие насёл. пункты	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего	**53**	**10**	**10**	**10**	**25**	**7**	**5**	**2**	-	-	-

Данные, приведённые в таблице №13, подтверждают, насколько глубоким был организационный развал октябристской периферии, но одновременно констатируют некоторый объяснимый всплеск активности октябристов накануне предвыборной кампании в IV Государственную Думу. Однако, как мы показали, качественно это были уже не те многочисленные, хотя во многом и политически немонолитные, отделы существовавшие на местах ранее[162]. Но даже в 1911 году численность их сократилась, по сравнению со второй половиной 1907 года, более чем в 2 раза[163]. В первое межреволюционное пятилетие резко сократилось число как губернских, так и уездных организаций, а другие типы организаций окончательно исчезли. Хотя на протяжении трёх лет (с 1908 по 1910 год) количество губернских и уездных организаций было стабильным. Некоторый всплеск активности наметился в 1911 году в связи с предстоящими выборами в IV Государственную Думу, но убийство П.А. Столыпина и изменение политического курса царизма окончательно поставило на грань гибели октябризм как политическое движение[164].

Во время выборов в IV Государственную Думу октябристский электорат выбирал людей больше по инерции, по их политическим взглядам, которые на местах были хорошо известны, а не с помощью уже не существовавших отделов «Союза». Не случайно Департамент полиции перед выборами в IV Государственную Думу практически отовсюду получал сведения, что организаций «Союза» нет[165]. В результате в IV Государственную Думу октябристам удалось провести всего 98 своих депутатов, в то время как в III Думе фракция «Союза 17 октября» была представлена 154 депутатами, то есть на 56 депутатов больше. Подтверждением данной тенденции может служить и тот факт, что в III Думу было избрано 20 членов октябристского ЦК, в то время как в IV Государственную Думу всего лишь 5. Поэтому ЦК «Союза» был вынужден «кооптировать в бюро думской фракции четырёх своих членов»[166]. Более

того, следует обратить внимание на следующий факт: в октябристской фракции всё больше намечались центробежные тенденции. Это только подтверждало очевидное - депутаты-октябристы, избранные на местах, оказались октябристами вне чёткой организационной структуры, вне партийной дисциплины и практически вне партии, которой уже организационно не существовало на местах. Вполне понятно, что организационная агония местных октябристских отделов должна была рано или поздно настичь и октябристскую фракцию в IV Государственной Думе. С этого момента в истории «Союза 17 октября» начался последний этап его политической жизни - окончательное прекращение деятельности партии. Все попытки спасти уже организационно агонизирующий «Союз» оказались напрасными. Последняя попытка спасти единство октябристской фракции, а фактически партии, была предпринята октябристским руководством год спустя после начала работы IV Государственной Думы. Однако ноябрьская (1913 года) конференция только ускорила гибель «Союза»[167]. В результате в декабре 1913 года фракция октябристов в IV Государственной Думе распалась на три части: земцев-октябристов (65 человек), собственно «Союз 17 октября» (22 человек) и группу беспартийных (в состав которой вошли 15 членов октябристской фракции). Это было, практически, подтверждением давно разыгравшегося организационного коллапса местных отделов «Союза», политико-идеологического размежевания членов октябристских отделов, которое протекало на местах. И то, что келейно происходило в местных отделах, в декабре 1913 года подтвердилось на общепартийном уровне. Пятнадцать человек, входивших в группу беспартийных, взаимодействовали с черносотенцами, собственно фракция «Союза 17 октября» заняла левые позиции в среде своих бывших однопартийцев, и ориентировалась на создание Прогрессивного блока в Думе, земцы-

конституционалисты заняли центральное положение между обеими октябристскими группами.

После ноябрьской конференции и раскола фракции всем стало ясно, что дни «Союза 17 октября» сочтены. На местах остались, в большинстве своём, не сорганизованные группы или отдельные лица, считавшие себя «октябристами». Лишённые связи между собой и с ЦК «Союза», они занимались в основном общественной, а не партийной работой. С началом Первой мировой войны на местах октябристские формирования практически исчезли, что подтверждают данные, представленные в таблице №13. Замирала деятельность и ЦК «Союза», с 1 июня 1915 года перестал выходить центральный орган партии - газета «Голос Москвы». «Союз 17 октября» вне стен Думы окончательно прекратил своё существование. Это был вынужден признать товарищ председателя ЦК партии К.Э. Линдеман, который с горечью и обидой писал в начале мая 1915 года В.С. Отрадинскому из Москвы на станцию Обручево Среднеазиатской железной дороги о практически последних днях существования «Союза 17 октября»: «Он (А.С. Отрадинский, брат адресата – *Н.П.*) тоже теперь испытывает всю прелесть того глубокого безучастия к общему делу, которое характеризует наших милых сочленов, коих я всегда обзывал словом, вызывающим некоторое неодобрение. Думается мне, что нам после войны придётся создать новую партию, так как Союз 17 октября уже слишком развалился и ждать от него нечего»[168].

Изучение истории двух общероссийских либеральных партий показывает, что в межреволюционное десятилетие они переживали острый организационный кризис. Анализ данной проблемы в региональном разрезе представляется тем более исследовательски интересным, так как данные о территориальном размещении обеих партий дают определенное представление о глубине организационного кризиса и о влиянии партий в обществе в межреволюционное десятилетие.

Таблица №14.

Динамика губернского и областного размещения либеральных партий с июня 1907 по февраль 1917 года[169]

Регион	Наименование политических партий	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России (49 губ. 1обл.)	КДП	16	21	21	22	25	32	30	38	36	36	34
	Союз 17 октября	26	8	8	8	17	5	3	1	-	-	-
Польша (10 губ.)	КДП	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-
	Союз 17 октября	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 сам. округа)	КДП	-	-	-	-	2	-	1	1	2	2	2
	Союз 17 октября	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Средняя Азия (9 обл., 2 протектората)	КДП	-	-	-	-	-	-	1	1	1	2	1
	Союз 17 октября	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Сибирь (4 губ., 6 обл.,1протекторат)	КДП	1	2	-	1	-	1	-	2	3	4	1
	Союз 17 октября	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Финляндия (8губ.)	КДП	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Союз 17 октября	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего: 101 крупная администт. единица:78 губ., 21 обл., 2 сам. окр., 3 протектората	**КДП**	**17**	**23**	**22**	**23**	**27**	**33**	**31**	**43**	**42**	**44**	**38**
	Союз 17 Октября	**30**	**8**	**8**	**8**	**18**	**5**	**3**	**1**	-	-	-

Анализ таблицы №14 показывает закономерную, на наш взгляд, тенденцию: наибольшее количество организаций обеих либеральных партий действовало в Европейской части России (это и понятно, так как именно здесь функционировали земства, которые являлись основой для формирования кадетских организаций и октябристских отделов). Динамика численности административных единиц, в которых действовали организации обеих партий, подтверждает изложенные нами выше предположения, что после третьеиюньского переворота наступает объяснимое и заметное снижение численности организаций кадетов и октябристов, действовавших в различных регионах страны.

В Европейской части России наблюдается и значительный спад численности губерний, в которых действовали обе либеральные партии вплоть до 1911 года, причём число губерний, в которых функционировали октябристы, уменьшилось достаточно резко. В 1908 – 1910 годах их число, по сравнению со второй половиной 1907 года, уменьшилось в 3,3 раза и после некоторого увеличения губерний в 1911 году последовал резкий спад числа губерний, в которых действовали октябристы, что отражало объективные процессы дезинтеграции Союза 17 октября. В то время как число губерний, в которых действовали кадеты в первое межреволюционное пятилетие оставалось практически стабильным.

Начиная с 1912 года, география регионов, в которых действовали октябристские отделы, достаточно быстро сокращалась. Одновременно в динамике погубернского размещения кадетских организаций наметилась определенная тенденция к изменению численности в сторону увеличения регионов, в которых действовали кадеты. В итоге в 1916 году число зафиксированных нами губерний, в которых действовали кадеты, в Европейской части России, возросло в сравнении с 1912 годом в 1,3 раза, в сравнении со второй половиной 1907 года в 2,6 раза.

В других регионах страны в это время происходили тождественные процессы. Увеличение числа регионов, в которых действовали кадетские организации и полное исчезновение регионов с октябристской периферией. Исключение составляли лишь десять польских губерний, которые к концу 1915 года были оккупированы австро-германскими войсками. На национальных окраинах: в Польше, на Кавказе, в Средней Азии деятельность обеих либеральных политических партий была связана с проживающим здесь малочисленным русским населением, в основном чиновничеством, а, следовательно, тенденции организационного строительства и внутриорганизационные условия функционирования организаций обеих партий здесь несколько отличались от общероссийских (местное население в основном отрицательно или безразлично относилось ко всему русскому). В Финляндии кадетские и октябристские организации вообще отсутствовали. Таким образом, деятельность обеих либеральных партий была фактически ограничена Европейской частью России и в других регионах империи не носила определяющего для общепартийных дел характера.

Попытаемся более дифференцированно проанализировать динамику территориального размещения организаций КДП и «Союза 17 октября» по различным регионам Европейской части России. На наш взгляд, таких регионов можно выделить восемь.

Таблица №15.

Динамика численности кадетских организаций в различных регионах Европейской части России в июнь 1907 - февраль 1917 года

Регион	Тип организации	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	5	5	4	5	5	7	6	7	7	7	7
	2) уездная	15	6	4	1	2	4	-	4	4	4	4
	3) др. насёл. пункты	3	3	-	-	-	1	-	1	1	1	1
	4) сельская	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
	Всего	**24**	**14**	**8**	**6**	**7**	**12**	**7**	**12**	**12**	**12**	**12**
Европейский Север (3 губ.)	1) губернская	1	2	-	1	-	1	2	1	1	1	1
	2) уездная	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	4) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**2**	**-**	**1**	**-**	**1**	**2**	**1**	**1**	**1**	**1**
Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	1	2	4	3	4	4	2	4	4	3	3
	2) уездная	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	1	-	1	1	-	1	1	1	1
	4) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**2**	**5**	**3**	**5**	**5**	**3**	**6**	**5**	**4**	**4**
Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	2	4	3	5	5	8	5	6	7	7	7
	2) уездная		1	2	1	2	1	3	6	6	5	5
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	4) сельская	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
	Всего	**2**	**5**	**5**	**6**	**8**	**9**	**8**	**12**	**13**	**12**	**12**

Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	2) уездная	1	1	1	2	4	1	2	2	1	1	1
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-
	4) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**2**	**2**	**2**	**3**	**5**	**3**	**3**	**4**	**2**	**2**	**2**
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	1	3	1	2	2	4	2	5	5	5	5
	2) уездная	2		2	1	2	1	4	3	3	2	2
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	4) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**3**	**3**	**3**	**3**	**4**	**5**	**6**	**8**	**8**	**7**	**7**
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	2	1	2	2	4	4	5	6	6	6	5
	2) уездная	-	-	-	-	-	1	-	2	1	3	1
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	4) сельская	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
	Всего	**2**	**1**	**2**	**2**	**5**	**5**	**5**	**8**	**7**	**9**	**6**
Урал (4 губ.)	1) губернская	-	-	-	1	-	-	1	3	2	3	2
	2) уездная	1	-	1	-	1	1	-	1	1	3	1
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	4) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	**-**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**4**	**3**	**6**	**3**

Из приведённых в таблице №15 данных видно, что в разных регионах Европейской части России организационный кризис кадетской партии имел различные масштабы и, как следствие, количество организаций, действовавших в регионах, было неодинаковым. Однако наблюдается определенная закономерность: во всех регионах наиболее устойчивыми оставались губернские организации, в то время как организации уездного уровня, сельские и организации в других населённых пунктах оказались достаточно нестабильными. Одновременно можно выделить четыре группы регионов, в которых организационный кризис был более глубоким,

и регионы, в которых он протекал в более мягкой форме. К первой группе можно отнести Центрально-Промышленный район (далее - ЦПР): здесь в первое межреволюционное пятилетие (июнь 1907-1911 год) число кадетских организаций уменьшилось в 3,5 раза, а в 1917 году, по сравнению со второй половиной 1907 года, в 2 раза. Ко второй группе относятся регионы, в которых кадетам удалось удержать на протяжении всего межреволюционного десятилетия число своих организаций на определенном стабильном уровне. Это Северо-Западный район и Европейский Север. Третья группа регионов, группа в которых после организационного кризиса, связанного с окончанием революции 1905-1907 годов, шёл постепенный, но неуклонный рост количества кадетских организаций (но часто не их организационного качества, что важно подчеркнуть). К таким регионам следует отнести: Украину, Центрально-Черноземный район (ЦЧР), Поволжье и Урал. Наиболее впечатляющим был рост кадетских организаций на Украине, к 1911 году их число увеличилось, в сравнении со второй половиной 1907 года, в 4 раза, а к 1917 году ещё в 1,5 раза[170]. Нечто похожее, но в меньших масштабах происходило и в трёх других регионах. К 1911 году количество организаций кадетов, в сравнении со второй половиной 1907 года, увеличилось в ЦЧР в 1,3 раза, в Поволжье в 2,5 раза и только на Урале в этот период количество организаций оставалось стабильным, а в последующее пятилетие число организаций вновь увеличилось. В 1916 году (более полные данные), их число увеличилось в ЦЧР и Поволжье ещё в 1,8 раза. На Урале в 1916 году, по сравнению со второй половиной 1907 года, количество организаций возросло в 6 раз. К этой же группе можно отнести Прибалтику и Белоруссию, здесь также налицо значительный рост числа организаций за первое межреволюционное пятилетие. Число организаций в этот период (1907-1911 годы) увеличилось в 5 раз. В

дальнейшем также наметился рост кадетских организаций в регионе, однако этот процесс был прерван началом Первой мировой войны.

Статистические сведения, содержащиеся в таблице №15, подтверждает и информация с мест. В первое межреволюционное пятилетие положение КДП на местах было катастрофическое, развал кадетских организаций был повсеместным явлением. Уже на пленарном заседании ЦК, состоявшемся вскоре после третьеиюньских событий, на котором решался вопрос о съезде, многие члены ЦК докладывали о бедственном положении организаций на местах. Так, представитель с мест Ф.Ф. Ольденбург заявил «от имени Тверской группы. ...Очень трудно организовать представительство (на съезд – *Н.П.*). Организации распались и явятся самозванцы»[171]. На этом же заседании даже представители Петербурга констатировали, что «организация на месте слаба ...(как – *Н.П.*) и партия»[172]. Однако процесс нарастания организационного кризиса кадетских организаций на местах проходил неравномерно. Так, на пленарном заседании ЦК, состоявшемся 18 августа 1907 года, представитель Харьковских кадетов оптимистически заявлял, что «партия в Харькове растёт и притом вглубь народа»[173]. Однако уже через год, осенью 1908 года, он же заявил на совещании кадетской фракции III Государственной Думы с представителями провинциальных групп, состоявшимся 21 октября 1908 года: «В уездах работа свелась к нулю»[174]. Постепенно организационный кризис в кадетской партии нарастал. То, чего так боялся Ф.Ф. Ольденбург, появление «самозванцев» стало для Партии Народной Свободы реальностью. На заседании МО ЦК, состоявшемся 27 ноября 1909 года, было заявлено, что «на партийной конференции (состоявшейся ранее – *Н.П.*) ...присутствовали представители 23-х партийных групп. Только некоторые из них представили свои делегатские полномочия»[175]. А в сентябре 1911 года на заседании МО ЦК князь Д.Н. Шаховской, как бы, подвёл печальный итог деятельности КДП

в первое межреволюционное пятилетие: «Наша партия среди всех сил в стране затёрта и заброшена»[176]. Однако выборы в IV Государственную Думу вызвали вполне понятное оживление кадетов на местах. Причём есть основания полагать, что этот всплеск активности не оказался временным. На местах постепенно и достаточно медленно наметилась активизация деятельности кадетов. Усиление активности кадетской периферии отметил и Департамент полиции. Если в 1910 году местные жандармские управления завели дела на КДП только в 8 губерниях, то уже в 1913 году в 15 губерниях, и хотя это были большей частью, по определению Департамента полиции, «отдельные лица», однако вокруг них стала «закручиваться спираль» активности кадетов на местах. Так, в Нижнем Новгороде в конце января 1913 года состоялось собрание кадетов после долгого перерыва, на котором присутствовало 15 человек[177]. Однако в целом организационная структура КДП всё ещё находилась в глубоком кризисе.

Заметно улучшилось положение кадетов на местах с началом Первой мировой войны. Участие их в общественных организациях, которые были разрешены правительством, достаточно быстро позволило кадетам занять в них не только лидирующие позиции, но и под их «крышей» активизировать свою деятельность.

Очередным шагом к возрождению активной политической деятельности Партии Народной Свободы стала подготовка к созыву VI партийного съезда. На местах активизировались находившиеся в «летаргическом сне» кадетские организации. С присущей ему оперативностью это отметил Департамент полиции. В циркулярном предписании Департамента полиции от 7 ноября 1915 года, разосланном телеграммой на места, говорилось: «Полученным сведениям в ближайшем будущем предполагается шестой Всероссийский съезд партии Народной Свободы. В связи этим происходят представительные губернские

совещания членов партии, подготавливаются областные съезды. Ввиду ...громадного влияния её на все слои общества, общественные организации, Министерство Внутренних Дел признало общеимперский партийный съезд недопустимым. Примите меры детальному освещению партийных совещаний на местах, результатах подробно донесите»[178]. (За месяц до этой телеграммы состоялись два областных съезда КДП 10-11 октября 1915 года в Саратове и 20 – 21октября 1915 года в Киеве, которые выработали ряд мер для оживления партийной работы на местах). Ответы в Департамент полиции с мест позволяют до некоторой степени определить различные подходы местных кадетов к восстановлению своей партийной деятельности. В одних случаях, кадетские комитеты конституировались вновь после временного прекращения своей работы в прошлом. Так, например, поступили Саратовские кадеты. 14 ноября 1915 года Начальник Саратовского ГЖУ отвечал на полученное предписание: «В конце сентября ...сего года ко мне поступили сведения о возобновлении в Саратове деятельности партии ...Народной Свободы, выразившейся в том, что Губернский Комитет ...рассылает бывшим членам партии извещения о предполагаемом созыве съезда партии ...с приглашением возобновить своё участие в партии в качестве члена её»[179]. Однако саратовские кадеты, под влиянием эйфории своей свободной деятельности в общественных организациях, явно просчитались, понадеявшись, что в условиях военного времени репрессивная хватка Департамента полиции на местах ослабла, и им будет позволено беспрепятственно заниматься партийной работой. Разочарование наступило довольно скоро. Под новый, 1916 год (31.12.1915), тот же Начальник Саратовского ГЖУ сообщал директору Департамента полиции: «По имеющимся у меня сведениям, “партия Н[ародной] Св[ободы]”, по словам видных местных ...деятелей ...опасаясь преждевременным появлением своей деятельности повлечь на себя особое внимание Правительства, - решила воздержаться пока от

партийной работы (и – *Н.П.*) ...широкого привлечения в партию новых членов»[180].

Чаще же местные кадеты не спешили с восстановлением своих организационных структур, а старались расширить своё влияние на население через активную деятельность в общественных организациях при минимальном возрождении партийных структур. Вот лишь некоторые примеры. Начальник Тверского ГЖУ доносил директору Департамента полиции 9 января 1916 года: «В ...губернии организованных отделов этой партии (КДП – *Н.П.*) не существует (но – *Н.П.*) ...кружковая связь между местными кадетами, несомненно, поддерживается, они находятся в постоянном общении»[181]. В Самарской губернии «…с ноября 1914 г. и до настоящего времени, - докладывал начальник местного ГЖУ директору Департамента полиции 20 октября 1915 года, - (отсутствие какой-либо работы – *Н.П.*) лиц означенной партии (КДП – *Н.П.*)». Дополняя, правда, что кадеты всё же собираются, но только для обсуждения важных вопросов[182]. Из Костромы местное ГЖУ сообщало 7 апреля 1915 года, что партия «в г. Костроме многочисленна»[183], впрочем, в конце 1915 года начальник Костромского ГЖУ подытожил: «Группа в настоящее время не имеет какой-либо определенной губернской организации»[184]. В условиях Первой мировой войны кадеты на местах не форсировали воссоздание своих структур, а старались прикрыться деятельностью в общественных организациях, прежде всего в Земгоре и ВПК и через них активно влиять на общественное мнение на местах. Эту особенность поведения кадетов в провинции подметил начальник Симбирского ГЖУ: «Ввиду того, что в г. Симбирске нет никаких революционных организаций, - сообщал он в Департамент полиции 6 января 1916 года, - то на фоне местной областной жизни играет более или менее ведущую роль профессиональный элемент. Часть этого элемента можно отнести по убеждениям к Конституционно-демократической партии, часть, хотя и немного левее, но по взглядам

присоединяется к кадетам. Кадетской партии в буквальном смысле этого слова в г. Симбирске и губернии нет, есть отдельные члены, которые и оказывают влияние на ход общественной жизни»[185].

Подводя некоторые итоги, заметим, что в целом в Европейской части России количество кадетских организаций в первое межреволюционное пятилетие, в течение первых трёх лет, после третьеиюньского переворота, заметно упало и к 1910 году сократилось в сравнении со второй половиной 1907 года в 1,4 раза. Начиная с 1911 года, наметился всплеск активности кадетов на местах, что было связано с предстоящими выборами в IV Государственную Думу. Во второе межреволюционное пятилетие продолжался организационный кризис кадетской партии. Однако с началом Первой мировой войны активность кадетов на местах возросла, благодаря их работе в общественных организациях и под их прикрытием. В результате, число кадетских формирований в Европейской части России возросло в 1916 году в сравнении со второй половиной 1907 года в 1,5 раза, а в сравнении с 1912 годом в 1,3 раза, и эта тенденция была характерна не только для Европейской части России, но и для всей империи. Можно констатировать, что с началом Первой мировой войны деятельность кадетов на местах от полного развала спасла работа в общественных организациях, где кадеты не растворились, подобно октябристам, а смогли использовать эти организации для оживления своей политической деятельности.

В отношении октябристских отделов, действовавших в Европейской части России в межреволюционное десятилетие, можно отметить следующие тенденции в территориальном размещении.

Таблица №16.

Динамика численности октябристских отделов в различных регионах Европейской части России в июне 1907 – февраль 1917 года.

Регион	Тип организации	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	8	3	3	3	4	1	1	-	-	-	-
	2) уездная	9	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**18**	**3**	**3**	**3**	**7**	**1**	**1**	-	-	-	-
Европейский Север (3 губ.)	1) губернская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	2	1	1	1	1	1	1	1	-	-	-
	2) уездная	2	1	1	1	2	1	1	1	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**4**	**2**	**2**	**2**	**3**	**2**	**2**	**2**	-	-	-
Прибалтика и Белоруссия (10 губ.)	1) губернская	1	-	-	-	2	1	1	-	-	-	-
	2) уездная	4	-	-	-	2	1	1	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**6**	-	-	-	**4**	**2**	**2**	-	-	-	-
Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	2	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-
	2) уездная	4	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**6**	**1**	**1**	**1**	**2**	-	-	-	-	-	-

ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	2	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-
	2) уездная	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**4**	**-**	-	-	**3**	**1**	-	-	-	-	-
Повол-жье (6 губ.)	1) губернская	5	3	3	3	3	-	-	-	-	-	-
	2) уездная	2	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**7**	**4**	**4**	**4**	**4**	-	-	-	-	-	-
Урал (4 губ.)	1) губернская	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**1**	-	-	-	-	**1**	-	-	-	-	-

Анализ таблицы №16 позволяет сделать некоторые наблюдения. Во всех восьми регионах Европейской части России «Союз 17 октября» после окончания революции 1905-1907 годов переживал глубокий и повсеместный организационный кризис. Уже после выборов в III Государственную Думу количество октябристских отделов на местах резко сократилось. Количество отделов в 1908 году уменьшилось, в сравнении со второй половиной 1907 года в 5 раз. Особенно впечатляющим был развал октябристской периферии в ЦПР. Из действовавших здесь во второй половине 1907 года 9 уездных организаций, в 1908 году не сохранилось ни одной. Число губернских центров, в которых действовали отделы, за этот же период сократилось более чем в 2 раза, а общее число организаций в 6 раз. Такими же темпами шло сокращение организаций и на Украине, здесь также общее число октябристских отделов сократилось за полтора года (со второй половины 1907-1908 год) в 6 раз. Данная тенденция прослеживается во всех без исключения регионах Европейской части

России, где после резкого уменьшения числа отделов сохранилось некое стабильное количество октябристских организаций. Но всё же необходимо отметить, что организационный распад в регионах шёл неодинаковыми темпами. В таких регионах, как Прибалтика и Белоруссия, ЦЧР и Урал, отделы октябристов совсем исчезли, вплоть до следующих выборов в Думу. В других регионах их численность сократилась в два и более раза. К таким регионам относится Северо-Западный район. И, наконец, в трёх северных губерниях вообще не была зарегистрирована деятельность октябристов в межреволюционное десятилетие.

Наиболее стабильными после третьеиюньского переворота и выборов в III Государственную Думу оказались октябристские организации в Поволжье. В сравнении с другими регионами Европейской части России, развал октябристских отделов не был здесь столь обвальным. Поволжье было единственным регионом, общая численность организаций в котором, в период с июня 1907 по 1911 год, сократилась менее чем в 2 раза (в 1,75 раза). Также бросается в глаза достаточно высокое число губернских городов Поволжья, в которых действовали октябристские отделы. Поволжье также являлось единственным регионом, в котором с 1908 года по 1911 год октябристские отделы действовали в половине губернских центров. По существу, Поволжье оказалось оплотом октябризма в Европейской части России, а если принять во внимание почти полное отсутствие октябристских отделов в период с июня 1907 по февраль 1917 год в других регионах империи, то и во всей стране[186].

Третьеиюньский государственный переворот стал отправной точкой развала октябристских отделов в Европейской части России. Департамент полиции к исходу 1907 - началу 1908 года получил ответы с мест на свой циркуляр, в котором содержалось требование прислать сведения о деятельности легальных партий. К началу 1908 года такие сведения были получены из 47 территориально-административных единиц Европейской

России (всего здесь было 49 губерний и 1 область) По данным Департамента полиции в 22 губерниях отделы октябристов отсутствовали (это чуть более 45% от общего числа территориально-административных единиц). Причём во многих губерниях, в которых ещё действовали октябристские формирования, тенденция к развалу организаций Союза всё больше приобретала ярко выраженный характер. Вот только несколько характерных примеров. В Херсонской губернии из трёх отделов, действовавших до выборов в III Государственную Думу, к концу 1907 года распались два - в Николаеве и в Одессе. Оставшийся отдел в Елисаветграде насчитывал в это время всего 15 членов[187]. В Таврической губернии в это же время из 4 отделов, действовавших ранее, распалась половина (прекратили свою деятельность отделы в Севастополе и в Керчь-Еникальском градоначальстве)[188]. В Тверской губернии из 4 уездных организаций, действовавших до выборов в III Государственную Думу, к концу года осталось три[189]. В самой Твери в местном отделе также начался организационный кризис. В своём донесении в Департамент полиции местное ЖУ не смогло заявить о существовании отдела в городе, а только констатировало неопределенно, что «Союз 17 октября» «имеет многих сторонников»[190].

Процесс развала октябристской периферии в первые годы после третьеиюньского государственного переворота в Европейской России оказался настолько масштабным, что, наложившись на организационную рыхлость и политико-идеологическую аморфность октябристских рядов, приобрел необратимый характер. На запросы октябристского ЦК с мест всё чаще отвечали фразой, что отдел «совершенно не деятелен» или «прекратил свою деятельность»[191]. Более того, ЦК «Союза» надеясь на переписку с местными отделами, не обременял себя проверкой получаемых ответов, которые подтверждали бы существование того или иного отдела на местах, степень его функциональных возможностей.

Только выборочные попытки автора на основе имеющихся у него архивных материалов сравнить состояние дел на местах с информацией, поступавшей в ЦК от октябристской периферии, позволяют сделать нелицеприятные для отчетности октябристского ЦК выводы. В ЦК «Союза 17 октября» поступала дезинформация о функционировании октябристских отделов в провинции. Так, в журнале заседаний Исполнительного Совета при ЦК от 10 апреля 1910 года отмечено, что на запрос получены сообщения с мест от 12 отделов[192]. В том числе от Курского отдела. В то время как корреспонденты журнала «Вестник Европы», посетив Курскую губернию в августе 1912 года, отметили: «Октябристов Курская губерния не слышит и не видит уже около пяти лет»[193]. Был получен ответ из Одессы, хотя там отдел распался сразу после выборов в III Государственную Думу[194]. От Оренбургского отдела, который, по словам российского исследователя партийности на Урале И.В. Нарского, «влачил жалкое существование»[195].

Ровно через год (1 апреля 1911 года) ЦК партии разослал циркуляр на места, на который откликнулось 20 «организаций». Среди них были Тверской и Чистопольский отделы, которые в это же время окончательно распались[196].

Положение октябристской провинции стало угрожающим после убийства П.А. Столыпина в 1911 году. Активизировавшиеся было перед выборами в IV Государственную Думу, октябристы на местах восприняли это убийство и смену политического курса самодержавия как сигнал к действию. Из октябристских отделов начался «последний исход» членов, которые исполнили, по их мнению, свой гражданский долг, ибо в «Союзе 17 октября» и родственных ему «партиях», входивших в «Союз», они видели «…прежде всего, - как писала «Оренбургская газета» в своём номере от 30 ноября 1905 года, - ...средство борьбы в ...тревожное время с анархией и беззаконием» и по существу оказались в рядах “Союза 17

октября” с «…мыслею прекратить и все ужасы переживаемого террора»[197]. После убийства П.А. Столыпина, бывшего для многих из этих людей чуть ли не революционером, надобность их участия в «Союзе» отпала. Поэтому во время выборов в IV Государственную Думу на местах октябристских отделов практически не существовало, а местные ЖУ, отвечая на запросы Департамента полиции о состоянии октябристской периферии, в подавляющем большинстве случаев давали ответы об отсутствии таковых[198]. Часто замечая о перспективах октябристов быть избранными фразами типа: «Самостоятельно своих кандидатов не проведёт»[199].

После 1912 года в Европейской части России (а, по сути, во всей империи) осталось всего несколько отделов, распад которых был только делом времени. К 1915 году «Союз 17 октября» как политическое формирование тихо «скончался»[200].

Подводя некоторые итоги территориального размещения и динамики организационных структур кадетской и октябристской партий, следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, нельзя не признать, что организационно обе либеральные партии представляли собой достаточно рыхлые и неустойчивые политические образования. В большей степени это относится к «Союзу 17 октября».

Во-вторых, благодаря, прежде всего, административно-судебным преследованиям, властям удалось организационно дезорганизовать кадетскую партию, развалить её организации на местах. Одновременно на развал октябристской периферии повлиял сам факт поражения революции 1905-1907 годов.

В-третьих, анализируя территориальное размещение либеральных партий, удалось выявить регион, в котором они наиболее активно действовали, это Европейская часть России. Именно здесь было сосредоточено большинство организаций обеих партий.

В-четвертых, на основе динамики численности партийных организаций удалось выявить регионы в Европейской части России, где организационные структуры кадетской партии и «Союза 17 октября» действовали наиболее активно. Эти регионы для обеих партий только частично совпадают. Для кадетов это Центрально-промышленный район, а также Украина и Бессарабия. Для октябристов - Центрально-промышленный район и Поволжье.

В-пятых, обнаруживается следующая закономерность. На протяжении всего межреволюционного периода большинство организаций либеральных партий действовало в городах, прежде всего в губернских, а также городах уездного подчинения.

В целом же гибель «Союза 17 октября» не была случайной, как и выживание кадетов в межреволюционное десятилетие. Октябристская партия, пойдя на сотрудничество с самодержавием, по сути, предрешила свою судьбу, а её политически разноориентированные члены, аморфность организационной структуры, отсутствие целенаправленной и систематической политики партийного строительства только усугубляли процесс развала октябристской периферии. Вместо того чтобы решать эти проблемы, партийное руководство занималось большой политикой в Петербурге. Как результат, брошенные на произвол судьбы октябристские отделы разваливались. Вполне понятно, что объективно такая «политическая партия» не могла долго существовать.

В отличие от «Союза 17 октября» кадетская партия, оставаясь в оппозиции к власти, в межреволюционное десятилетие сумела сохранить поддержку своих приверженцев, идеологически притягивая и объединяя их вокруг себя, даже почти лишившись, из-за репрессий, своих организаций на местах. Как результат административно-судебные преследования и запрет на деятельность кадетской партии смогли только дезорганизовать её партийные структуры на местах, но не помешать

политико-идеологической консолидации Партии народной свободы. Именно поэтому, после победы февральской революции 1917 года кадеты достаточно быстро восстановили свою организационную структуру в России.

§ 3. Правомонархические формирования

За всё время отпущенное историей правомонархическим формированиям, они так и не смогли создать единую политическую партию. К концу революции 1905-1907 годов в империи продолжало действовать более десятка правых организаций общероссийского, регионально-территориального и местного уровней. Среди них наибольшее влияние и значение приобрел Союз русского народа (СРН), который, по сути, выражал основную квинтэссенцию правомонархического движения.

Организационная разобщенность правых была одной из причин, которая вызвала организационный кризис монархического движения после окончания революции 1905-1907 годов. Среди других причин кризиса следует выделить, во-первых, сам факт завершения революции 1905-1907 годов, во-вторых, полное отсутствие какой-либо целенаправленной и системообразующей организационной политики, проводимой руководством правых формирований, в-третьих, политическая разноголосица и разнородность идеологических парадигм правого движения (от умеренно правых до крайне черносотенного крыла), как следствие политико-идеологическая рыхлость и отсутствие праксиса в партийных рядах, особенно в сельских отделах. Именно анализ этих, тесным образом взаимосвязанных причин позволяет нам шаг за шагом проследить организационный кризис, которых охватил правомонархическое движение в межреволюционное десятилетие, что в

свою очередь поможет выяснить закономерности динамики численности организационных структур монархистов и их территориального размещения.

Как это ни парадоксально, третьеиюньский переворот, означавший окончательную, знаковую победу для правых, оказался началом, даже скорее продолжением, наметившихся несколько ранее деструктивных процессов в правом движении, проявлением которых стал достаточно быстрый развал организационных структур монархистов на местах. Это было обусловлено, в том числе и тем, что в отличие от других политических образований, действовавших в России в начале XX века, идеологической базой правомонархического движения были не столько политические, экономические и правовые теории современного ему общества, сколько эмоции и чувства обывателя, питавшиеся психологией обыденного сознания различных слоёв российского общества, которое характеризовалось, как консерватизмом традиционной патриархальной культуры, так и радикализмом в решении назревших в империи социально-экономических реформ, прежде всего аграрной. Благодаря разнополюсности вышеописанных «родовых» черт правых местные организации монархических формирований, прежде всего низового уровня (к примеру, сельские отделы), отличались как организационной, так и идеологической нестабильностью, ибо объединившиеся в правомонархических формированиях различные социальные слои российского общества оказались экономически, социально и, как выяснилось, даже политически разновекторно ориентированы. Они объединились в правомонархические формирования на время революционной смуты на основе неприятия, страха и озлобления, которые в совокупности порождали ненависть перед наступающим новым непонятным буржуазным миром, разрушающим традиционный патриархальный уклад жизни. Как результат, все эти «несовместимые»

социальные страты оказались объединены на основе редукционной общности интересов, которые сводились в основном к ретрадиционализации, национализму и к борьбе с революцией и всем тем новым, что она несла с собой. Вполне понятно, что пока существовала угроза революции, она спаивала воедино этот социальный конгломерат, который назывался правым движением. Но как только революция была разгромлена, в монархическом лагере всё острее стала прослеживаться искусственность объединения различных социальных слоёв российского общества на основе монархической, национальной и религиозной идей. Как результат, третьеиюньский переворот и последовавшие за ним год-полтора стали временем, когда члены отделов, не сдерживаемые уже более угрозой революции и почувствовавшие «водворение порядка» в империи, стали во множестве покидать монархические организации, что приводило к развалу правомонархической периферии и острому организационному кризису всех без исключения монархических формирований. Невозможно не отметить, что отток членов из местных организаций, приведший к организационному кризису, был также вызван в немалой степени, во-первых, разочарованием рядовых членов в правом движении, во-вторых, своеобразием контингента участников монархических организаций. Данный контингент отличался в большинстве своём психологией великовозрастного хулигана, авантюризмом, чинодральством, узостью кругозора и доносительством, что в совокупности придавало деятельности правых организаций на местах скандально-уголовный, а часто и криминальный характер. Это не могло не оттолкнуть порядочных правомонархически настроенных обывателей из всех слоёв общества в целом от правого движения.

Организационный кризис в правом движении оказался тесным образом связан с историей его становления, определением основной политической цели, методов её достижения.

Правое движение в России стало выкристаллизовываться задолго до революции 1905-1907 годов как реакция консервативно и реакционно настроенных дворянских кругов на процесс модернизации России. До начала революции 1905-1907 годов это были в основном сословно закрытые, порою даже не сформировавшиеся организационно объединения единомышленников. Пожалуй, наиболее ярко характеризует этот начальный этап становления правого движения дворянское «Русское собрание», созданное в начале XX века. Всё изменилось с началом революции 1905-1907 годов. Неприятие перемен, происходивших в России, страх перед революцией, фрустрация, вызванная этими явлениями, объединили различные слои населения империи. Цементирующей основой правого движения стал традиционализм, который можно охарактеризовать уваровской триединой формулой: самодержавие, православие, народность - отягощенный различного рода фобиями, агрессивным национализмом, идеологией ретрадиционализации и шовинизмом. При этом организационно правые формирования во время революции стали спонтанно возникать по стране. Прямым следствием данного процесса стало достаточное количество регионально-территориальных и местных правомонархических образований[201].

Лишь в начале ноября 1905 года был создан Союз русского народа (СРН), которому удалось вскоре объединить под своим началом большинство правых мини-партий. Тем не менее, организационная тенденция партийного строительства монархических формирований уже определилась - это развитие организационной структуры не сверху (из центра), а снизу, на местах. Как следствие, у руководства правомонархических образований отсутствовал действенный механизм контроля над деятельностью своих местных организаций, в первую очередь это касается влившихся с СРН мини-партий. Попытки руководства Союза наладить интеграционные процессы внутри него ни к чему не

привели. Так, после нескольких редакций Устава Союза, в нём был зафиксирован определенный механизм подчинения нижестоящих организаций вышестоящим, выработаны механизмы «партийного контроля» и кооптации[202]. Однако же, на деле все эти уставные нормы нарушались, если не сказать больше, бездействовали. Местные организации, в том числе и сельские, предпочитали обращаться напрямую в Главный Совет Союза. Региональные, территориальные и местные мини-партии, вошедшие в состав СРН, организационно были автономны, ибо, считая себя только присоединившимися к Союзу, они не считали для себя необходимым выполнять издававшиеся Главным Советом циркуляры и распоряжения. Более того, мини-партии сохранили свои прежние названия и уставы. Подобное положение дел было свойственно, в большей или меньшей степени, и другим общероссийским монархическим формированиям. Таким образом, ещё на этапе формирования организационная структура правых образований оказалась достаточно рыхлой и во многом неподконтрольной своему руководству. Одновременно на губернском уровне функционирование организационной структуры правых было пущено губернским руководством на самотёк. Здесь отсутствовала чётко налаженная связь между организациями различного уровня. Сельский отдел, к примеру, мог напрямую обратиться в Главный Совет СРН, минуя уездный и губернский отделы. Руководство губернских отделов часто не подозревало о существовании организаций на подконтрольной им территории, более того, любой отдел, и не обязательно губернский или уездный, мог создавать подотделы (дружины) в сопредельных уездах и даже губерниях, подчиняя их напрямую себе. Яркий пример тому деятельность Почаевского отдела СРН[203].

Организации на местах, начиная с губернских отделов и заканчивая сельским подотделом, характеризовались, по сути, отсутствием партийно-идейной самоидентификации их членов. Наиболее ярким примером,

показывающим отсутствие организационного и идейно-политического праксиса у правомонархистов можно считать деятельность их сельских отделов. Большинство из этих отделов были созданы так называемыми «уполномоченными». Это были люди, которые получали от Главного Совета СРН или Главной Палаты РНС имени Михаила Архангела письменное разрешение открывать отделы в данном уезде (уездах). После отъезда «уполномоченного» созданные им организации, как правило, распадались или бездействовали, ибо зачастую создавались под влиянием угроз или с помощью обмана. Приведём только один типичный пример. Когда у вновь записавшихся членов, в открытый летом 1907 года в селе Мамошки Смоленской губернии отдел СРН, корреспондент «Смоленского вестника» спросил: «”Что же вы записались на старые права?” Крестьяне ответили: “Нет; на это мы не согласны, а записались мы для медалей, потому как здесь даром медали дают”»[204].

Вполне понятно, что такая аморфная, во многом искусственно созданная (прежде всего на уровне сельских отделов и подотделов), по сути, не контролируемая по партийной вертикали организационная структура оказалась крайне уязвимой. И если в дни «революционной смуты» правомонархические формирования старались как-то корректировать деятельность своих организаций на местах «по защите самодержавия и русской народности от революционеров и инородцев», то после окончания революции 1905-1907 годов начали рваться и эти неустойчивые связи. Этому способствовало и отсутствие у правых сформированного института агитаторов, а активистов, способных хоть как-то сплотить местные организации, оказалось явно недостаточно. Так, в апреле 1913 года активист – «уполномоченный», проживавший в уездном городе Бельцы Бессарабской губернии, сообщал в Главный Совет дубровинского СРН, что «67 дружин, открытых мною в 1906-1907 годах, в настоящее время блуждают в дебрях (то есть не подают признаков жизни –

Н.П.), ...а объехать их хоть раз в году, воскрешая дух патриотизма, у нас нет средств»[205]. Кроме того, деятельность местных отделов характеризовалась постоянной грызней, подсиживанием и даже рукоприкладством и драками, прежде всего, в борьбе за руководство организациями. Вполне понятно, что такие «разборки» «не стимулировали» организационную стабильность местных отделов. Приведем лишь один характерный пример. Бывший товарищ председателя Аккерманского (Аккерман - уездный город Бессарабской губернии) СРН сообщал в Петербург в Главную Палату РНС имени Михаила Архангела: «Наш Отдел, прежде представлявший грозную силу своей многочисленностью ...начал быстро идти к упадку и разложению». Причину этого автор письма видел в тогдашнем председателе отдела некто Дмитриеве. Все попытки его сместить группой членов Совета привели к тому, что «Дмитриев не захотел уходить и, явившись на (общее - *Н.П.*) собрание (отдела - *Н.П.*) СРН с 15 - 16 пьяными союзниками ...допустил бесчинства, учинённые приведёнными им пьяными людьми, для усмирения которых должна была вмешаться полиция»[206].

Картину наступавшего организационного кризиса оттеняла ещё и ложь, введенная в ранг партийной политики правых. Организации, которые в отчётах с мест активно действовали и отличались, по словам отчитывающихся, многочисленностью, на деле, как часто выяснялось, были малочисленны и бездеятельны. Узнать о настоящем положении того или иного отдела удавалось благодаря всё тем же выяснением отношений на местах. К примеру, в середине апреля 1912 года один из членов открытого в феврале того же года Барановического отдела СРН (Барановичи - местечко Новогрудского уезда, Минской губернии) настрочил донос лично А.И. Дубровину: «Считаю своим долгом оповестить Вас о деятельности нескольких членов Барановического ж/д (железнодорожного -- *Н.П.*) отдела с.р.н., благодаря которым отдел до

настоящего времени, как бы не существовал, не будучи нигде зарегистрированным, один из этих членов, бывший за председателя, Бартош в настоящее время предан суду за злоупотребления по службе, второй же - Любомир так повел союзные дела, ...что ...можно сказать расстроил начавший формироваться отдел»[207].

Совокупность всех этих причин, и других не менее важных, например, запись в члены отдела людей без их разрешения, привела к тому, что уже вскоре после окончания революции 1905-1907 годов в организационной структуре правомонархических формирований и, прежде всего в СРН, царил полный хаос по всей организационной вертикали. Организационные связи между центром и провинцией и без того, по существу, номинальные оказались прерваны и поддерживались только за счет вялотекущей переписки. Связи же на губернском уровне между отделами, по сути, не существовало. Одновременно всё большие темпы набирал процесс выхода запутавшегося, «серого» обывателя из правомонархических формирований.

Организационный кризис набирал силу и в верхах правого движения. В 1908 году произошёл раскол в крупнейшей черносотенной организации в Союзе русского народа, из которого вышли сторонники В.М. Пуришкевича. Они объединились во вновь созданном формировании - Русском народном союзе имени Михаила Архангела (РНС). Весной - летом этого же, 1908 года, умеренное крыло правых объединилось в новую партию - Всероссийский национальный Союз.

На волне этого организационного размежевания внутри правого движения и, прежде всего, в скандально известном Союзе русского народа всплыли, как и следовало ожидать, нелицеприятные характеристики последнего. Так один из руководителей Союза писал, что в нем «были возможны самые различные взгляды отдельных лиц, групп и даже отделов, так что говорить об этом как о чем-то однородном целом, которое могло

бы одинаково мыслить я не могу»[208]. В этой перепалке опять приоткрылась ущербность организационного строения СРН, прежде всего на примере местных отделов, досталось за это и самому А.И. Дубровину, так как, по мнению многих правых из провинции, его политическая не дальнозоркость и «черносотенная» ментальность, также способствовала разрастанию организационного кризиса. Бывший председатель Николаевского отдела СРН (Николаев - уездный город в Херсонской губернии), перешедший в РНС имени Михаила Архангела, писал В.М. Пуришкевичу в середине 1908 года в Петербург: «Благодаря Дубровину и подобных ему qusiпатриотам из Союза ушли самые полезные его деятели. Преследуя свои личные интересы и руководимые пустым тщеславием (они развалили Николаевский отдел и губят правое движение - *Н.П.*). ...Дальше громкой буффонады и пения гимна на общих собраниях, СРН не пошёл, несмотря на ликующие победоносные крики: “Мы задавили крамолу” ...Цели, которые были положены в основу Союза по-прежнему далеки и достигнуть их можно было бы только при полном единодушии всех членов. ...То, что предсказал я ...по отношению к Николаевскому Отделу, оправдалось во всем. После усиленного роста Отдела, ...он, как по наклонной плоскости быстро скользнул к своему падению. Со времени моего ухода, т.е. в течение только одного года, переменилось три председателя. Всё это люди, не отличающиеся ни умом, ни энергией и, наконец, после скандала с последним ...избравшим самого себя (он – *Н.П.*) ...был ...побит на улице своими дружинниками, которым он объявил войну. (Говоря о другом председателе, автор заметил – *Н.П.*) ...самая активная его деятельность выразилась в одном случае ...это организации хора певчих, которые услаждают теперь слух старого Генерала своим пением духовных песен на общих собраниях»[209]. Организационный развал привел в замешательство и сторонников А.И. Дубровина. Председатель Казанского отдела Русского Собрания в своём письме от 14 июля 1909 года к

последнему констатировал: «Тяжёлые времена переживает Союз Русского Народа. Ваша болезнь и молчание производят тяжёлое впечатление на все Союзы и меня (это – *Н.П.*) сильно беспокоит. Все чего-то ждут и деятельность Союзов замирает»[210].

После окончания революции 1905-1907 годов правомонархические формирования, и, прежде всего крупнейшие из них - СРН и РНС имени Михаила Архангела, даже не по пытались наладить рвущиеся организационные связи с партийной периферией, собрать сведения о положении организаций на местах, попытаться как-то приостановить их развал, как это делали другие общероссийские партии - леворадикальные и либеральные. Более того, придерживаясь своей выбранной «партийной» философии, идеологи правого движения лживо уверяли, что организаций, объединяющих «истинно русских людей» несколько тысяч. Как результат, пущенная на самотёк организационная политика всех без исключения правых формирований и, прежде всего крупнейших из них СРН и РНС имени Михаила Архангела, достаточно больно ударила по жизнеспособности организационной структуры монархистов на местах. По сути, такое безразличие партийных верхов к своей периферии стало одной из самых явных причин её развала. Вот как охарактеризовал организационное состояние СРН накануне его нового раскола известный в монархических кругах и достаточно хорошо знавший о положении на местах астраханский черносотенец Н.Н. Тихонович-Савицкий в своём письме А.И. Дубровину от 11 сентября 1910 года: «Из 4500 отделов действительно существует не более 1000, остальные на бумаге, из этих 1000 при нашей халатности дай бог выскажутся 400 - 500, что дает Главному Совету утверждать, что из 4500 (!) отделов выскажется лишь 10 часть в пользу Дубровина»[211].

Организационный раскол в верхах СРН на Дубровинский и обновленческий спровоцировал новый и достаточно глубокий кризис в

правомонархическом движении. Прежде всего, он больно ударил по организационным структурам союзников на местах. Поставленные перед выбором чью сторону принять, многие отделы также раскололись на дубровинские и обновленческие. Так, Белостоцкий отдел (Белосток - уездный город Гродненской губернии) находился после раскола «на краю гибели, - откровенно признавался местный черносотенец, сторонник А.И. Дубровина, в своём письме от 8 марта 1912 года в Петербург, - из 300 ч.(ленов – *Н.П.*) осталось не более 30 членов». В распаде отдела он обвинял, естественно, обновленцев[212]. Происходившее размежевание в сельских отделах привело к ещё более серьезным последствиям. Крестьяне, нечётко понимавшие причины раскола, покидали последние. Так, к примеру, сельский отдел Союза, действовавший в селе Пестрецово Казанского уезда, вскоре после перехода под юрисдикцию «Дубровинского» Союза, в январе 1913 года, прекратил свою деятельность[213].

Наибольший интерес для нас вызывает численный «всплеск» отделов (прежде всего сельских) в 1913 году, когда праздновался 300-летний юбилей дома Романовых, так как он наиболее ярко показывает иллюзорность факторов, от которых зависела динамика организационных структур, и в конечном итоге территориальное размещение правомонархических формирований. В связи с 300-летием дома Романовых последовал временный количественный рост монархических организаций в империи и, прежде всего на селе. При этом, как нам удалось установить, большинство отделов в сельской местности создавалось не по инициативе крестьян, а по инициативе священников, чиновников и всё тех же уполномоченных. Вскоре после юбилея абсолютное большинство отделов прекратили свое существование, оказавшись организациями – «однодневками». Таким образом, предпринятая монархистами акция лишь на некоторое время увеличила численность их организационных структур,

но не сумела приостановить кризисные явления в монархическом движении.

В целом же в период между окончанием революции 1905-1907 годов и началом Первой мировой войны просматривается два этапа организационного кризиса, охватившего правомонархические формирования. Первый из них начался ещё до окончания революции 1905-1907 годов и достиг своего апогея после третьеиюньского переворота. Он характеризовался резким сокращением численности организационных структур монархистов и завершился в основном к исходу 1907 года. Второй этап был более длительным и не таким прямолинейным и скоротечным как первый, он продолжался шесть с половиной лет (с 1908 года до начала Первой мировой войны) и характеризовался относительной количественной стабильностью численности организационных структур монархистов при постоянно нарастающем ухудшении «качественного» состояния сохранившихся отделов. Именно это «качественное» состояние было особенностью кризиса правого движения в этот период времени. В результате чего кризис отразился, в первую очередь, на дееспособности местных отделов, нежели на количестве организаций, действовавших в империи. Поэтому численность организационных структур, зафиксированная нами в эти 6,5 лет, по существу, не отражала реальное положение дел правомонархической периферии. Большинство местных отделов или бездействовало и существовало лишь формально, или было ослаблено внутренними раздорами. Общее собрание отделов и подотделов не собирались помногу месяцев (особенно это касается сельских организаций), так как посещаемость их была незначительной, а часто и сами председатели отделов не спешили собирать их. Отделы всех уровней распадались или бездействовали и в целом существовали чисто номинально, многочисленные и активно действовавшие отделы были исключением. Приведём лишь два характерных примера. «До приезду

моего, - сообщал, раздосадованный положением дел в отделе черносотенец из города Шуи Владимирской губернии в июле 1914 года в Петербург, - (отдел Дубровинского Союза – *Н.П.*) совершенно заглох и не работал и собрания не было, даже комитетского, около года. Обидно, берутся быть председателем и нечего не делают»[214]. Председатель Горловского отдела СРН (Горловка - рабочий посёлок в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии) в отчаянии писал в Главный Совет СРН в апреле 1912 года: «Многие члены Совета (Горловского отдела – *Н.П.*) не являются совершенно, несмотря на то, что собрание мною всегда назначается в праздничный день, а, следовательно, время свободное: из 12 членов Совета расписались в необходимости прийти 7; из 18 кандидатов – 1»[215]. И подобные примеры можно легко умножить. Относительное оживление деятельности правомонархических организаций, как мы выяснили, произошло только в канун празднования 300-летия дома Романовых, а на селе также в связи с приездом уполномоченных. В остальное время всплески активности в отделах происходили только при борьбе за власть среди руководства отделов.

Вышеописанный эндогенный кризис, происходивший в среде правомонархических формирований, заставляет усомниться в дееспособности абсолютного большинства отделов уже на исходе 1907 года. А тем более со скептицизмом отнестись к деятельности большинства правых организаций в более позднее время. Тем не менее, руководство правомонархических формирований (прежде всего СРН) продолжало утверждать о сотнях и даже тысячах отделах на местах, хотя, судя по переписке с местными отделами, руководству Союза было хорошо известно положение с партийным строительством на местах. Такая ложь не просто фальсифицирует данные о количестве действовавших в империи организаций монархистов, она мешает точно установить динамику их численности в межреволюционное десятилетие. К примеру, даже при

регистрации канцеляриями Главного Совета СРН и Главной Палаты РНС имени Михаила Архангела писем с мест, все они фиксировались как переписка с местными организациями, хотя достаточно большое число писем было не от местных отделов, а от разного рода частных лиц, стоявших вне монархического движения и просивших оказать им частную помощь: обуздать зарвавшегося чиновника, посодействовать в устройстве на работу и прочих подобных личных просьбах. Часто в руководство правых формирований обращались и внесоюзные крестьяне, просившие помочь решить земельные споры[216].

В целом же нежелание функционеров из правомонархических формирований наладить нормальную организационную деятельность по всей партийной вертикали приводило к тому, что связь на уровне: губернский отдел - уездный отдел - сельские, поселковые и другие местные отделы (подотделы), по сути, прервалась или вообще отсутствовала изначально.

Следствием всего вышеописанного комплекса причин стали ярко выраженные тенденции организационного кризиса охватившего всю организационную вертикаль правомонархических формирований сверху донизу. А если принять во внимание, что большинство организаций монархистов территориально находились в деревне, а ускоренными темпами шёл развал именно сельских организаций, то, как результат, после окончания революции 1905-1907 годов, их численность резко сократилась[217]. Впрочем, в силу своей ментальности правые не признавали организационного кризиса в своих рядах в межреволюционное десятилетие, хотя организационное размежевание, как в монархических верхах (отколовшийся от СРН в начале 1908 года РНС имени Михаила Архангела; раскол в СРН на обновленческий и Дубровинский в 1910-1912 годах), так и на губернском уровне (к примеру, известный черносотенец Н.Н. Тихонович-Савицкий, недовольный бездействием Главного Совета

СРН, создал Астраханскую народно-монархическую партию) происходило достаточно открыто и отличалось активностью. Кроме того, провалилась попытка монархистов реанимировать свои планы по созданию различного рода общественных организаций: кредитных обществ, трудовых кооперативов и других организаций подобного рода, а также союзных чайных. Это происходило во многом благодаря склочному характеру черносотенцев и в целом их девиантному поведению, а также откровенному воровству денежных средств из касс этих обществ, что приводило к бегству обывателя из последних[218].

Ещё одним фактором, повлиявшим на динамику организационных структур правых в межреволюционное десятилетие, стал переживаемый в то время правомонархическим движением процесс политико-организационного размежевания, когда политическая дивергенция монархической идеологии порождала всё дальше дистанцировавшиеся друг от друга политические формирования. Так, например, Дубровинский СРН ориентировался на люмпенизированные/маргинальные слои населения, на крестьянскую и рабочую бедноту. А созданный В.Г. Орловым и В.М. Скворцовым в июне 1915 года «Отечественно-патриотический Союз» проповедовал национализм патриотического толка. При этом политико-организационное размежевание не было скоротечным и прямолинейным, а, скорее всего, носило дискретный характер.

Вместе с тем, следует признать, что шесть с половиной лет, прошедших между 1908 годом и началом Первой мировой войны показали, что организационный кризис правого движения, хотя и был в это время достаточно глубоким и острым, но не привёл к его организационному коллапсу. У правых организаций на местах оказался достаточный запас организационной прочности, который смог выдержать ухудшение качественного состояния местных отделов, несмотря на всю их рыхлость и аморфность, и не перерасти в количественные изменения. Однако,

постоянное накопление, так сказать «качественного негатива» при генетическом отсутствии у правомонархических организаций, в своём большинстве, политической коадаптации, не могло продолжаться сколь угодно долго. «Плотину» прорвало с началом Первой мировой войны, когда резко изменилась сама внутриполитическая ситуация в стране и организационный кризис в правомонархическом движении стал реальностью и формально существовавшие отделы быстро распались.

Именно в этот период сказались отрицательные «родовые» черты правомонархического движения, которые привели, по существу, к параличу системообразующей организационной вертикали. С этого времени отделы на местах оказались окончательно брошены на произвол судьбы руководством монархических формирований. В.М. Пуришкевич во «имя общенациональных интересов» предпочитал оказывать посильную помощь фронту, нежели заниматься делами своего детища - Русского народного союза имени Михаила Архангела. Без такого «внутреннего мотора», как В.М. Пуришкевич, деятельность последнего оказалась дезорганизована.

А.И. Дубровин и другие видные монархисты, по свидетельству Н.Н. Тихоновича-Савицкого, «потеряли силу для борьбы»[219]. Одновременно начался окончательный исход нижних социальных страт из монархического движения. Как результат, все попытки правомонархистов оживить свою деятельность потерпели провал. Это был вынужден признать даже такой «непримиримый» монархист, как Н.Н. Тиханович-Савицкнй. В мае 1916 года он писал: «Пасхалов[220] потерял веру в восстановление самодержавия окончательно, сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете какой я упорный»[221].

Ко времени февральской революции на территории империи действовало лишь несколько изолированных, организационно

разобщенных, малочисленных, сосредоточенных в основном в нескольких губернских и уездных городах, отделов правых организаций.

Выявленная и обработанная нами информация, представленная в таблице №17 подтверждает вышеописанные тенденции организационного развития правомонархических формирований в межреволюционное десятилетие.

Таблица №17

Динамика численности правомонархических организаций с июня 1907 - по февраль 1917 года.

Тип организаций	Год										
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
губернские	50	45	49	53	51	48	40	37	28	21	7
уездные	158	73	69	73	71	56	50	32	26	21	1
сельские	1859	68	127	64	100	146	239	122	37	24	6
др. насел. пункты	34	13	13	15	20	18	9	8	5	1	1
Всего	**2101**	**199**	**258**	**205**	**242**	**268**	**338**	**199**	**96**	**67**	**15**

Анализ данных, представленных в таблице № 17, показывает, что после спада в деятельности правомонархического движения в 1908 году, связанного с окончанием революции 1905-1907 годов, количественная динамика губернских и уездных организаций вполне стабильна, несмотря на их качественное изменение, и сопоставима по годам до 1913 года включительно. Действительно, численность губернских отделов в 1913 году составила почти 89% от аналогичного показателя 1908 года. Нечто подобное можно сказать и о динамике численности уездных отделов, с той лишь разницей, что их численность, в 1913 году, составляла 68,5 % от аналогичного показателя 1908 года, что несколько ниже подобного

показателя по губернским отделам, но, тем не менее, он всё равно достаточно высок. В период же 1908-1911 годов количество уездных отделов практически не менялось и находилось на одном уровне. И лишь только с началом Первой мировой войны число и губернских, и уездных организаций в империи заметно уменьшилось, особенно к 1916-1917 годам. В это время число губернских и уездных отделов сократилось, в сравнении с показателями 1908 года, соответственно: губернских отделов - в 2,1 раза, уездных - в 3,5 раза. Говоря о показателях за 1917 год, следует сказать, что фактически за полтора месяца до февральской революции в документах правомонархических формирований и Департамента полиции, по существу, не отложилась адекватная информация о деятельности монархической периферии, поэтому данные показатели следует признать во многом приблизительными.

Говоря же о численности сельских организаций правомонархистов, следует заметить, что она была достаточно высока. В этом нет нечего удивительного, ибо руководство монархических формирований уделяло достаточно большое внимание привлечению на свою сторону крестьянства, считая его своим естественным сторонником. Впрочем, союз между правыми и крестьянством был достаточно непрочным, о чем мы уже упоминали. Приведём еще лишь один характерный пример. Председатель отдела СРН, действовавшего в селе Кикнурино Вятской губернии, жаловался в своем письме от 5 мая 1914 года в Петербург, что «...в настоящее время крестьяне членские взносы не вносят. ...(А – *Н.П.*) выше означенные двадцать членов не на одно собрание не являлись»[222].

Неустойчивость данного союза привела к заметным колебаниям численности местных отделов в разные годы, что и отражено в таблице №17. Как результат, после революции 1905-1907 годов сельские отделы и подотделы за очень редким исключением оставались достаточно формальными объединениями. Положение усложнялось ещё и тем, что

крестьяне-монархисты никак не могли сойтись со своими руководителями – «господами» в решении аграрного вопроса. Суть проблемы выразил депутат III Государственной Думы, член СРН крестьянин Я.Г. Данилюк при обсуждении аграрного вопроса в Думе: «Господа, мы не удовлетворим крестьян этим законом. Обратите внимание на безземельных и малоземельных»[223]. Как бы отвечая ему, известный черносотенец Н.Е. Марков заявил о неизбежности обезземеливания части крестьян: «И скатертью им дорога, пусть уходят»[224].

В результате всех вышеназванных причин, амплитуда колебаний численности сельских отделов оказалась волнообразной и нестабильной. Однако при всей алогичности этих колебаний отметим две достаточно объяснимые причины. Во-первых, это увеличение численности правомонархических организаций в 1913 году, что было вызвано празднованием 300-летия дома Романовых и возросшей в связи с юбилеем активностью в деревне «уполномоченных», о чем мы уже писали. Во-вторых, спад численности сельских отделов был связан с началом Первой мировой войны, так как множество крестьян было призвано в армию, а оставшимся «союзникам» было в большинстве случаев не до политики. Одновременно, и это важно подчеркнуть, происходило, по существу, окончательное дистанцирование «верхов» правомонархического движения от его «низов». В результате, если до 1913 года динамика численности развивалась волнообразно, то уменьшаясь, то увеличиваясь, то после всплеска 1913 года, динамика уже постоянно падала, и это падение носило необратимый характер. Действительно, уже в следующем 1914 году численность сельских отделов упала, в сравнении с 1913 годом, в 1,96 раза, а в 1916 году - в 9,96 раза. Если же сравнить численность сельских организаций в 1916 году, с их численностью во второй половине 1907 года, то её падение будет впечатляющим. К 1916 году численность упала в 77,5 раза. Столь значительное уменьшение численности сельских отделов и

подотделов в межреволюционное десятилетие не удивительно, оно отражало процесс постепенного охлаждения крестьянства к идеологии черносотенства.

Если же говорить в целом о динамике численности монархических организаций в межреволюционное десятилетие, то можно отметить следующее. После достаточно резкого спада их численности и, прежде всего сельских отделов и подотделов в течение 1908 года, в сравнении со второй половиной 1907 года[225], в последующие годы наблюдается волнообразность численности, хотя и не значительная, вплоть до начала Первой мировой войны, когда начался прогрессирующий развал черносотенной периферии. Однако, хотя до начала Первой мировой войны численность монархических организаций всех уровней оставалась достаточно стабильной, всё же уже к началу второго межреволюционного пятилетия «качественно» черносотенные организации разительно отличались по агрессивности и масштабности своей деятельности от организаций времен конца революции 1905-1907 годов, причём явно в худшую сторону. Об активности черносотенной периферии накануне выборов в IV Государственную Думу можно судить по сведениям Департамента полиции. По информации, полученной им от двадцати двух местных Жандармских Управлений Европейской части России, только в двух губерниях: Витебской и Екатеринославской - черносотенцы проявляли активность, но и то из донесений непонятны масштабы их деятельности. По информации местного Жандармского Управления в Витебской губернии: «Союз русского народа имеет много членов и проявляет свою деятельность вполне открыто и определенно»[226]. А Екатеринославское Жандармское Управление доносило: «Союз русского народа - партия довольно многочисленная, но имеет значение в г. Екатеринославе и незначительное в своих отделах»[227]. В других губерниях деятельность черносотенцев была минимальна, даже в таких достаточно

«черносотенных» губерниях как, например, в Бессарабской. «В составе существующего в губернии отдела Союза русского народа, - доносил начальник Бессарабского ЖУ, - произошёл полный раскол. Членами его состоят преимущественно одни мелкие ремесленники и чернорабочие и, вообще, люди с тёмным прошлым и, причём в очень ограниченном числе. Во главе отдела стоит отставной генерал-майор Иваницкий, человек без всякого влияния и не пользующийся доверием со стороны самих союзников. Роль союза на ход выборов не может иметь существенного влияния»[228]. И даже там, где во главе монархистов стояли достаточно активные и известные в черносотенных кругах люди, деятельность правомонархических организаций всё равно затухала. Так, о деятельности астраханского отдела СРН, во главе которого стоял известный монархист Н.Н. Тихонович-Савицкий, начальник местного ЖУ доносил в Департамент полиции: «Партия Союза русского народа почти уже распалась, благодаря тому, что руководитель её Тихонович-Савицкий не сумел привлечь к монархической партии людей благонадежных, окружил себя подонками общества»[229]. Однако, несмотря на качественное изменение черносотенных организаций, и, прежде всего сокращение их численности, динамика губернских и уездных черносотенных организаций, начиная с 1908 года и вплоть до начала Первой мировой войны, не претерпела резких колебаний. Впрочем, как мы выяснили, излишняя агрессивность, неразборчивость в средствах при достижении целей заставляли выходить из их рядов обычных «благонадежных» граждан, что постепенно, но неумолимо «разъедало» изнутри черносотенные организации, ввергало их в перманентные организационные кризисы, из которых они выходили каждый раз всё более и более ослабленными.

Наиболее полно вышевыявленные тенденции прослеживаются при рассмотрении территориального размещения правомонархических

организаций в региональном разрезе, которые представлены в таблицах №18 и № 19.

Таблица №18.

Динамика численности правомонархических организаций по регионам с июня 1907 - по февраль 1917 года.

Регион	Тип организации	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России (49 губ. 1 обл.)	1) губернская	39	34	37	38	38	36	28	27	21	17	6
	2) уездная	149	66	62	51	67	53	42	28	21	15	1
	3) сельская	183	72	125	61	97	142	236	113	33	21	5
	4) раб. посёлки, местечки и др.	34	12	13	14	17	18	11	8	3	1	1
	Всего	**2055**	**184**	**237**	**164**	**219**	**249**	**317**	**176**	**78**	**54**	**13**
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. округа)	1) губернская	7	6	5	6	6	6	5	4	4	2	-
	2) уездная	3	2	2	2	3	2	1	1	2	2	-
	3) сельская	2	2	1	1	1	-	-	1	1	-	-
	4) раб. посёлки, местечки и др.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**13**	**10**	**8**	**9**	**10**	**8**	**6**	**6**	**7**	**4**	-
Сибирь (4 губ., 6 обл., 1 протекторат)	1) губернская	3	3	4	4	4	5	4	4	1	1	1
	2) уездная	4	2	4	4	2	2	3	2	2	2	-
	3) сельская	18	-	1	2	1	4	3	3	3	3	1
	4) раб. посёлки, местечки и др.	-	-	-	-	1	-	-	-	2	1	-
	Всего	**25**	**5**	**9**	**10**	**8**	**11**	**10**	**9**	**8**	**7**	**2**
Средняя Азия (9 обл., 2 протек-тората)	1) губернская	-	1	2	3	1	1	1	1	1	1	-
	2) уездная	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
	3) сельская	-	-	-	-	-	1	2	3	1	-	-
	4) раб. посёлки, местечки и др.	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
	Всего	**-**	**1**	**2**	**3**	**4**	**3**	**3**	**4**	**2**	**1**	**-**

Польша (10 губ.)	1) губернская	2	1	1	1	-	-	1	1	-	-	-
	2) уездная	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	3	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-
	4) раб. посёлки, местечки и др.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**7**	**4**	**4**	**2**	-	-	**1**	**1**	-	-	-

Данные, представленные в таблице № 18, показывают, что абсолютное большинство правомонархических организаций действовало в Европейской части России. На несколько порядков меньше зафиксировано черносотенных организаций на Кавказе и в Сибири. А в таких этнокультурно обособленных и неправославных регионах, как русская Польша и Средняя Азия, количество черносотенных организаций минимально. Поэтому динамика численности в Европейской части России, по сути, полностью тождественна с общероссийской динамикой, рассмотренной нами выше, и характеризуется такой же волнообразностью на протяжении шестилетнего отрезка времени (1908-1913) и столь же значительным спадом в динамике численности после начала Первой мировой войны. На наш взгляд, более полную картину территориального размещения по регионам даёт динамика погубернского и пообластного размещения черносотенных организаций, которая позволяет увидеть, в первую очередь, степень охвата правомонархическим движением административно-территориальных единиц империи.

Таблица №19.

Динамика погубернского и пообластного размещения правомонархических организаций с июня 1907 – по февраль 1917 года.

Регион	Годы										
	1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России (49 губ.1обл.)	45	41	43	45	45	43	43	40	32	25	9
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. окр.)	8	7	6	7	7	7	6	5	6	3	-
Сибирь (4 губ., 6 обл., 1 протекторат)	4	4	5	5	5	5	5	5	3	3	2
Средняя Азия (9 обл., 2 протектората)	-	1	2	3	2	2	2	3	2	1	-
Польша (10 губ.)	1	3	2	3	-	-	1	1	-	-	-

Анализ таблицы №19 показывает, что подавляющее количество территориально-административных единиц, в которых действовали правомонархические организации, приходилось на Европейскую часть России. По сути, на протяжении восьмилетнего периода (июнь 1907 года-1914 год) количество губерний, в которых действовали черносотенцы было идентичным, что говорит о достаточной стабильности территориального размещения их организаций, даже невзирая на потерю их качественного уровня. Похожая ситуация складывалась на Кавказе и в Сибири, в то время как в русской Польше и в Средней Азии, в регионах с однородным нерусским населением количество территориально-административных

единиц, в которых действовали черносотенцы, минимально. Но, несмотря на различную степень охвата территориально-административных единиц, общероссийская тенденция к развалу правомонархических организаций, а значит и сокращению регионов, в которых функционировали черносотенцы, с началом Первой мировой войны приобрела общероссийский характер. Действительно, темпы сокращения таких территориально-административных единиц в трёх регионах: Европейской части России, на Кавказе и в Сибири - были, фактически, одинаковыми, что позволяет говорить о некоторой общероссийской тенденции. Так, в 1915 году количество регионов, в которых действовали монархисты, сократилось, по сравнению с 1907 годом, в Европейской части - в 1,4 раза, на Кавказе - в 1,3 раза, в Сибири - в 1,3 раза (в сравнении с 1909 годом в 1,6 раза). В 1916 году в двух регионах: Европейской части и в Сибири - темпы сокращения вновь сопоставимы, в сравнении с 1907 годом, и составили 1,8 раза в Европейской части и в 1,3 раза в Сибири (в сравнении с 1909 годом в 1,6 раза). В то время как на Кавказе в 1916 году темпы сокращения были более значительными: количество отделов сократилось в 1916 году, в сравнении, с 1907 годом в 2,6 раза.

При этом «наполняемость» административно-территориальных единиц, в которых действовали черносотенцы, к общему числу таких единиц в трёх вышеперечисленных регионах была различна. В Европейской части России в 1907 году черносотенцы действовали в 90% губерний, в Сибири в 36,4%, на Кавказе в 57,14%. В 1915 году это соотношение сократилось и составило 64 % в Европейской части, в Сибири 27,3 %, на Кавказе 42,86 %. В следующем 1916 году, в Европейской части черносотенные организации зафиксированы в 50 % губерний, в Сибири соотношение не изменилось с предыдущим 1915 годом - 27,3%, на Кавказе - сократилось вдвое - 21,43 %. Приведённые выше данные свидетельствуют, что в Европейской части России, наряду с абсолютным большинством организаций действовавших

в империи, «наполняемость» губерний, в которых действовали черносотенцы, к их общему числу в регионе была самой высокой, за ней следовал Кавказ, а затем Сибирь. При этом в Сибири количество организаций, зафиксированных нами в регионе, оказалось, за исключением 1911 года, больше, чем на Кавказе.

Проанализировав данные таблиц № 18 и № 19, мы выяснили очевидное: большинство черносотенных организаций действовало в Европейской части России. Попытаемся более дифференцированно проанализировать динамику территориального размещения правомонархических формирований по различным регионам Европейской части России. На наш взгляд, таких регионов можно выделить восемь.

Таблица №20.

Динамика численности правомонархических организаций в различных регионах Европейской части России с июня 1907 - по февраль 1917 года.

Регион	Тип организации	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	9	8	8	8	8	7	5	5	4	3	2
	2) уездная	38	15	10	10	8	8	8	3	3	2	1
	3) сельская	36	6	7	7	12	5	5	3	1	2	-
	4) др. насёл. пункты	4	4	4	4	5	3	2	1	-	-	-
	Всего	**87**	**33**	**29**	**29**	**33**	**23**	**20**	**12**	**8**	**7**	**3**
Европей-ский Север (3 губ.)	1) губернская	2	1	2	2	2	2	2	2	1	1	1
	2) уездная	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) сельская	11	1	1	1	-	-	1	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**16**	**2**	**3**	**3**	**2**	**2**	**3**	**2**	**1**	**1**	**1**

Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	3	2	3	4	5	5	5	4	3	1	1
	2) уездная	20	7	6	7	7	6	6	5	4	1	-
	3) сельская	34	12	-	2	1	4	4	5	2	1	-
	4) др. насёл. пункты	1	-	-	1	1	-	1	1	-	-	-
	Всего	**58**	**21**	**9**	**14**	**14**	**15**	**16**	**15**	**9**	**3**	**1**
Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	9	10	10	10	9	8	5	5	4	4	-
	2) уездная	54	26	26	28	29	32	18	10	8	7	-
	3) сельская	1433	27	96	26	46	52	159	76	15	8	1
	4) др. насёл. пункты	21	7	8	8	9	8	3	5	3	1	1
	Всего	**1517**	**70**	**140**	**72**	**93**	**100**	**185**	**96**	**30**	**20**	**2**
Северо-Западный район (3 губ.)	1) губернская	2	1	1	1	1	2	1	1	1	1	-
	2) уездная	10	4	4	4	3	2	1	1	-	-	-
	3) сельская	7	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	4) др. насёл. пункты	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
	Всего	**20**	**9**	**5**	**5**	**5**	**4**	**2**	**2**	**1**	**1**	-
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	3	4	5	5	6	5	4	3	3	2	-
	2) уездная	5	3	4	5	4	6	3	3	2	2	-
	3) сельская	5	-	1	3	3	49	7	4	1	-	-
	4)др. насёл. пункты	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**15**	**7**	**10**	**13**	**13**	**60**	**14**	**10**	**6**	**4**	-
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	5	5	5	6	5	5	5	5	5	4	2
	2) уездная	10	7	8	7	8	5	7	5	4	5	1
	3) сельская	255	12	16	14	29	27	53	22	11	8	4
	4)др. насёл. пункты	1	1	1	1	1	5	4	-	-	-	-
	Всего	**271**	**25**	**30**	**28**	**43**	**42**	**69**	**32**	**20**	**17**	**7**
Урал (4 губ.)	1) губернская	4	2	2	2	2	1	1	1	-	-	-
	2) уездная	10	5	5	5	6	3	4	1	-	-	-
	3) сельская	29	4	4	6	6	3	6	4	1	-	-
	4) др. насёл. пункты	4	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
	Всего	**47**	**11**	**11**	**13**	**15**	**7**	**11**	**6**	**1**	-	-

Приведенные в таблице № 20 данные дают основание утверждать, что во всех без исключения регионах Европейской части России шёл постепенный, часто волнообразный, но всё-таки определенно выраженный спад численности партийных организаций правомонархистов. Это говорит о том, что во всех регионах Европейской части России налицо был «тихий» организационный кризис монархических формирований. При этом в разных регионах масштабы его были различны, но, несмотря на это, наблюдаются определенные закономерности. Во всех регионах без исключения наиболее устойчивыми оставались губернские отделы, отчасти уездные. В то время как отделы, действовавшие на селе, а также в местечках, в рабочих посёлках и других небольших населённых пунктах, оказались достаточно нестабильными. Одновременно, динамика численности правомонархических организаций, представленная в таблице №20, красноречиво показывает, что, как и следовало ожидать, наибольшее количество черносотенных отделов и подотделов было создано и действовало в регионах со смешанным населением, прежде всего в черте еврейской оседлости, то есть в 15 губерниях Западной и Юго-Западной окраин империи, где национализм и ксенофобия черносотенцев распространялась также и на поляков, которые представляли здесь в основном помещичий класс. Поэтому вполне объяснимо, что на фоне разжигаемых черносотенцами у местного населения национализма и ксенофобии наибольшее количество монархических организаций возникло именно здесь. Причём район наибольшего распространения черносотенной идеологии был ограничен и охватывал территорию Волынской, Подольской и частично Киевской и Бессарабской губерний. Причины данной территориальной плотности достаточно полно и логично изложил современный российский исследователь истории черносотенства С.А. Степанов: «История этих земель, - пишет он, - изобиловала драматическими событиями: завоеваниями, перекраиванием границ,

освободительным движением против польских магнатов, украинской старшины, русских помещиков. Местное население пережило религиозные преследования, католическую и униатскую пропаганду. Сочетание крупного польского землевладения с малоземельем крестьян, богатого купечества “черты оседлости” с нищетой простонародья привело к тому, что классовые, национальные и религиозные противоречия сплелись здесь в тугой узел»[230].

Действительно, лучше всего подтверждают причины огромного влияния черносотенных идей в этом регионе данные, представленные в таблице № 20 за 1907 год. Из них видно, что абсолютное большинство организаций было сосредоточено именно в этом регионе Европейской части России - около 74 % организаций от общего числа. Причём здесь сельских отделов и подотделов оказалось в несколько раз больше, чем во всех других регионах вместе взятых, большинство этих организаций принадлежало к хорошо известному своей активной деятельностью почаевскому отделу СРН. В этом регионе было сосредоточено 78,2% сельских организаций черносотенцев от общего количества сельских организаций, действовавших в Европейской части России. Даже если иметь ввиду неточность цифровых выкладок, то разница всё равно впечатляюща и отражает объективные реальности Юго-Западной окраины империи. Определяющие, из них: национализм, ксенофобия и малоземелье крестьян. Здесь же отмечено достаточно большое количество организаций в заштатных городах и рабочих посёлках, а также в уездных городах (из 82 уездных городов этого региона черносотенные организации действовали в 1907 году в 54, что составляло - 65,9% от общего количества). В то время как второй показатель у ЦПР, где из 98 уездных городов в 1907 году черносотенцы были «замечены» в 38, что составляло 38,8 % от общего числа, что фактически на порядок ниже. В других же регионах это соотношение ещё меньше. Как уже нами отмечалось, 1907 год стал годом

наибольшего распространения черносотенных организаций в империи. Но уже в следующем, 1908 году, численность организаций заметно упала во всех регионах Европейской части России, и в первую очередь, сократилось количество черносотенных организаций на селе. Тем не менее, 9 украинских губерний и Бессарабия оставались на протяжении всего межреволюционного десятилетия регионом, где черносотенцы имели наибольшую поддержку среди населения и действовали наиболее активно.

Следующими, за Украиной и Бессарабией по степени черносотенного влияния, следуют три региона. Один из них промышленно развитый с однородно русским населением - это ЦПР - и два региона со смешанным населением - это Белорусские губернии и отчасти Прибалтика, а также Поволжье. В двух последних регионах влияние черносотенной идеологии вполне объяснимо. Здесь ставку черносотенцы делали на великодержавность, ксенофобию и национализм белорусского и русского населения регионов. Корни же черносотенного влияния в ЦПР не лежат на поверхности. Можно предположить, что распространение черносотенных взглядов среди населения ЦПР было связано с наибольшей, в сравнении с другими регионами Европейской части России, индустриализацией экономики этого района. Страх за своё будущее и будущее своей семьи, беззащитность перед наступающим новым капиталистическим миром, развал привычного патриархального общества - все эти последствия индустриализации генерировали «регрессивный» радикализм, который и стал тем фоном, с помощью которого черносотенная идеология проникала в сознание народных масс данного региона. Косвенным подтверждением этого утверждения может служить достаточно значительное и, что важно отметить, стабильное, в сравнении с другими регионами (исключая Украину и Бессарабию), количество монархических отделов, действовавших в рабочих посёлках. К примеру, в 1912 году, когда правомонархическое движение уже начало идти на убыль, «Союз русского

народа, - по данным осведомленного Департамента полиции,- (был – *Н.П.*) довольно силен в г.г. Иваново-Вознесенске и Коврове»[231] (промышленные центры во Владимирской губернии), в то время как в остальной губернии, в том числе и во Владимире имел «небольшие отделения»[232]. Если ещё отметить тот факт, что в ЦПР промышленные предприятия создавались в основном в сельской местности[233], что и без того усиливало процветавшее в регионе отходничество, то можно предположить, что негативные последствия индустриализации региона были одной из определяющих причин возникновения здесь сельских черносотенных отделов.

В третью группу входят два региона: Центрально-Черноземный район (ЦЧР) и Урал. В них влияние черносотенцев несколько ниже, чем во второй группе регионов, но, однако, сопоставимо с ним по некоторым годам.

При этом причины распространения черносотенной идеологии в этих двух регионах различны. ЦЧР в целом являлся аграрным регионом, а значит, был по преимуществу крестьянским, с сильным патриархальным укладом жизни, свойственным даже уездным и, отчасти, губернским городам. Отсутствие национальных меньшинств как раздражающего фактора для проявлений национализма заставляло местных черносотенцев, думается, использовать консерватизм традиционного патриархального сознания и различные виды депривации для распространения черносотенства в регионе. Однако аграрный радикализм крестьянства противодействовал, на наш взгляд, созданию здесь стабильных и дееспособных правомонархических организаций, что как раз и отложилось в таблице №20. Несколько иные мотивы для распространения черносотенной идеологии были на Урале, а именно: разрушение традиционного патриархального общества индустриализацией региона в переплетении с отягчающими рецидивами крепостничества на местных предприятиях[234].

И, наконец, к последней четвертой группе регионов можно отнести Европейский Север и Северо-Западный район (СЗР) без Петербурга. Этих регионов достаточно слабо коснулась индустриализация, а уж о национальном вопросе и говорить не приходится, он здесь попросту отсутствовал. В результате в этих регионах нами выявлено наименьшее количество черносотенных организаций, которые после спада черносотенной активности в 1907 году функционировали в основном в губернских и уездных городах. А на Европейском Севере почти исключительно в губернских городах.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что Европейская часть России в межреволюционное десятилетие была регионом, где действовало подавляющее большинство правомонархических организаций. Одновременно в Европейской части России были регионы, в которых монархисты действовали наиболее активно, и регионы, в которых черносотенные идеи не получили большого распространения. Причины этого явления мы подробно рассматривали, если же систематизировать их, то получится следующая картина. Во-первых, национализм и ксенофобия были в большей степени свойственны черносотенцам, действовавшим на Украине и в Бессарабии, в Белоруссии, а также в Поволжье. Во-вторых, негативные последствия модернизации экономики России больше всего проявились в таких индустриально развитых регионах как ЦПР, Урал, Украина (в основном левобережная и южная её части). В-третьих, наиболее остро аграрный вопрос стоял на Украине и в Бессарабии, в Поволжье, в ЦЧР и в Белоруссии.

Как видно, регион, состоящий из девяти украинских губерний и Бессарабии, фигурирует во всех трёх пунктах, и именно эта совокупность причин привела здесь к наибольшему распространению черносотенных идей. Поволжье и Белоруссия фигурируют в двух из трёх пунктов, и, как результат, здесь отмечена более активная по сравнению с другими, кроме

Украины и Бессарабии, регионами деятельность монархистов. ЦПР и Урал «отмечены» в одном из трёх пунктов, и, как следствие, влияние черносотенных идей на население здесь несколько ниже, чем в двух первых категориях регионов.

Для Европейского Севера и Северо-Западного района (кроме Петербурга и окрестностей) эти причины не играли определяющей роли, вот почему черносотенная идеология здесь не получила широкого распространения.

В целом, говоря о территориальном размещении и динамике организационных структур правомонархических формирований, акцентируем внимание на следующем: во-первых, монархисты не сумели создать единой партии. Вместо этого в империи действовало в межреволюционный период более десятка формирований, самыми крупными из которых были СРН и РНС имени Михаила Архангела. Организационно все правомонархические формирования представляли собой достаточно рыхлые и не стабильные во всех отношениях образования, что негативно отразилось на дееспособности их местных отделов, а, следовательно, опосредованно и на количестве монархических организаций, функционировавших в межреволюционное десятилетие.

Во-вторых, анализируя территориальное размещение правомонархических формирований, был выявлен регион, в котором черносотенцы действовали наиболее активно, это - Европейская часть России. Именно здесь было сосредоточено большинство монархических организаций. В-третьих, на основе динамики численности партийных организаций удалось выявить регион в Европейской части России, где правые действовали особенно активно. Это Украина и Бессарабия. В-четвёртых, нам удалось обнаружить следующую закономерность. С одной стороны, на протяжении всего межреволюционного десятилетия, наибольшее число правомонархических организаций, причём с достаточно

широкой амплитудой колебания, действовало в сельской местности, с другой - наиболее стабильными являлись местные отделы, функционировавшие прежде всего в губернских, отчасти в уездных городах. В-пятых, динамика численности партийных организаций правомонархических формирований в изучаемый нами период подразделяется на три чётко выраженных этапа. Первый - это резкий спад численности организационных структур монархистов на рубеже 1907-1908 годов, второй - этап стабилизации, длившийся с 1908 года до начала Первой мировой войны. Третий этап характеризовался из года в год нарастающим кризисом организационных структур правомонархистов по всей партийной вертикали. По времени он длился с начала Первой мировой войны до февральской революции 1917 года.

Анализ динамики организационных структур и территориального размещения правомонархических формирований через призму их организационного кризиса показал, что в межреволюционное десятилетие правомонархическое движение находилось на этапе внутреннего размежевания и создания ряда политических партий, продолжавших действовать в рамках этого движения. По существу, это был объективный процесс, который ранее уже прошли социалисты и либералы.

Одновременно политическая ситуация в стране в межреволюционное десятилетие складывалась не в пользу монархистов, ибо самодержавие в России оказалось неспособно к саморазвитию в новых исторических условиях, а правые, сделав ставку на царизм, вынуждены были сойти с политической арены России вместе с монархией Романовых после февральской революции 1917 года.

Глава III. Организационная структура и динамика численности политических партий

§ 1. Социалистические партии

К исходу революции 1905-1907 годов у двух самых многочисленных и влиятельных леворадикальных партий России - социал-демократов и социалистов-революционеров - на местах в основном сложилась довольно чёткая организационная структура, различавшаяся между собой лишь незначительными деталями.

Вся территория Российской империи было поделена функционерами РСДРП и ПСР на крупные территориально-региональные единицы - Областные организации (союзы), охватывающие несколько губерний. Во главе Областной организации находился комитет, основная задача которого заключалась в координации деятельности партийных организаций данного региона.

В губернии действовала губернская партийная организация, во главе которой находился губернский комитет, контролировавший и направлявший всю партийную работу в масштабах данной губернии. В рамках губерний РСДРП и ПСР создавал низовые партийные структуры. В идеале партийная организация в губернии должна была выглядеть следующим образом. Губернскому комитету подчинялись партийные группы из партийных районов губернского города и уездных городов, те, в свою очередь, стояли во главе непосредственно организаций на местах. В низовую организацию входили партийные ячейки - студенческие и рабочие кружки, сельские организации (например, крестьянские братства у эсеров). Низовые ячейки создавались по профессиональному признаку: объединение студентов одного учебного заведения, крестьян одного/одной

или нескольких сел и деревень, рабочих одного цеха или завода/фабрики. При этом следует учитывать, что РСДРП и ПСР были нелегальными партиями, преследуемыми властями. Поэтому и социал-демократические и эсеровские организации могли действовать на местах, лишь соблюдая режим строжайшей конспирации.

Однако на деле деятельность местных организаций РСДРП и ПСР протекала, мягко говоря, иначе. Во-первых, поражение революции 1905-1907 годов привело к усилению борьбы репрессивных государственных органов с «революционной крамолой». Департамент полиции и его структурные подразделения приступили к планомерной ликвидации организационных структур РСДРП и ПСР. Во-вторых, задачу Департамента полиции облегчало то обстоятельство, что социал-демократические и эсеровские партийные структуры были, в буквальном смысле слова, наводнены полицейской агентурой, а члены партийных организации нередко сами грешили доносительством[1]. В условиях постоянного полицейского преследования нелегальные организации могли существовать только при наличии в ней некой идеологически стойкой, морально непреклонной цементирующей основы. Такой основой в нелегальных партийных организациях были революционеры-профессионалы. Их было сравнительно немного, и они в большинстве случаев находились на нелегальном положении.

Вместе с тем в партийных рядах было много интеллигентов, которые не являлись профессиональными революционерами. Они работали в низовых партийных организациях (кружках и группах) агитаторами, через них осуществлялась связь кружков с комитетами, члены которых не были известны партийной массе. Такая структура, по мнению леворадикалов, позволяла действовать конспиративно.

Таким образом, по вертикали структура социал-демократических и эсеровских организаций выглядела следующим образом: комитет, членами

которого были профессионалы-революционеры, находившиеся на нелегальном положении; партийные агитаторы-интеллигенты, работавшие в низовых ячейках; студенты, рабочие, крестьяне - члены партийных ячеек. Из них только профессионалы считали себя носителями революционной идеи, ставившими целью своей жизни беспощадную борьбу с самодержавием за лучшее, в их понимании, будущее для «своего народа». Осознание своей причастности к «историческим событиям» позволяло им несколько снисходительно относиться не только к рядовой партийной массе, но в какой-то мере и к верхам леворадикальных партий. Это подметила и Н.К. Крупская: «Комитетчик был обычно человеком довольно самоуверенным: он видел, какое громадное влияние на массы имеет работа комитета; “комитетчик”, как правило, никакого внутрипартийного демократизма не признавал; “комитетчик” всегда внутренне презирал немного “заграницу”, которая с жиру бесится и склоки устраивает: “посадить бы их всех в русские условия”. ...Вместе с тем он не хотел новшеств. Приспосабливаться к быстроменяющимся условиям “комитетчик” не хотел и не умел»[2]. Такой тип «комитетчика» был свойственен обеим леворадикальным партиям. Одним из негативных последствий этого было частое игнорирование мнения рядовых членов ячеек и их интересов, что, разумеется, вызывало в рядах низовых организаций явное недовольство. Эту особенность поведения комитетчиков подтверждает и Департамент полиции. «В середине мая (1907 года – *Н.П.*) между (социал-демократическим Самарским – *Н.П.*) комитетом и рабочими возникли недоразумения из-за того, что комитет не оказывал помощи безработным членам организации, почему и рабочие отказались вносить членские взносы, а затем на одном из собраний внесли порицание Исполнительному Комитету за его бездеятельность»[3]. Кстати, также пренебрежительно вели себя комитетчики с агитаторами-интеллигентами. «На все мои просьбы вы не обращаете никакого

внимания. Вы не только не помогли мне, - сокрушался эсеровский агитатор в письме из Черкасс в Киев,- но прямо тормозили работу; вы требовали от меня много, ничего не давая. Организация, благодаря халатному отношению “высших” всё падала, больше я не в силах остановить её полное разрушение»[4]. И подобного рода признания довольно часто встречаются в перлюстрированных Департаментом полиции письмах.

Что же касается агитаторов-интеллигентов, то они были простым передаточным звеном различных постановлений и решений верхних партийных инстанций в ячейки, совмещая эту работу с пропагандой социалистических идей. С другой стороны, только на их энтузиазме держалась работа в низовых ячейках. Как только агитаторы по какой-либо причине (арест или выход из организации) прекращали работу в партийных кружках, деятельность их прекращалось. Более того, сама организация начинала разваливаться. Даже в таких крупных и сильных социал-демократических организациях, как Екатеринославская и Тифлисская, без агитаторов работа в организациях замирала. «Здесь после провала ничего нет», - писал 1 июня 1907 года комитетчик из Екатеринослава в Одессу. – «Теперь будто налаживается и уже избран коллектив у партийцев и у нас», - впрочем, далее он продолжал не так оптимистично. - «Среди агитаторов не вижу ни одного способного, способные ушли. ...В сравнении с прежним, теперь организация - это склеп»[5]. Из Тифлиса в августе 1907 года сообщали в Баку: «Общая вялость отражается и у нас; вяло собирается район, вяло созываются ячейки. Идейной работы до самого последнего времени не было: многие ячейки не видели пропагандистов по 6 месяцев, так что кое-где появились угрожающие признаки ...никогда еще не было в организации такого отсутствия сил, как сейчас. ...Да, дела плачевны. Работать тяжело, полнейшее отсутствие пропагандистских сил»[6]. Если в таких крупных

организациях их деятельность зависела от агитаторов, то организации на уездном уровне вообще находились на грани развала. «Сейчас чувствуется нужда в силах - интеллигенты отвернулись, и наша молодая ещё организация осталась без сил и руководителей»[7]. - писал социал-демократ из Тульчина, небольшого городка в Подольской губернии в конце мая 1907 года в Киев.

В деревне дела обстояли ещё хуже. Без агитаторов работы в низовых ячейках просто прекращалась. «Успеху работы много вредит недостаток руководителей-интеллигентов. Без них, - сообщал корреспондент эсеровской газеты «Земля и воля» из Курской губернии,- крестьяне в большинстве случаев ещё не умеют вести дела»[8]. Ему вторил эсер из Казани, жалуясь в своём письме в Саратов в апреле 1908 года на вынужденную бездеятельность из-за погоды. «Деревенская (деятельность – *Н.П.*) пока не может быть начата по случаю распутицы»[9].

Вполне понятно, что без «направляющей и руководящей» силы комитетчиков, без работы агитаторов-интеллигентов в партийных ячейках, местные социал-демократические и эсеровские организации не могли функционировать. Это весьма чётко осознавал и Департамент полиции, выбрав основным направлением наблюдения за деятельностью местных организаций леворадикальных политических объединений и анализа полученной информации именно партийные комитеты и связанных с ними партийных пропагандистов, считая, что при ликвидации комитетов деятельность партийных организаций на местах будет парализована. И это было правдой. «Произведёнными в марте и апреле сего года (1907 – *Н.П.*) арестами, - сообщал Исполняющий должность Начальника Самарского Губернского жандармского управления в Департамент полиции от 16 августа 1907 года, - видных членов Исполнительного и Районных комитетов Самарской организации Российской социал-демократической партии деятельность этой организации почти прекратилась»[10]. Ликвидация

комитета повлекла за собой и затухание деятельности местной социал-демократической организации, о чём с горечью писал в июле 1907 года в Париж самарский нелегал: «У нас в Самаре дела совсем скверные ...работников совсем нет, ...и если где ещё чуть тлеется работа, то это среди солдат, где почва благодатная, но использовать эту почву как следует нельзя вследствие отсутствия сил»[11].

К таким же плачевным последствиям приводила ликвидация комитетов и местных эсеровских организаций. Как только в ночь с 15 на 16 декабря 1907 года Департамент полиции разгромил эсеровский комитет Казанской организации, арестовав 18 человек комитетчиков и агитаторов, как деятельность организации сразу прекратилась. «А что теперь творится. Везде и всюду идут повальные обыски, - ощущая чувство беспомощности, писал 27 декабря 1907 года в Баку, уцелевший от ареста комитетчик, - везде провалы, везде замечается замерзание и инертность ...15-го арестовали 6 эсеров, а 16-го 12 человек»[12]. Удар по организации был, по-видимому, настолько ощутимым, что и через месяц её деятельность не была восстановлена. «Живу больше надеждами, будущим, - делился своими нерадостными мыслями казанский эсер в письме от 1 февраля 1908 года к нижегородскому однопартийцу, - так как в Казани вообще настоящее не существует: сегодня построили, завтра разрушили. Из строителей осталось всего несколько человек, которым невозможно повернуться ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Где былое величие Казанской организации? Его нет. Никак не успеваем опомниться от той грандиозной посадки, которая произошла между 15-16 декабря»[13].

А что же члены ячеек - интеллигенция (в основном студенчество), рабочие, крестьяне? Из этих трёх социальных групп особо активно вступала в леворадикальные партии интеллигенция. А во время наивысшего подъёма революции она не просто хлынула в партии, а явилась инициатором создания ячеек. Так, Е.К. Брешко-Брешковская,

вернувшаяся в Россию в апреле 1905 года, посетив Поволжье, радовалась: «Приехала я точно в новую среду. Города опустошены, точно разгромлены. Вся молодежь в деревнях»[14]. Ясное дело, что наплыв интеллигенции в леворадикальные организации вызван был не только политическими и морально-нравственными мотивами[15]. Участие в работе местных партийных организаций предполагало определенную свободу действий. На этот факт обратил внимание Ю. Мартов, говоря о Санкт-Петербургской организации РСДРП в 1905 года. «Массовый прилив интеллигенции к партии, - считал он, - обусловливался большей приспособленностью форм её организации к условиям быта интеллигентов по сравнению с рабочими (больший досуг и возможность затрачивать значительное количество времени на “конспирацию”, жизнь в центральных частях города, более благоприятных для ускользания от надзора»[16].

Конечно, во время социальных потрясений 1905-1907 годов, когда народная ярость, помноженная на ненависть: крестьян к помещикам, рабочих к «буржуям», интеллигенции к самодержавию, «вскипала как волна», ряды леворадикальных организаций возросли стремительно. По оценкам исследователей, в 1905-1907 годах численность партий колебалась от 26,5 тысяч человек летом 1905 года до 100 тысяч летом 1907 года у РСДРП[17], и чуть более 65 тысяч человек в конце 1906 - начале 1907 года у ПСР[18]. «1905-1906 гг. - с каким бывало удивлением и радостью мы, избалованные уже успехами, неожиданно встречали целые с.-р.-вские организации там, где даже не подозревали партийных людей»[19]. - восторгался видный эсер Н.Д. Авксентьев, вспоминая то время.

Но как только революция пошла на убыль, то эти организации начали исчезать, как мираж. Вполне понятно, что развалу партийной периферии на фоне полицейских репрессий способствовало, с одной стороны, отсутствие легальных возможностей для функционирования

организационных структур РСДРП и ПСР, с другой послереволюционная усталость населения от «встряски» и как следствие - политическая апатия. Определенную роль, несомненно, сыграло и разочарование населения политикой леворадикалов. «У нас нет никаких сил и не видим никакой пользы терять последние силы и энергию, - сетовал один из социал-демократов в своём письме из Екатеринослава в Санкт-Петербург в марте 1908 года, - Находим, что лучше переждать до более удобного времени и собраться силами»[20]. Ему вторил коллега по партии из города Двинска Витебской губернии. «В деревне говорят, дела идут туго, - сообщал он в Москву о новостях, полученных из Симбирска летом 1907 года, - крестьяне гонят, говоря, что “мы всё это уже знаем, расскажите, что делать”»[21]. К тому же в критический момент для леворадикальных формирований интеллигенция сама стала в панике покидать местные организации. Об этой горькой тенденции для РСДРП и ПСР на исходе революции писал из Казани в Одессу в феврале 1908 года эсеровский функционер. «Интереса к политической жизни у студенчества нет никакого: все превратились в обывателей и живут исключительно личной жизнью. Ты пишешь, что в Одессе много в партийной жизни отрицательных явлений, ...что разочаровались в ближайшее время получить что-нибудь, многие интеллигентские силы отхлынули от партий. И партии теперь бедны людьми интеллигентными, энергичными и преданными делу»[22].

Кроме того, население стало просто бояться полицейских репрессий: возможности потерять работу, оказаться поднадзорными и других негативных последствий. Этот страх заставлял радикальную интеллигенцию, рабочих, крестьян отказываться являться на собрания низовых ячеек[23]. Началось ничем не сдерживаемое бегство из первичек, что повлекло за собой тяжёлые последствия для местных партийных организаций РСДРП и ПСР. Наряду с арестами профессиональных

революционеров полицией, которая методично наносила один у дар за другим по организациям леворадикалов, бегство вызвало дезорганизацию партийных структур на местах, приводило к разрыву связей по всей организационной вертикали и на всех уровнях внутрипартийной организации (губернский комитет - уездные, окружные, городские (районные) группы - первичные партийные ячейки), организаций друг с другом, местных организаций с ЦК и другими руководящими органами обеих политических партий. Приведём только один типичный пример разрыва структурной связи между организациями леворадикальных партий.

Из одной из самых сильных в России Екатеринославской организации РСДРП (что уже показательно) сообщали в середине августа 1908 года в Москву: «Ни с Подольском, ни с Тулой связей у нас не имеется. С Москвой же у нас переписки давно не было»[24]. А связь социал-демократов, действовавших в России, с руководством партии, находившимся в эмиграции, была почти полностью прервана. «Мы не имеем никаких сведений о состоянии партийных организаций на местах, - признавалась в письме, отправленном из Женевы в Одессу в начале мая 1908 года редакция газеты «Голос социал-демократа». - Мы не знаем даже, доходит ли до Вас “Голос социал-демократа”. Вы не представляете себе, насколько скудны наши сведения о том, что делается в области рабочего движения в России»[25].

Эсеровское руководство признавалось на I общепартийной конференции ПСР, состоявшейся в августе 1908 года, что «ЦК лицом к лицу» оказалось «с неспаянными между собою организациями отдельных городов, находящимися в нерегулярных сношениях с собственно массовыми организациями и растерявшими значительную часть связей с этими организациями. ...Такое положение вещей угрожало полной изоляцией ЦК от значительной части партии»[26]. Правда, ко времени

проведения конференции, по мнению ЦК, положение несколько улучшилось. «Мы, по крайней мере, не парализованы, как несколько месяцев назад»[27].

«Складывая» все вышеперечисленные трудности, с которыми столкнулись леворадикалы в сохранении своих организаций в межреволюционной России в некое единое «мозаичное панно», становится ясно, что организационная структура леворадикалов на исходе революции 1905-1907 годов разваливалась достаточно интенсивно. Впрочем, темпы и масштабы развала можно себе домыслить в зависимости от степени воображения, однако общее направление ясно: стремительное сокращение организационных структур в губерниях, имплозия местных организаций РСДРП и ПСР до небольших групп революционеров-профессионалов. Сохранившиеся, таким образом, немногочисленные комитеты и первички, в большинстве своём, оказывались часто лишены связи с другими структурными подразделениями организации, и их деятельность была, по сути, законсервирована, так как они не могли себя проявить. В первую очередь, усилиями Департамента полиции организационная структура обеих леворадикальных партий оказалась атомизирована и практически парализована вскоре после поражения революции 1905-1907 годов. Этот организационный кризис оказался столь глубоким и затяжным, что на протяжении всего межреволюционного десятилетия обеим политическим партиям не удавалось, несмотря на неоднократные попытки, реанимировать деятельность своих местных организаций. Некоторое представление о масштабах разыгравшейся катастрофы для организационных структур леворадикалов на местах даёт в своём письме из Казани в конце августа 1907 года местный социал-демократ. «Казанская Окружная Организация скончала дни свои. На Урале работает двое моих старых товарищей, и дело движется, насколько могут двое обслужить весь Уральский хребет. В Прикамье и на Вятке работа ведется благодаря

участию некоторых старых товарищей. ...С.-Р. (эсеры – *Н.П.*) находятся в более худшем положении и кое-где совершенно исчезают с политического горизонта. Центральный (Московский) район топчется на бойкоте. В Питере организация настойчиво рекомендует всем членам вступить в кооперативы. В провинции пробавляются немногими уцелевшими от разгромов и апатии силами, но они поистрепались, а на смену к ним никто не приходит, наоборот, замечается усиленное бегство. Работа среди крестьян, за редчайшими исключениями, почти не ведётся. Мещанские организации существуют, по известиям, только в Самаре, Сарапуле, Екатеринодаре»[28]. Так что, как мрачно заметил эсеровский комитетчик из Рязани в своём письме в Цюрих от 29 января 1908 года: «Рассчитывать на быстрый коренной поворот к светлому будущему у нас в России невозможно. Всё пока глохнет и вянет»[29].

Прямым следствием развала организационных структур на местах на исходе революции 1905-1907 годов стало резкое сокращение численности организаций РСДРП и ПСР. Так, эсеры на страницах газеты «Знамя труда» №8 в 1907 года признавались: «Наши организации и без того во многих местах представляют собою развалины. Полицейские опустошения и отлив разочарованных или усталых ограничил численность активных работников, ...понизился уровень требований от членов организации ...общение между различными частями организации слабое. ...Открылись незащищенные места организации: полицейская агентура, ловя момент, поспешила устремиться в бреши, чтобы изнури подтачивать её. Провалы стали следовать за провалами. Масса обслуживалась слабо, связи заводились, возобновлялись и снова обрывались. О полноте комитетских функций становилось смешно и мечтать. Число организованных рабочих или крестьян понизилось, ...организации всё меньше и меньше охватывали массу, следовательно, фактически становились закрытыми для последней. ...Общим правилом становилась крайняя текучесть, неустойчивость, а

отсюда и случайность этого состава (руководящего – *Н.П.*). ...С другой стороны, все больше начинает сказываться понижение уровня работников»[30]. О сходных процессах дезорганизации в рядах РСДРП писал жандармский генерал А.И. Спиридович: «Систематические аресты партийных деятелей, равнодушие к столь популярной ещё так недавно революционной работе со стороны рабочих, массовое бегство из партии интеллигенции, - всё это вело к тому, что местные организации распадались, славившиеся же не так давно своею организованностью и крепостью комитеты хирели»[31]. Такое положение дел в РСДРП подтверждали и сами социал-демократические функционеры. К примеру, один из них признавался на страницах «Социал-демократа» в 1910 году, скрывшись за инициалом «К.», что «там, где имеются партийные организации, то они по большей части представляют собой замкнутые кружки»[32].

Попробуем разобраться, что же происходило в организациях леворадикалов на исходе революции 1905-1907 годов? Вполне понятно, что в условиях третьеиюньского режима динамика численности партийных структур РСДРП и ПСР зависела, в первую очередь, от участия их потенциальных сторонников в первичных организациях. Однако они (сторонники) попали под жёсткое психологическое давление со стороны репрессивных государственных органов. Поэтому ни рабочие, ни крестьяне, ни даже радикальная интеллигенция не захотели принести свою жизнь на алтарь революции. «Интеллигенция, - как признавался социал-демократ в своём письме в «Правду» в 1910 году, - частью совершенно ликвидировала свою связь с рабочим движением и занялась личными делами, частью же и сама находится в положении, аналогичном положению рабочих, “утеряла” старую тактику, не может приспособиться к новым условиям и, отрицая старую партию, сама не знает, каким путём создать новую. Рабочие ...придавлены всеми ужасами реакции,

административными преследованиями и провокацией ...агитация и организация в России - остаются, поэтому инертными и беспомощными»[33]. Другой социал-демократ из Екатеринослава в своём письме в Санкт-Петербург от 11 марта 1908 года высказался более определенно: «При настоящем режиме и при теперешней апатии со стороны рабочих ничего быть не может»[34].

Эсеры на I общепартийной конференции, прошедшей в августе 1908 года, также констатировали, что начался массовый исход членов первичек из ПСР, прежде всего интеллигенции, «партии это обошлось дорого», так как это было то самое время, когда «она была более всего нужна»[35].

В первую очередь обе леворадикальные партии стали покидать так называемые «попутчики/сочувствующие»[36]. Именно среди этой категории членов местных организаций оказалось достаточно много людей, страдающих психологией предательства. Речь идет о доносительстве и провокаторстве в среде интеллигенции, среди рабочих и крестьян. Причём, на исходе революции 1905-1907 годов, это становилось массовым явлением, когда ещё вчерашние «товарищи» по первичке становились доносчиками или провокаторами. Так, социал-демократ из Самары сообщал в Париж в начале июля 1907 года: «Провокация цветёт пышным цветом, работников совсем нет»[37]. А социал-демократ с Урала нарисовал картину в ещё в более мрачных тонах. «Работа идет слабо, так как заводские рабочие большей частью алкоголики, с другой же стороны, - работе мешают репрессии. Сильно развита среди рабочих и провокация; ...так, что идеи социал-демократии вырваны с корнем. Интеллигентных сил нет и нам приходится работать без отдыху, летая из одного города в другой»[38]. О «расцвете» провокации в социал-демократической среде говорил и А.И. Спиродович: «Подпольная же работа, нелегальные организации (в России – *Н.П.*) систематически разрушались розыскными органами, имевшими хорошую агентуру, начиная с самых партийных

верхов и нисходя до небольших местных организаций. ...Всё было под наблюдением партийных работников, служивших осведомителями у политической полиции и разрушалось при первом удобном моменте. …Особенно страдала от партийной измены Москва и все пункты, которые по тем или иным партийным предприятиям связывались с ней»[39]. Страдали от провокации и доносительства и эсеры. К примеру, Начальник Симбирского ГЖУ доносил в Департамент полиции в конце апреля 1907 года, что в деревне Возонах Симбирского уезда местный учитель, сельский староста и один крестьянин «собирали сходы, на которых подбивали крестьян писать приговоры в Гос. Думу об отобрании казённых и частных земель в пользу крестьян и вообще, эти лица возбуждали крестьян против правительства. ...В Буинском уезде в селениях Бурундуковской волости учитель сельской школы дер. Раково - Петр Иванов Орлов ...собирал в селениях митинги», по поводу передела земли. Все эти лица были высланы из губернии. «Что же касается крестьян, то ввиду их чистосердечного признания и *указания на учителя* (курсив – *Н.П.*) Орлова. ...Они мною к наказанию не представлены»[40].

Причины, по которым обе леворадикальные партии оказались наводнены попутчиками/сочувствующими, что придало партийным рядам аморфность и непредсказуемость поведения самих членов местных организаций, следует искать в неопределенности института членства в РСДРП и ПСР. Корни этого явления, на наш взгляд, были связаны с тем, что до революции 1905-1907 годов леворадикальные партии оставались не только малочисленными, но и замкнутыми политическими формированиями, которые при всём старании, практически, не смогли расширить границы своей деятельности за строго очерченный круг профессиональных революционеров и поэтому практически не сталкивались с таким явлением, как попутчики/сочувствующие. Всё изменилось с началом революции 1905-1907 годов. Наплыв в «дни смуты»

новых членов был для РСДРП и ПСР своего рода испытанием революцией. На волне революционной эйфории, захлестнувшей, в том числе немногочисленное партийное ядро, в местные организации стали принимать всех желающих, видимо, подспудно считая, что количество заменит качество. Это было одной из причин, из-за которой обе леворадикальные партии не определись до конца революции 1905-1907 годов с членством в своих рядах. Именно поэтому в партии практически бесконтрольно хлынули разнородные элементы, часто не понимая и не различая идеологию РСДРП и ПСР, а, склонившись к своему партийному выбору только из-за совпадения своего социального радикализма с программными требованиями одной из партий или благодаря харизме агитатора, который «больше понравился».

Таким образом, решение вопроса о попутчиках/сочувствующих в РСДРП и ПСР является, по сути, основным в решении вопроса о членстве в обеих леворадикальных партиях и, в конечном счете, в определении вектора развития динамики численности РСДРП и ПСР в межреволюционный период. Вопрос, кого считать членом организации (в основном первичек) довольно сложен и, на наш взгляд, не имеет однозначного ответа[41]. В прочем, с большой долей уверенности можно сказать, что большинство членов первичек являлись попутчиками/сочувствующими и вряд ли их вправе считать членами партии, ибо это были люди, не выбравшие четкую политическую позицию и не воспринявшие социал-демократическую или эсеровскую идеологию. В этой связи уместно спросить, почему это произошло? Ответ следует искать в менталитете тех социальных слоев, из которых рекрутировались новые члены первичек и, в первую очередь, в мотивах их вступления в леворадикальные партии. Это позволит понять также причины (в том числе и психологического плана) выхода из местных организаций РСДРП и ПСР попутчиков/сочувствующих и создаст предпосылки для нового

осмысления численности левораликальных формирований. И, прежде всего, позволит чётко отделить «верхний слой», в основном, партийных профессионалов от во много раз превышающего его «нижнего слоя», который можно определить как - объективные сторонники леворадикальных партий. Именно такое разделение помогает понять причины быстрого взлета и столь же быстрого падения после революции 1905-1907 годов, численности леворадикалов.

Как мы уже отмечали, ни рабочие, ни крестьяне, ни даже радикальная интеллигенция в большинстве своём не впитали в себя ни социал-демократическую, ни эсеровскую идеологию. Это признавалось и на самом высоком партийном уровне, и комитетчиками, и агитаторами на местах. Вот только некоторые из признаний, подтверждающие вышесказанное утверждение. На первом съезде ПСР (декабрь 1905 - январь 1906 года) его делегаты откровенно заявляли, что «сама жизнь давно толкала к признанию: никаких социализмов у мужика нет и не было никогда»[42]. Другой делегат заявил: «Доклады с мест о положении работы среди крестьянства показали, как ничтожны наши связи в деревне ...Мы не обладаем достаточными силами для руководством движения». И далее последовало откровенное признание: «Сознательно или бессознательно, но мы смешиваем предстоящее крестьянское движение из-за куска хлеба, из-за куля овса, из-за поленицы дров - с социальной революцией»[43]. И позже, в 1908 году, казанский эсер писал о том же своему однопартийцу: «Что программа С.-р. (эсеров – *Н.П.*) жизненна, и это показывает деревня, я не могу сказать, потому что где же деревне знать их программу всю в целом», - и чуть ниже добавляет, видимо, имея в виду членов крестьянских братств. – «Сознательные же здесь настроены в духе с.-р.»[44]. Курский эсер, продолжая тему «крестьянство и идеология», расставляет более точные акценты: «Успеху работы много вредит недостаток руководителей-интеллигентов. Без них крестьяне в большинстве случаев ещё не умеют

вести дела»[45]. Впрочем, невосприимчивость крестьян к эсеровской идеологии сохранялась до февральской революции и после неё. Не зря эсер С. Маслов в своей книге «Социалистическая партия, её значение и политическая организация крестьян», изданной в Петрограде в 1917 году, признавал: «Сначала крестьянская масса будет плохо понимать, о чём они (эсеры – *Н.П.*) говорят. ...Сначала масса будет то посмеиваться над ними, то горячо возражать им». Когда же эсеру-агитатору удастся сагитировать 1-2 «товарищей по думам и стремлениям» и создать «основное ядро» первички, то дальше численно расширять её С. Маслов не советует, призывая «в самой группе лучше обойтись без этих р ы х л ы х (разрядка С. Маслова – *Н.П.*). Количественно группа должна непременно расти, но надо приложить все усилия, чтобы она не опускалась по качеству», советуя держать «сочувствующих» около группы. Естественно, что «группе придётся первоначально работать в трудных условиях. Ей придется вынести много насмешек, брани, возражений»[46].

Социал-демократы, в основном работавшие среди рабочих, после революции 1905-1907 годов также признали их невосприимчивость к идеологии РСДРП. В резолюции, принятой V общероссийской конференцией РСДРП, проходившей в последних числах декабря 1908 года, говорилось: «Торжество контрреволюции в данный момент создает временное равнодушие к партии в среде революционно настроенных, но в социалистическом отношении малосознательных рабочих»[47]. То, что среди рабочих преобладал социальный радикализм, а не идеология леворадикалов, говорят и многочисленные случаи перехода рабочих из первичных организаций РСДРП в эсеровские первички и наоборот. Приведём лишь один типичный пример. Социал-демократ писал из Москвы в город Туринск Тобольской губернии в середине июля 1908 года: «В некоторых местах рабочие говорят, что с.-д. (социал-демократы – *Н.П.*) недостаточно революционны, а потому мы же пойдем к с.-р. (эсерам –

Н.П.) (конечно, это говорят очень несознательные), - поспешил заметить эсдек, но дальше признается, - но в общем, чего-то не хватает в организации. Наши лидеры говорят, что сейчас приходится только хранить связи и больше ничего»[48]. Впрочем, есть ещё одно, достаточно веское подтверждение того, что рабочие, входившие в первички, вовсе не безоговорочно идентифицировали себя с членством в РСДРП. Уже после октября 1917 года В.И. Ленин признал, что в большевистской партии слишком мало рабочих.

Радикальную интеллигенцию, воспитанную на идеях материализма, можно было определить по идеологическому единомыслию, воинствующему атеизму, ненависти к самодержавию, но одновременно и по политической непоследовательности, склонности к ревизии идей и поверхностью их восприятия, а также по бесконечным и часто бессмысленным спорам и дрязгам. Об этих негативных чертах интеллигенции писал казанский эсер в Петербург в марте 1908 года: «Я убедился ещё в том, что даже и 3% истинных деятелей нет. Как я верил слепо в силу и правоту, бескорыстность и искренность партии с.-р. Но когда я стал вращаться в их среде, познакомился поближе, то горько разочаровался. ...Сколько там есть лиц, совершенно не знакомых даже с программой или понимающих её совершенно превратно; затем большинство “горячих” и “фанатичных” с.-р. (какими они кажутся перед толпой) на самом деле люди совсем даже не убежденные. ...Вот что выносишь из партии, когда становишься членом её. Горько мне говорить эту горькую правду про с.-р.»[49]. Безжалостная, но правдивая характеристика интеллигенции. И это писал член казанской эсеровской организации, считавшейся одной из самых сильных и мобильных в России, что же говорить о политической грамотности и политическом самосознании радикальной интеллигенции в других, более слабых,

организациях. У социал-демократов также не всё гладко было в отношениях с интеллигенцией.

Вот только один из типичных случаев, подтверждающих легкомысленное отношение к делу и агитатора-интеллигента и интеллигентов членов первички: «После Рождества повел дело с одним из кружков человек в 16 - 17 и ...бросил», - сообщал социал-демократический оратор из горда Яренска Вятской губернии в Казань в июле 1907 года. – «Бросил потому, что публика бездельничала, недостаточно серьезно вела себя ...и в заключение мне попало письмо, коим одна девица назначала свидание одному из членов кружка на собрании ...закрыл лавочку с клятвой, что в интеллигентскую среду с пропагандой не полезу ...слишком каменистая почва»[50].

В целом, можно с большой долей уверенности утверждать, что рекрутируемые из этих трёх социальных слоев в годы революции 1905-1907 годов новые члены местных организаций становились не членами (в полном смысле этого слова) обеих леворадикальных партий, а примкнувшими к ним сторонниками, ибо, как оказалось, политическое самосознание, а, следовательно, и идеологическая идентификация среди этих слоёв были не адекватны и, как следствие этого, связанный с ними партийных выбор оставался случайным. Поэтому, говорить о том, что все члены первичек были убежденными социал-демократами или эсерами едва ли правомерно, а методология подсчета численности леворадикальных партий, в свете всего вышесказанного, на наш взгляд, должна быть подвергнута пересмотру, что позволит по новому осмыслить роль леворадикальных партий в истории дореволюционной России.

Однако если даже подойти формально к решению вопроса о численности РСДРП и ПСР, учитывая всех, кто номинально был членом первички, то и тогда следует признать, что к концу революции 1905-1907 годов большинство организаций леворадикалов в империи было

разгромлено и численность обеих партий в межреволюционный период практически была ограничена немногочисленными революционерами-профессионалами, большинство которых оказалось, выключено из активной политической жизни России. Многие были арестованы и находились в ссылке или на каторге, другие эмигрировали, оставшиеся же на свободе практически ничего не могли предпринять, ибо оказались изолированы полицией и вынужденной апатией своих потенциальных сторонников.

Таким образом, вопрос о динамике численности местных партийных организаций РСДРП и ПСР, в рассматриваемый период, остается исследовательски сложным. К тому же в нашем распоряжении, к сожалению, нет сколько-нибудь полных данных, и, прежде всего потому, что из поля зрения исследователей выпадает численность слабоорганизованных первичек леворадикалов, не сумевших объединить в своих рядах достаточного числа сторонников, не проявивших активности и просуществовавших недолго, чтобы попасть в сферу наблюдения Департамента полиции и отложиться как факт существования в его документах. Поэтому следует признать, что установить точное число членов местных организаций РСДРП и ПСР не представляется возможным, а, следовательно, и численность обеих леворадикальных партий может варьироваться в зависимости от методики подсчета и источниковой базы.

В данной работе нами систематизирована прежде всего информация о численности организаций РСДРП и ПСР, отложившаяся в Департаменте полиции, полученная на основе данных, собранных губернскими жандармскими управлениями на местах. Полученные данные о динамике численности обеих партий представлены в таблице №21.

Таблица №21

Численность РСДРП и ПСР (июнь 1907 - февраль 1917 года).

Наименование политических партий	Годы										
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max
РСДРП	1127/ 5678	1170/ 3673	818/ 1883	480/ 1632	317/ 981	332/ 1167	441/ 1049	334/ 897	194/ 538	270/ 600	291/ 295
Эсеры	3882/ 6536	5013/ 6353	1239/ 2334	569/ 1393	345/ 1053	418/ 977	381/ 805	254/ 604	201 / 375	166/ 407	77/ 82

Особенностью данных численности РСДРП и ПСР, представленных в таблице №21, является следующее обстоятельство: в орбиту наблюдения и «разработки» Губернских жандармских управлений попадали как раз те члены местных организаций, которые активно проявили себя. Эти данные являются, на наш взгляд, репрезентативными[51], дающими возможность определить основные тенденции в динамике численности обеих леворадикальных партий в межреволюционный период, ибо развал леворадикальной периферии, как мы показали, привёл к бегству рядовых членов из первичек и к сокращению их численности до численности членов губернских комитетов, уездных групп и немногочисленных агитаторов. Поэтому, вполне логичным представляется, что в условиях межреволюционного «затишья» численность местных организаций РСДРП и ПСР в целом соответствовала числу активных членов партийных комитетов и групп. Таким образом, представленные в таблице №21 данные о динамике численности РСДРП и ПСР в России почти за десятилетие, по сути, чётко проводят границу между комитетчиками и агитаторами, с одной стороны, и околопартийной массой, с другой.

Данные о численности обеих леворадикальных партий подтверждают ранее сделанные наблюдения, что уменьшение численности РСДРП и ПСР

находилось в прямой зависимости от развала партийных организаций на местах.

За неполные пять лет, с июня 1907 по 1911 год численность РСДРП уменьшилась, по максимальным данным, в 5,8 раза, а эсеров в 6,2 раза[52]. И это при том, что численность эсеров в первые годы после революции была несколько выше, чем численность РСДРП и, следовательно, сокращение численности ПСР шло более быстрыми темпами, нежели РСДРП. В последующее пятилетие численность леворадикальных партий продолжала падать. Численность РСДРП сократилась с 1912 по февраль 1917 года почти в 4 раза, а ПСР в этот же период соответственно в 11,9 раза. Таким образом, отмечалось устойчивое падение численности обеих леворадикальных партий в оба межреволюционных пятилетия.

Однако темпы падения численности РСДРП во второе пятилетие (1912-февраль 1917 года) несколько снизились по сравнению с первым пятилетием, хотя и остались достаточно высокими, в то время как уменьшение численности ПСР во второе межреволюционное пятилетие шло опережающими темпами по сравнению с и так высоким показателем падения численности в первое пятилетие: в период с 1912 по февраль 1917 года. Темпы сокращения численности ПСР увеличились почти в 2 раза по сравнению с аналогичным показателем за первое межреволюционное пятилетие. Вполне понятно, что данная тенденция сказалась и на итоговых показателях уровня падения численности обеих леворадикальных партий за весь межреволюционный период. Так, если численность РСДРП сократилась в это время приблизительно в 19,3 раза, то ПСР соответственно в 79,7 раза. Таким образом, прослеживается чётко выраженная тенденция к сокращению численности партийных организаций обеих партий. Однако, судя по оперативности, с которой леворадикалам удалось восстановить свои организационные структуры после февраля 1917 года, они смогли сохранить костяк профессиональных

революционеров (в России - комитетчиков), которые, несмотря на широкомасштабные репрессивные меры со стороны правительственных органов, сумели, минимизировав или вообще законсервировав свою деятельность в нелегальных организациях, сосредоточив её отчасти в легальных общественных и профессиональных организациях, терпеливо пережидать тяжёлые времена[53]. Об этом же говорил и жандармский генерал А.И. Спиридович: «Сохранились партийные кадры, готовые начать, когда понадобится революционную деятельность»[54]. Но и это незначительное число оставшихся на свободе активных членов РСДРП и ПСР были распространены по территории империи неравномерно. Выявить определённые тенденции активности местных леворадикальных организаций, сохранившихся в результате полицейских репрессий, позволяют изменения динамики численности обеих партий, в межреволюционной период, по регионам.

Таблица №22

Динамика численности РСДРП и ПСР по регионам

(июнь 1907 - февраль 1917 года).

Регион	Наименование политических партий	численность										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России (49губ. 1обл.)	РСДРП	5226	2434	1464	1207	670	564	820	634	394	423	194
	ПСР	2220	5804	1878	1140	779	687	655	510	233	192	72
Польша (10 губ.)	РСДРП	-	20	8	5	1	12	1	1	-	-	-
	ПСР	-	69	42	21	4	-	9	-	1	-	-
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. окр.)	РСДРП	288	898	347	434	87	206	96	176	62	82	85
	ПСР	3666	456	171	96	88	114	65	35	9	40	2

Средняя Азия (9 обл., 2 протектората	РСДРП	10	87	43	73	53	26	24	26	13	8	2
	ПСР	167	28	25	23	47	16	23	16	27	12	1
Сибирь (4 губ., 6 обл., 1протекторти Маньчжурия	РСДРП	253	136	172	133	122	111	106	81	60	41	29
	ПСР	117	199	191	123	121	73	57	37	81	30	6
Финляндия (8 губ.)	РСДРП	45	-	-	40	10	1	13	+	-	-	-
	ПСР	2	27	55	-	14	35	12	1	2	-	-

Условные обозначения в таблице №22: "+" - деятельность партийных структур на местах зафиксирована, но численность неизвестна.

Анализ динамики численности леворадикальных партий, представленной в таблице №22, показывает, что в первое межреволюционное пятилетие на региональном уровне шло интенсивное уменьшение численности организаций РСДРП и ПСР. Причём в тех регионах, в которых леворадикальные партии действовали более активно и имели достаточно широкий круг своих сторонников, численность упала значительно. К таким регионам относятся Европейская часть России и Кавказ. В Европейской части страны численность РСДРП уменьшилась в 1911 году по сравнению с 1907 годом - в 7,8 раза, а по сравнению с 1908 годом приблизительно в 3,6 раза; численность ПСР соответственно с 1907 годом - в 2,5 раза, а с 1908 годом - в 7,45 раза. На Кавказе численность РСДРП сократилась в 1911 году, по сравнению с 1907 годом - в 3,3 раза, с 1908 годом - в 10,3 раза; численность ПСР сократилась соответственно с 1907 годом - в 41,66 раза, с 1908 годом - в 5,2 раза. Во второе межреволюционное пятилетие численность первые три года (с 1912 по 1914 год) была относительно стабильна и даже повышалась у РСДРП, но,

начиная с 1915 года, численность обеих партий в Европейской части России и на Кавказе, опять резко упала, что было вызвано, на наш взгляд, началом Первой мировой войны.

Таким образом, с 1912 года численность РСДРП упала к февралю 1917 года - в 2,9 раза, а численность ПСР за тот же период - в 9,5 раза. Если даже принять во внимание, что к февралю 1917 года не все местные ГЖУ смогли предоставить в Департамент полиции сведения о численности леворадикалов на местах, то всё равно численность и РСДРП и ПСР упала значительно. За неполные десять лет численность РСДРП в Европейской части России сократилась к февралю 1917 года с июня 1907 года - в 26,94 раза, а с 1908 года - в 12,6 раза. ПСР, соответственно, в 30,8 раза с 1907 года, и в 80,6 раза с 1908 года. На Кавказе численность РСДРП в 1911 году достигла, видимо, своей критической точки и в последующие годы колебалась в рамках определенных значений, которые в РСДРП даже в 1917 году не упали ниже численности 1911 года, в то время как ПСР, несмотря на некоторый рост численности в 1912 году, связанный, видимо, с усилением политической нестабильности в империи, уже более не смогла увеличить численность своих рядов на Кавказе, которая с каждым годом всё более уменьшалась.

В других регионах России (Сибирь и Средняя Азия) численность обеих партий хотя и сокращалась, но не так интенсивно, как в Европейской части и на Кавказе. И связано это было, в первую очередь, видимо, с малой населенностью Сибири и политической апатией коренного населения Средней Азии не только к российской, но и вообще ко всякой политической жизни. Но и в этих регионах даже эта небольшая численность обеих партий значительно сократилась. В Средней Азии численность РСДРП упала с 1908 года к 1916 году приблизительно в 10,9 раза, а к февралю 1917 года - в 43,5 раза. Численность ПСР после значительного сокращения, вызванного ликвидациями 1907 года[55], в 1908

году по сравнению с 1907 годом уменьшилась почти в 6 раз, но оставаясь на протяжении следующих 8 лет (с 1908 по 1915 год) практически на одном уровне, исключая 1911 год, когда отмечено увеличение численности ПСР. Однако к февралю 1917 года численность ПСР в России упала многократно, а деятельность эсеровских организаций здесь явно затухала.

В Сибири численность леворадикалов также уменьшилась за неполные 10 лет: у РСДРП в 8,7 раза (с 1907 по февраль 1917 года), у ПСР в 33,2 раза (с 1908 по февраль 1917 года).

Говоря о численности общероссийских леворадикальных партий в Польше и Финляндии, следует констатировать, что здесь также прослеживается общероссийская тенденция к сокращению численности обеих партий. Однако в этих регионах при малой изначальной численности этих партий, процесс сокращения шёл, с одной стороны, быстрее, а с другой - не так однолинейно. Это связано, так же как и в Средней Азии, с политической апатией коренного населения регионов именно к общероссийским партиям. Таким образом, деятельность РСДРП и ПСР замыкалась военными гарнизонами да политическими эмигрантами в Финляндии.

Закономерно, что наибольшее число сторонников обеих леворадикальных партий действовало в Европейской части России. Попытаемся более дифференциально рассмотреть динамику численности по регионам Европейской части (см. таблицы №23 и №24). Это следующие восемь регионов: Центрально-промышленный (ЦПР), Европейский Север, Северо-Западный, Прибалтика и Белоруссия, Украина и Бессарабия, Центрально-Черноземный (ЦЧР), Поволжье и Урал.

Таблица №23.

Динамика численности РСДРП в Европейской части России (июнь 1907 - февраль 1917 года)

Регион	Тип организации	численность										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1) городская	350	467	435	172	88	90	102	112	35	35	31
	2) сельская	2	31	21	4	-	-	-	-	-	–	–
	3)раб. посёл.	8	63	15	-	-	-	29	43	14	10	3
	Всего	**360**	**561**	**471**	**176**	**88** .	**90**	**131**	**155**	**49**	**45**	**34**
Европей-ский Север (3 губ.)	1) городская	24	39	40	30	22	29	45	10	12	8	-
	2) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	–	-
	3)раб. посёл.	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
	Всего	**24**	**39**	**40**	**30**	**22**	**29**	**45**	**10**	**13**	**8**	-
Северо-Западный район (3губ.)	1) городская	35	32	93	57	+	-	-	10	-	19	-
	2) сельская	+	–	9	–	–	–	–	–	–	–	–
	3)раб. посёл.	–	–	-	10	-	–	–	–	–	–	–
	Всего	**35**	**32**	**102**	**67**	-	-	-	**10**	-	**19**	-
Прибал-тика и Белорус-сия (9 губ.)	1) городская	387	229	99	63	44	31	106	34	41	102	2
	2) сельская	13	+	+	–	–	+	12	–	–	–	–
	3)раб. посёл.	–	–	-	-	–	–	–	–	–	–	–
	Всего	**400**	**229**	**99**	**63**	**44**	**31**	**118**	**34**	**41**	**102**	**2**
Украина и Бесарабия (10губ.)	1) городская	242	534	375	395	273	228	292	171	126	125	72
	2) сельская	58	10	18	146	10	-	-	-	2	-	-
	3)раб. посел.	3217	54	19	14	21	-	5	–	–	–	–
	Всего	**3517**	**598**	**412**	**555**	**304**	**228**	**297**	**171**	**128**	**125**	**72**
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) городская	400	109	84	143	37	50	110	122	51	25	28
	2) сельская	6	–	-	1	-	-	-	-	-	–	-
	3)раб. посёл.	11	–	–	–	–	-	–	–	–	–	–
	Всего	**417**	**109**	**84**	**144**	**37**	**50**	**110**	**122**	**51**	**25**	**28**

Поволжье (6 губ.)	1) городская	352	363	121	67	57	59	30	57	62	50	83
	2) сельская	31	23	15	13	16	-	-	–	–	+	2
	3)раб. посёл.	15	17	15	12	14	15	6	13	7	–	-
	Всего	**398**	**403**	**151**	**92**	**87**	**74**	**36**	**70**	**69**	**50**	**85**
Урал (4 губ.)	1) городская	75	212	71	66	59	49	60	55	15	27	23
	2) сельская	–	10	–	-	-	-	–	–	–	-	-
	3)раб. посёл.	+	241	34	12	29	13	23	7	28	22	1
	Всего	**75**	**463**	**105**	**78**	**88**	**62**	**83**	**62**	**43**	**49**	**24**

Таблица №24.

Динамика численности ПСР в Европейской части России (июнь 1907 - февраль 1917 года)

Регион	Тип организации	численность										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1)городская	206	238	374	202	135	105	74	57	29	16	17
	2)сельская	21	45	26	9	–	+	–	–	-	–	–
	3) раб. посёлки	20	15	21	–	–	-	-	-	–	-	-
	Всего	**247**	**298**	**421**	**211**	**135**	**105**	**74**	**57**	**29**	**16**	**17**
Европейс-кий Север (3 губ.)	1) городская	19	48	31	41	11	12	-	7	-	-	-
	2) сельская	–	21	-	11	+	-	12	–	–	-	-
	3) раб. посёлки	–	–	-	-	–	–	-	-	–	–	-
	Всего	**19**	**69**	**31**	**52**	**11**	**12**	**12**	**7**	-	-	-
Северо-Западный район (3 губ.)	1) городская	99	221	127	8	13	5	41	14	1	11	-
	2) сельская	55	158	42	–	1	-	–	-	–	–	-
	3) раб. поселки	-	–	-	–	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**154**	**379**	**169**	**8**	**14**	**5**	**41**	**14**	**1**	**11**	-

Прибал-тика и Белорус-сия (9 губ.)	1) городская	147	195	154	61	69	68	58	40	37	39	19
	2) сельская	6	42	1	-	-	4	1	-	-	-	-
	3) раб. посёлки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	**153**	**234**	**155**	**61**	**69**	**72**	**59**	**40**	**37**	**39**	**19**
Украина и Бесса-рабия (10 губ.)	1) городская	330	493	453	442	336	268	253	202	87	44	25
	2) сельская	375	337	30	11	4	2	-	-	1	+	-
	3) раб. посёлки	70	218	19	6	+	+	6	9	-	-	-
	Всего	**775**	**1048**	**502**	**459**	**340**	**270**	**259**	**211**	**88**	**44**	**25**
ЦЧР (5губ., 1 обл.)	1) городская	229	256	162	137	70	86	67	84	33	41	7
	2) сельская	173	26	40	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) раб. посёлки	-	6	9	-	7	8	-	-	-	-	-
	Всего	**402**	**288**	**211**	**137**	**77**	**94**	**67**	**84**	**33**	**41**	**7**
Поволжье (6губ.)	1) городская	318	3263	223	102	43	69	106	65	29	26	2
	2) сельская	70	111	77	34	20	14	-	6	-	-	-
	3) раб. посёлки	20	14	14	9	7	4	9	5	8	7	2
	Всего	**408**	**3338**	**314**	**145**	**70**	**87**	**115**	**76**	**37**	**33**	**4**
Урал (4губ.)	1) городская	61	80	70	67	56	39	24	18	8	8	-
	2) сельская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	3) раб. посёлки	1	20	5	-	7	3	4	3	-	-	-
	Всего	**62**	**100**	**75**	**67**	**63**	**42**	**28**	**21**	**8**	**8**	-

Анализ таблиц №№ 23, 24 показывает, что во второй половине 1907 и в 1908 годах, практически по всем регионам Европейской России, численность РСДРП сопоставима между собой, то же можно сказать и о ПСР. Исключение составляли лишь для РСДРП - Европейский Север и Северо-Запад, а для ПСР - Европейский Север и Урал. В период 1909-1911 годов наибольшее количество сторонников обеих партий зафиксировано в одном из самых экономически развитых и в то же время аграрноперенаселённом регионе Европейской части России - на Украине.

В то время как во всех без исключения регионах Европейской части России численность обеих леворадикальных партий в период с 1908 по 1910 год упала значительно, численность леворадикальных формирований на Украине уменьшалась более плавно. Во второе межреволюционное пятилетие (1912-1917 годы) численность РСДРП и ПСР на Украине хоть и продолжала падать, однако оставалась самой большой из всех регионов Европейской части России[56].

Можно также отметить определенный рубеж, за которым начинается значительное сокращение численности леворадикальных партий. Этот период занял около трёх лет, (1907-1910 годы) после которого численность леворадикальных организаций в регионах сократилась в несколько раз. Этот процесс говорит о некоторой инерции уменьшения численности. В последующие годы замечается процесс некой стабилизации в динамике сокращения численности леворадикальных партий в Европейской части России, вплоть до 1915 года, после чего численность РСДРП и ПСР значительно уменьшилась даже в сравнении с данными 1911 года. Такой спад, на наш взгляд, связан, вероятно, с фактором начала Первой мировой войны.

Анализ таблиц №№ 23, 24 позволяет сделать и другие выводы. Во-первых, при общей тенденции сокращения численности всех типов организаций, более плавно этот процесс происходит в городских организациях. Это можно объяснить тем, что именно в них была сосредоточена основная масса профессиональных революционеров. Во-вторых, в сельской местности и в рабочих поселках функционировали в подавляющем большинстве только первички, в которых, как мы показали, большинство членов составляли попутчики/сочувствующие или вообще случайные люди, а профессиональных революционеров практически не было (с первичками, в основном контактировали приходящие агитаторы). По сути, в низовых ячейках не оказалось того центра, который мог бы

сплотить вокруг себя людей в экстремальной ситуации. Поэтому в первичках и наблюдалась большая текучесть «партийных членов». Именно по этой причине, в числовом ряду таблиц № 23 и №24 наблюдается значительная амплитуда колебаний численности организаций на селе и на промышленных предприятиях.

Тенденции в динамике численности, выявленные на основе данных Департамента полиции, подтверждают и партийные источники. В первую очередь, партийные источники РСДРП. Речь идет о представительстве делегатов РСДРП от определенного числа «членов РСДРП» в регионах на партийных форумах. Так, если на V (Лондонском) съезде, проходившим в конце весны - начале лета 1907 года, было принято постановление в организационном уставе о том, что «для обсуждения наиболее крупных вопросов партийной жизни» один раз в 3-4 месяца созывается партийное совещание, в котором участвуют делегаты с мест из расчета - 1 делегат на каждые 5000 «организованных рабочих», то уже через полтора года на V общероссийской конференции РСДРП, проходившей в Париже в конце декабря 1908 года, это число снизилось для одного делегата до 300 членов. Через три года, в конце 1911 году, во время предварительной работы большевиков над созывом Пражской конференции, созданная ими Российская организационная комиссия (РОК) в своей резолюции, изданной в конце 1911 года, в первом примечании объявила, что «если в какой-либо организации окажется меньше 30 (что само по себе показательно – *Н.П.*) организованных рабочих, то данная организация теряет своё право на самостоятельную делегацию». При этом в следующем примечании РОК была вынуждена пояснить, что «делегаты будут считаться правомочными лишь в том случае, если пославшая их организация существовала за 2 месяца до начала конференции»[57]. Второе примечание в резолюции РОК подтверждает наше предположение о том, что социал-демократические организации возникали и действовали в России лишь время от времени и

периодически подвергались разгрому ГЖУ и другими полицейскими органами.

Таким образом, за 4,5 года (с начала лета 1907 по конец 1911 года) численность организаций РСДРП в России, по этим косвенным партийным данным, должна была сократиться, приблизительно, в 166,7 раза. Положение дел в партии не изменилось и в последующие годы, наоборот, организационный кризис только усилился. В опубликованном Извещении о работе Поронинского совещания большевиков, проходившем в конце сентября - начале октября 1913 года, отмечалось: «Партия наша сильно отставала от событий в организационном отношении. Далеко не везде и не всегда мы имели на местах сплоченные и вполне оформленные организации, которые могли бы руководить движением»[58]. Эти обтекаемые большевистские формулировки о трагическом положении дел социал-демократов в России, конкретизировал жандармский генерал А.И. Спиридович: «Сделанные доклады о местной работе указывали на *полное почти отсутствие в России нелегальных партийных организаций* (курсив мой – *Н.П.*); на систематические провалы какой бы то ни было организационной работы»[59].

В ПСР критическое положение в партии сложилось после разоблачения в 1908 году Е. Азефа, уличенного как агента охранки. Это разоблачение вызвало шок в партии. «Мы были поражены той огромной осведомленностью, которую о нас имел наш враг. Получалось впечатление, что мы разводили все наши конспирации под стеклянным колпаком. Или ещё лучше - будто все мы сидим на гигантской полицейской ладони, под внимательным взором нашего врага - и всё-таки ладонь почему-то не сжимается, враг почему-то предоставляет нам заниматься самыми, казалось бы, рискованными для него делами. ...Точно кошка играет с мышью»[60]. Разоблачение Е. Азефа усилило организационный кризис в ПСР, что, несомненно, сказалось на выходе

рядовых членов из эсеровской партии. «После дела Азефа мы имеем у себя полнейшую дезорганизацию, мы не можем надеяться на то, чтобы создать в ближайшее время маленькие единомыслящие партийные организации. В настоящее время нет единомыслия в нашей среде ...не может быть и единоверия. ...Дело Азефа ...дезорганизовало наши силы. ...Теперешнее настроение можно было охарактеризовать как разочарование, уход работников, апатия»[61].

Таким образом, обе партии в межреволюционное десятилетие оказались на грани даже не развала, а гибели своих организационных структур в империи и, как следствие этого, многократного уменьшения численности партийных рядов. Практически, в рядах леворадикалов остались лишь профессиональные революционеры, что зафиксировала не только статистика Департамента полиции, но подтверждают документы обеих леворадикальных партий.

На местах, на фоне гибели первичных организаций, отток из обеих леворадикальных партий наблюдался повсеместно. Приведём лишь наиболее типичные сообщения с мест. Саратовский социал-демократ сообщал в Москву в августе 1907 года: «У Дениса дела тоже плохи, раз собрались пятеро, другой раз – трое»[62]. «Кружковая работа почти прекращена», - сообщал социал-демократ из Ростова в Николаев в июне 1907 года. – «Обыски и аресты продолжаются»[63]. Из города Усть-Сысольска Вологодской губернии социал-демократ писал в Харьков в декабре 1907 года: «Среди местного населения работа почти не ведётся»[64]. Итог подвёл в своём письме социал-демократ из города Двинска. Он писал в Харьков 6 февраля 1907 года: «Работа же идёт не ахти как. Кого винить, не знаю. ...Массы вполне дезорганизованы, словом полнейший крах. Работники в тюрьме»[65].

Эсеры также признавались в распаде своих партийных организаций на местах. «В Казани партийная жизнь почти замерла, все с.-р. и с.-д. сидят в

тюрьме или в ссылке»[66]. «В Вологде, как пишут наши, дышать становится нечем. Одним словом, стон да стон»[67]. «В партийных делах с приездом Организационной Комиссии, - жаловался эсер из Москвы в Льеж в феврале 1908 года, - также не видать успеха, напротив, работа регрессирует даже по сравнению с летом»[68]. Со временем кризис в леворадикальных партиях только усиливался. Вот только два свидетельства о деятельности некогда сильных социал-демократических и эсеровских организаций. В апреле 1912 года социал-демократ сообщал из Тифлиса в Киев: «Организации нет никакой»[69]. В мае 1912 года из отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице в Особый отдел Департамента полиции поступила официальная «записка», в которой говорилось о печальном положении дел эсеровской партии в Петербурге: «Организация партии с.-р. в Петербурге, в обычном значении этого слова, не существует здесь уже более двух лет. За это время здесь не было не только Петербургского Комитета, но даже ни одного из так называемых “районных комитетов” местной организации. Но, тем не менее, в Петербурге имеется значительное число лиц, приемлющих программу партии и *считающихся* (курсив мой – *Н.П.*) её членами, как среди интеллигенции, так равно и среди учащейся молодежи и рабочих»[70].

Даже незначительная активизация работы леворадикальных активистов пресекалась Департаментом полиции с помощью своей агентуры. Так, изданная в августе 1912 года от имени Петербургской группы эсеров «прокламация», доносил Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице от 3 октября 1912 года, была выпущена группой из 5 человек, которые в августе же (29 числа) были арестованы вместе с типографией[71]. Киевская организация РСДРП подверглась очередным ликвидациям в 1914 году и в феврале 1915 года. «После ликвидации комитетов Киевской организации, - констатировал Департамент полиции в обзоре деятельности РСДРП,- к лету 1915 г. окреп

(“Руководящий коллектив” – *Н.П.*)»[72]. Однако и он просуществовал недолго, в середине сентября этого же года «коллектив» был ликвидирован, арестовано 16 человек. «Нелегальная работа прервалась и лишь в начале 1916 года было замечено некоторое пульсирование деятельности подполья в профессиональных союзах»[73]. Подобные примеры можно было бы умножить.

Таким образом, следует констатировать, что в межреволюционный период многократное сокращение численности обеих общероссийских леворадикальных партий было напрямую связано с гибелью структур РСДРП и ПСР на местах, и в первую очередь первичек. Лица, посещавшие их, будучи формально членами партий, фактически оказались попутчиками/сочувствующими, которых характеризовал, с одной стороны, социальных радикализм, с другой, - политическая аморфность, непоследовательность и идеологическая неопределенность. Поэтому они с легкостью покидали первички в условиях полицейских репрессий. И как следствие этого процесса, почти везде местные партийные организации оказались численно ограничены членами комитетов, то есть профессиональными революционерами, деятельность которых носила замкнутый, кружковой характер и жёстко контролировалась Департаментом полиции с помощью хорошо отлаженной агентурной сети. При малейшей попытке комитетчиков организовать партийные ячейки в рабочей, крестьянской или интеллигентской среде организации ликвидировались.

§ 2. Либеральные партии

Либералам удалось создать свои политические партии только на исходе первого года революции в октябре - ноябре 1905 года. Крупнейшими из них стали две партии Конституционно-демократическая партия (кадеты) и

«Союз 17 октября» (октябристы)[74]. До третьеиюньского государственного переворота обеим политическим партиям удалось создать достаточно функциональные организационные структуры и привлечь в свои ряды большое количество своих сторонников. Но одновременно, ни октябристы, ни кадеты не смогли окончательно выработать собственные идеологические парадигмы, что позволило октябристам объединить в своей партии демократическую линию с традиционалистской, а кадетам -- с леворадикальной. Итогом отсутствия организационного и идеологического несоответствия и стал (особенно на первых порах) наплыв в обе либеральные партии политически не определившихся элементов из самых различных социальных страт. Член ЦК кадетской партии А.А. Кизеветтер в своих воспоминаниях, опубликованных за рубежом, размышляя над этой страницей истории кадетской партии, написал: «В сущности, в к. - д. (кадетскую – *Н.П.*) партию хлынула вся та часть русской интеллигенции, которая не примыкала ни к реакционерам и к охранителям, ни к сторонникам социальной революции в смысле немедленного переустройства общества на социалистических началах. Но ведь в этих пределах открывалась возможность чрезвычайно широкого разнообразия мнений, настроений и политических темпераментов. Это обуславливало сильный численный рост партии, но это же и создавало опасность разноголосицы в среде самой партии»[75].

Ещё более резкими, чем для кадетов были оценки об идейно-политической самоидентификации членов «Союза 17 октября», которые давали очевидцы событий и их непосредственные участники. Вот лишь одно из них: «Среди членов (“Союза 17 октября” – *Н.П.*) замечается разноголосица по существенным вопросам. ...Часть членов, или скрытые кадеты, или скрытые приверженцы партии “Союз русского народа” (последних больше)»[76]. Поэтому не было ничего удивительного в том, что от сбалансированности организационной структуры и определенности

идейно-политических взглядов членов обеих либеральных партий зависела не только прочность организационных структур каждой из политической партии, но и их политическое будущее.

Рассмотрим вначале организационную сторону проблемы. Даже при сравнительно поверхностном знакомстве со структурами кадетов и октябристов видно, что каждая политическая партия имела собственную организационную модель.

Исследователями неоднократно отмечалось, что социальной опорой октябризма было, в первую очередь, поместное и служилое дворянство, затем представители крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазии и, в гораздо меньшей степени, представители высокооплачиваемых интеллигентских профессий. В «Союзе» политико-идеологический тон задавало российское дворянство (от уездного до крупных государственных чиновников)[77]. В массе своей российское дворянство (впрочем, как и крупная финансовая и торгово-промышленная буржуазия, вросшая в самодержавный строй) всё ещё верило в возможность саморазвития самодержавной идеи и, что более важно, надеялась на мирный генезис старых самодержавных структур в новые общественно-экономические реалии. Следовательно, и тактика октябристов строилась на сотрудничестве с правительством в деле проведения реформ, намеченных манифестом 17 октября. Действительно, в создании такого «Союза» была своя внутренняя логика - дворянство, привыкшее в течение почти полутора столетий воздействовать через свои сословные организации на самодержавие, перенесло методы этого воздействия в арсенал тактики «Союза 17 октября». Согласно ей, диапазон методов давления на самодержавие был достаточно широк, но при этом всегда роялистки лоялен: от различных «адресов» и петиций на имя государя, до не менее важного - келейного давления на царя и его

окружение через высших сановников при дворе и высокопоставленных чиновников государственного аппарата.

Поэтому вполне логично предположить, что на таких же этических принципах, формировался партийный менталитет членов «Союза 17 октября». Вот почему не вызывает удивления, что психологически деятелям «Союза 17 октября» было просто воспользоваться дворянскими, а также земскими структурами, как своеобразным трафаретом для создания своей организационной структуры по всей партийной вертикали. В условиях революции 1905-1907 годов, по всей видимости, это был самый быстрый и надежный способ оперативного, эффективного, и, что важно подчеркнуть, часто не санкционированного с октябристских «верхов» создания проправительственной реформистской партии. Как следствие, скопированная с организационно-этической модели замкнутых дворянских сословных организаций и, в меньшей степени, с земских учреждений, оформилась организация «Союза 17 октября». Основными партийными нормами, которой тоже стали: клубный дух партийных собраний, их автономность в принятии решений на местном партийном уровне от резолюций ЦК партии, достаточно аморфная организационная структура, отсутствие праксиса «Союза» по всей партийной вертикали, и идеологическая разноголосица членов даже отдельно взятого отдела. При этом и политическая ориентация, и идеологическая разноголосица членов Союза находилась в границах жёстко заданного диапазона: от черносотенных и славянофильских до правокадетских и западнических конституционно-монархических воззрений. Именно совокупность всех вышеперечисленных «партийных» показателей позволяет дать обобщенное определение «Союзу 17 октября» как политическому формированию. По меткому выражению одного из ведущих российских исследователей российского либерализма начала XX века В.В. Шелохаева: «”Союз” представлял собой, фактически, “партию – клуб”»[78]. Солидаризируясь с

этим определением, мы бы ещё более конкретизировали данную мысль: организационная структура «Союза 17 октября» была лабильна и представляла собой конгломерат организационно, а часто и политико-идеологически слабо связанных между собой, а поэтому достаточно автономных в принятии решений, местных и территориальных мини-партий-клубов, члены, которых исповедовали зачастую различные политические взгляды. Прямым следствием такой партийной «философии» «Союза» стали уже при образовании партии центробежные тенденции, которые, по нашему мнению, при такой нецелесообразной и во многом противоречивой организационно-идеологической модели «Союза», явно перевесили центростремительные силы в октябризме[79]. Приведём лишь несколько примеров. Председатель смоленской «Партии Свобода и порядок», входившей в «Союз», князь В. Урусов в листовке партии, помеченной датой 29 января 1906 года достаточно точно уловил вышеописанную тенденцию: «Объединение партии (“Союза 17 октября” – *Н.П.*) на почве отвлеченной платформы *будет, несомненно, искусственно и непрочно* (курсив мой – *Н.П.*). ...В нашей (Смоленской – *Н.П.*) губернии несколько уездов приняли программу партии Союза 17 октября и внесли в неё свои изменения, но через это они совершенно разошлись друг с другом и партия Союза 17-го октября в Бельском уезде имеет весьма мало общего с партией, носящей тоже название в Поречском уезде»[80]. Ещё более парадоксальная ситуация сложилась в начале 1906 года в Симбирске, где, как оказалось, действовало одновременно, фактически, два отдела «Союза», которые к тому же не находили общего языка. Вот как описывает данную ситуацию одна из сторон в своём письме, присланном в ЦК «Союза 17 октября». В Симбирске в конце декабря 1905 года было образовано «Симбирское общество людей порядка и законности», которое на общем организационном собрании, состоявшимся 28 декабря 1905 года, объявило себя «отделением Союза 17 октября» и «приняло

провозглашенные в воззвании Союза его основные положения». Чуть позже по времени (приблизительно в марте 1906 года), в Симбирске же, был создан ещё один, уже непосредственно отдел «Союза 17 октября», который никак не был связан с «Обществом людей порядка и законности». Отдел «Союза» отказался от сотрудничества с последним, из-за чего и возник конфликт. Дальнейшая история взаимососуществования этих отделов в фонде октябристской партии не отражена, однако примечателен сам факт[81]. Такие примеры можно умножить.

Причины таких конфликтов между местными отделами из-за несоответствия направления политических взглядов следует искать в идеологически аморфной организационно-политической модели «Союза 17 октября». Поэтому в рамках достаточно широкого идейного диапазона, который позволял причислять себя к «Союзу» последователей октябризма на местах, достаточно важную роль, по нашим наблюдениям, играл человеческий фактор, ибо от основателя/основателей и руководителя/ руководителей отделов «Союза» на местах в конечном итоге, в чём мы вполне уверены, зависела политическая ориентация отдела, а часто и само его существование[82]. Действительно, тот же председатель смоленской «Партии свободы и порядка» князь В. Урусов отмечал в январе 1906 года: «До сих пор в России выборы на все общественные должности основывались на принципе личного доверия избирателей к избираемому и в настоящее время не возможен резкий переход от выборов личных к выборам на основании платформ»[83]. Вот почему не вызывают удивления отложившиеся в партийном фонде и фонде Департамента полиции сведения, что последователи программы «Союза 17 октября», (в которой было заключено конституционно - монархическое противоречие), вступая в местные отделы, не всегда находили в лице их основателей и руководителей своих политических сторонников, что, в конечном итоге, заставляло их «помаявшись» какое-то время в «Союзе», покидать его ряды.

В результате следует признать, что уменьшение численности (порой резкое) и развал местных отделов «Союза 17 октября» зависели не только от политического климата в стране, но и от человеческого фактора. Эти два условия выживания октябризма, и как политической партии, и как политической идеологии, оказались важнейшими для легального «Союза 17 октября».

В подтверждение наших слов приведем лишь один типичный пример. В листовке монархической Курской народной партии порядка от 19 февраля 1906 года отмечалось: «Всё же многие из членов Союза разгадали, что Союз 17-го Октября требует ограничения Царской Воли, и не пожелали оставаться в подобной партии»[84].

Прямым следствием организационной аморфности и политико-идейной разноголосицы в «Союзе» было то, что картина партийной жизни «Союза 17 октября» (её перспективы) оказалась смазанной и в итоге непонятной для большинства его рядовых членов.

Отсутствие четко структурированной партийной пирамиды типа: ЦК - областные организации - губернские организации - уездные организации - организации уездного подчинения с элементами подчинения нижестоящих организаций вышестоящим, - только усиливала и без того ярко выраженные центробежные тенденции в политически многополюсном «Союзе». Действительно, каждый октябристский отдел в провинции (любого уровня от губернского до сельского) являлся фактически независимой партийной единицей и принимал во внимание, но не более того, директивы только ЦК Союза, но не вышестоящего по партийно-территориальной иерархии отдела[85].

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что реальная структурная рыхлость «Союза 17 октября», по всей организационной вертикали, была инспирирована различными политическими и даже идейными взглядами рядовых членов отделов, методами, которыми они

стремились разрешить политический кризис в стране. Результатом такого внутрипартийного положения вещей в «Союзе 17 октября» стала возможность уживаться в рамках партии довольно широкому спектру политических сил, что создавало неопределенную ситуацию для существования самого «Союза» как политической партии, ибо идеологическо-политические разногласия, вспыхивающие как между членами местных отделов, так и между самими отделами и отделами и ЦК «Союза», приводили к тому, что организационная структура, призванная объединять и скреплять части партийного механизма в единое целое, на деле способствовала атомизации партийной пирамиды «Союза» и дистанцированию отделов всех уровней и параллелей друг от друга, в конечном итоге - развалу самих отделов.

На наш взгляд, такая ситуация в «Союзе 17 октября» сложилась из-за того, что оказавшиеся в рядах октябристов различно политически ориентированные члены, которых объединяло по большому счёту желание подавить «революционную крамолу» и решить назревшие социально-политические проблемы в тесном контакте с самодержавной властью, после третьеиюньского государственного переворота оказались в идейно-политическом вакууме. Фактически произошло следующее: в местных отделах «Союза» сосуществовали члены, которых можно дифференцировать на три политически ориентированных слоя. Это, во-первых, левые октябристы, занимавшие позиции близкие к правым кадетам, исповедовавшие либеральные ценности западного типа; во-вторых, октябристский центр, тяготевший к консервативно-охранительным взглядам, и, в-третьих, правый, монархически-черносотенный фланг «Союза».

Причём левые октябристы оказались в партии в явном меньшинстве, ибо уже после роспуска I Государственной Думы из «Союза» вышло много конституционалистов, и, наоборот, в него хлынуло много монархически

настроенных, а зачастую черносотенных элементов, напуганных размахом революции. Данную тенденцию подтверждал и Д.Н. Шипов, признаваясь, что в «Союз» повалила «серая публика, напуганная забастовками и уличной стрельбой», и эти «элементы» принадлежали «к числу, так сказать испуганных развивающимися событиями обывателей, а по существу, если не враждебные, то мало сочувствовавшие освободительному движению»[86]. Ещё более резкую оценку происходившей идеологической трансформации «Союза 17 октября» дал кадет В.А. Маклаков: «Ряды октябристов стали пополняться людьми к манифесту равнодушными, осуждающими политику не только Гучкова, но и Столыпина. Они шли в партию не по сочувствию к её либеральной программе, а потому, что она была более приличной фирмой, чем правые»[87]. Именно поэтому не вызывает удивления, что весь этот организационно рыхлый и различно политически ориентированный конгломерат под названием «Союз 17 октября», мог существовать только какое-то время, пока под давлением революционных обстоятельств, не желавший никаких перемен политически не дальновидный Николай II создавал иллюзию реформирования автократического режима и видимость сотрудничества с лояльной оппозицией, прежде всего с консервативно-реформистским «Союзом 17 октября» с одной стороны, при одновременной поддержке октябристами подавления «революционной крамолы» - с другой, до тех пор эти две политические составляющие и скрепляли внутри организационный каркас «Союза 17 октября», и, прежде всего организационно автономные местные отделы партии. После же третьеиюньского государственного переворота стало очевидно, что самодержавие вышло победителем в борьбе с революцией, и произошёл, в свете вышеприведенных размышлений, естественный, хотя и не скоротечный, развал октябристской периферии, так как перестали существовать две вышеназванные составляющие, которые скрепляли «Союз 17 октября» как политическую партию.

Действительно, после третьеиюньского государственного переворота, в первую очередь «Союз» стала покидать, по определению Д.Н. Шипова, как раз успокоившаяся «серая публика», которая заполнила «Союз», вслед за ней стали выходить правые октябристы - монархическо-черносотенного толка. Они, как и «серые обыватели», или отходили от политической деятельности или переходили к черносотенцам, если организации таковых функционировали параллельно октябристским. Так, после распада отдела «Союза 17 октября» в конце 1907 года в Севастополе и его члены «присоединились к «Союзу русского народа»[88].

Конституционалисты-октябристы, составлявшие по существу идеологически-интеллектуальную элиту «Союза 17 октября», поняв, что самодержавие, в очередной раз обмануло их надежды, также покинуло ряды партии, разочаровавшись в октябризме. В результате в «Союзе» по истечении 1,5-2 лет после окончания революции 1905-1907 годов, осталась фактически только небольшая по численности группа идеологов - создателей «Союза», которые проживали в обеих столицах и в некоторых крупных губернских городах, а также организационно разрозненный октябристский электорат, который продолжал голосовать на выборах в III и в IV Государственные Думы за кандидатов - последователей октябризма, хотя октябристских отделов на местах давно не было, или, что гораздо реже, они формально существовали. Так по проведенному Департаментом полиции опросу местных Жандармских Управлений перед выборами в IV Государственную Думу в 1912 году о положении октябристской периферии он получал ответы типа: во Владимирской губернии «октябристы не сплочены»; в Могилёве и Гомеле отдел «Союза» «номинально существует»; в Киевской губернии октябристов «в настоящее время не имеется»; и даже в Москве Департамент полиции констатировал не наличие организации, а только определенное «влияние», которое

«несомненно, ...окажет ...на выборы» своё действие, «но только на съездах землевладельцев и первых городских»[89].

В результате в течение 1,5-2 лет после третьеиюньского переворота «Союз 17 октября» не просто сократился численно, а произошёл необратимый и скоротечный, хотя не прямолинейный и не мгновенный, но по сути «запрограммированный» и ожидаемый развал, а вслед за ним и гибель партии октябристов в 1915 году. Как мы уже отмечали, ко времени выборов в IV Государственную Думу, в России большинство октябристских отделов не просто перестали функционировать на местах, большая их часть не оставила о себе никакого следа, другие, более идеологически сплочённые, - это в основном территориальные мини-партии, входившие в «Союз» на правах отделов, после достаточно быстрого уменьшения своей численности, тихо агонизировали. Однако, не смотря на разность темпов развала, исход для всех местных отделов был очевиден - организационная гибель.

Такое отчаянное положение, сложившееся в партии подтверждают и дела, отложившиеся в фондах Департамента полиции и собственно фонда «Союза 17 октября». Так, в партийном фонде начиная с 1907 года следует, по существу, провал в переписке между ЦК «Союза» и его местными отделами. А Департамент полиции, как мы уже отмечали, скрупулезно и беспрестанно фиксировавший факты, просто констатировал, что организации «Союза 17 октября» распались[90].

Третьеиюньский государственный переворот и последовавшие за ним события достаточно определенно зафиксировали отсутствие у самодержавия желания проводить объективно назревшее реформирование российской политической системы. Такой отказ оказался для октябризма нокаутирующим ударом и, в конечном итоге, послужил причиной развала «Союза» как политической партии, так как идеологическая парадигма и партийная философия «Союза 17 октября» строилась как раз вокруг

достаточно неустойчивой, а в конечном итоге оказавшейся с подачи двора невозможной дуалистической конструкции: самодержавие и реформы, а по большому счету - автократии или демократии. Отказ самодержавия от проведения реформ означал для «Союза 17 октября» не только организационную агонию, но и крах октябризма как идеологии. Произошло то, что должно было произойти - развал многополюсного политического движения, старавшегося объединить в приемлемое для России государственное устройство, как самодержавные черты, так и умеренный либерализм западного типа. Такое объединение оказалось невозможным, а сама идеология октябризма явилась тупиковой ветвью российского либерализма.

В отличие от октябристов, кадетское руководство нацелилось при институализации партии на создание чётко функционировавшей организационной структуры с элементами подчинения нижестоящих организаций вышестоящим, наподобие структур леворадикальных партий[91]. По сути, ещё до роспуска I Государственной Думы (июль 1906 года) кадетам удалось создать жизнеспособную организационную вертикаль, которая строилась по принципу: ЦК - партийные округа и области[92] - губернские организации (комитеты) - уездные группы - группы уездного подчинения.

В партийные округа и области территориально входило по несколько губерний. Но, по существу, партийная кадетская вертикаль начинала функционировать с губернского уровня. В идеале в губерниях и приравненных к ним административно-территориальных образованиях должна была быть создана следующая организационная вертикаль: губернская организация во главе комитетом, который должен был контролировать работу партийных организаций в губернии: кадетских групп в уездных городах и в районных губернского города, в других населенных пунктах уездного подчинения. В свою очередь уездные

группы курировали партийную работу в уезде. Однако на деле, административно-полицейские и судебные преследования кадетов на местах не позволили создать вышеописанную партийную пирамиду на губернском уровне. Более того, в реальности она оказалась дезорганизована и фактически уничтожена вскоре после третьеиюньского переворота. Действительно, страх быть репрессированными погнал людей из кадетских организаций. Приведём лишь несколько типичных примеров. Один из руководителей группы в городе Суздаль Владимирской губернии, вскоре после инициированного кадетским руководством Выборгского воззвания, писал в Москву, о психологическом состоянии местных кадетов: «Относительно положения дела партии в нашем уезде, могу сообщить очень мало хорошего. Открытых членов партии в городе только два. ...Сочувствующих хотя и наберётся человек 40-50, *но от вступления в ряды партии они упорно отказываются, боясь репрессий* (курсив мой – *Н.П.*). Все мои попытки организовать хотя (бы – *Н.П.*) маленький кружок были не удачны»[93]. Комитетчик из Архангельска был встревожен по той же причине: «Очень может быть, - писал он в Московский отдел (МО) ЦК в январе 1908 года, - что вся эта интеллигенция и была бы в рядах К.-Д., если бы не современные исключительные условия»[94].

В воронежской организации кадетов «после разгона II Думы репрессии усилились, многим членам партии пришлось, в виду своего служебного положения совершенно уклониться от всякого участия в делах партии и даже тщательно скрывать свои симпатии к ней. Деятельность комитета была стеснена до крайности»[95], - констатировалось в обзоре Воронежской организации для Организационной комиссии (ОК) при Московском отделе (МО) ЦК.

На наш взгляд, у кадетской партии не было шансов в сложившейся политической ситуации, уже после разгона I Государственной Думы и последовавшими за ним репрессиями, создать функциональную

партийную структуру. Репрессии оказали отрезвляющее влияние на членов кадетских организаций на местах. В результате не многие из них в условиях полицейских и судебно-административных преследований решились связать свою жизнь с кадетской партией. Впрочем, другой реакции от членов кадетских организаций и комитетов ожидать было трудно. Ведь в кадетской партии оказалось слишком много попутчиков/сочувствующих, так как в кадетские организации принимали «не на основе рекомендации», как было оговорено в Уставе партии, а с санкции кадетского руководства, путём «обычной записки» и даже «словесного заявления»[96]. В результате такой поблажки большинство членов кадетской партии оказались просто случайными людьми, «занесенными» ветром революции в местные организации партии как более близкой им по духу и программе. Поэтому нет ничего удивительного, что местные организации, которые должны были являться фундаментом кадетской партии, оказались состоящими из политически и идеологически неустоявшихся членов, а, следовательно, и являлись организационно аморфными. Но, что более прискорбно оказалось для партии, так это то, что и члены комитетов (которые, кстати сказать, не являлись как у леворадикалов профессиональными партийными функционерами) также стали покидать партию. Поэтому на местах кадетские организации (в том числе и комитеты) в течение 1,5-2 лет после третьеиюньского государственного переворота по существу исчезли, хотя бывшие члены партии продолжали ассоциировать свои политические взгляды с кадетской идеологией и готовы были при изменении политического режима в стране вновь вернуться «в строй». Об этом писали из Орла в МО ЦК 5 марта 1907 года: «Начинается давление на чиновников, которые все поголовно к.-д. Например, (распространилась – *Н.П.*) общая осторожность и боязливость и собрания партии, насчитывавшие 200 чел., проходят при 70-80 человеках. Чиновники подписали заявление о не

принадлежности, хотя все остались “наркоманы”»[97]. Из Харькова также писали: «В марте (11 числа) 1907 года. Организация, в которой весной 1906 г. численность достигала 800 человек по спискам, к марту 1907 г. сократилась до 150. Причина все та же: “из партии одни (вышли – *Н.П.*) из-за страха”, “другие” свой уход (оговаривали – *Н.П.*) несогласием с деятельностью ...ЦК и парламентской фракции. В значительной части мотивировка звучит искусственно»[98].

Поэтому следует признать, что именно репрессии правительства против кадетской партии и страх членов местных организаций, по сути простых обывателей, послужили основной причиной значительного численного сокращения кадетской партии уже к концу революции 1905-1907 годов. После же третьеиюньского государственного переворота процесс развала кадетской периферии ещё более ускорился, а, следовательно, численность КДП резко сократилась. Кроме того, необходимо отметить ещё несколько достаточно важных причин развала организаций, довершающих, так сказать, полноту картины. Во-первых, это отказ МВД и Сената зарегистрировать кадетскую партию и, таким образом, легализировать её, что, несомненно, бы облегчило репрессивный пресс на кадетов и, как следствие, этого сняло бы психологическое давление, рождающее страх за своё будущее у членов местных организаций[99]. Во-вторых, кадеты не могли (не было санкции ЦК), а главное никогда бы не стали работать в нелегальных условиях, что было несвойственно менталитету цензовой интеллигенции и демократических слоев городской буржуазии, составлявшей социальную основу Партии народной Свободы. И, наконец, в-третьих, кадетская партия ко времени начала репрессий не смогла, в силу ряда причин, создать слой профессиональных комитетчиков губернского и уездного уровней, которые смогли бы в условиях преследований сохранить кадетскую периферию. В результате организационно уже через 1,5-2 года после

третьеиюньского государственного переворота кадетская партия представляла собой картину неосуществленных желаний и амбиций и практически полного организационного развала[100].

Правда, следует отметить, что в отличие от октябристского руководства, кадетские лидеры предпринимали определенные попытки наладить устойчивую коммуникационную связь со своими отделами. Деятельность Организационного Комитета (ОК) позволила руководству партии не только получать более точную информацию о положении дел на местах, но и помогать организовывать, в меру своих сил, работу кадетских организаций. Так, например, представитель ОК, посетивший в конце 1907-начале 1908 года Вологду и Ярославль не просто выяснил, что оба губернских комитета «влачили жалкое существование», но и посоветовал местным комитетам реорганизовать их работу в новых условиях:

«1) Признать существующие губернские комитеты, рассчитанные и по составу и по количеству на “свободные времена” в виду их громоздкости, разнородности и т.д., неудовлетворительными современному положению.

2) Работу партии возложить на маленькое в 2-3 чел. бюро, путём отбора настоящих партийных работников».

3) Они должны «привлечь в состав губернского комитета новые “свежие элементы”».

4) Комитеты должны были усилить работу в городе и деревне.

5) «Работа в этом направлении должна быть разделена между членами комитета, т.е. каждый отвечает за определенное дело».

«Подобная постановка (дела – *Н.П.*) создаст реальные кадры партийных работников», - констатировал в заключении член ОК. Однако в условиях полицейских репрессий это было нереально. И в ответ на просьбу «контролёра» последовали вполне прогнозируемые ответы руководства местных комитетов, знакомых с реалиями на местах непонаслышке. Вологодский комитет сдержанно обещал обсудить

предложения ЦК, а ярославский «категорически заявил, что он ничего кроме участия во внепартийных организациях делать не может»[101].

Далее нам хотелось бы так же отметить, что в годы революции 1905-1907 годов, по всей партийной вертикали от ЦК до местных организаций происходило идейное размежевание не до конца самоидентифицированных членов КДП и «Союза 17 октября». Нас, из-за специфики исследования, интересует главным образом, как этот процесс протекал на периферии. На местах же процесс идейного размежевания оказался достаточно длительным по времени и не отличался прямолинейностью, что, на наш взгляд, вместе с неопределенностью статуса членства в либеральных партиях приводило к постепенному и осознанному политическому выбору[102], а в сущности деления членов обеих либеральных партий на политических последователей и попутчиков/сочувствующих. Последние два слоя партийных членов, покинувших в основном организации вскоре после третьеиюньского переворота, проявляли свою политическую волю только во время выборов в Государственную думу, как партийных электорат[103]. Данный процесс самоидентификации членов, в конце концов, стал одной из причин распада «Союза 17 октября», как политической партии и минимально фиксированным числом кадетов на местах, на фоне достаточно широкой поддержки электората. В результате численность обеих либеральных партий, после третьеиюньского переворота, упала значительно, и, если даже подойти формально к решению вопроса о динамике численности кадетской партии и «Союза 17 октября», то и тогда следует признать, что кадетские организации оказались фактически разгромлены силовыми ведомствами или распались из-за страха членов организаций быть репрессированными. Члены же октябристских отделов после «установления порядка» в империи посчитали не в праве больше вмешиваться (по причинам, о которых мы писали выше) в политическое

урегулирование в стране на стороне «Союза 17 октября» и перестали участвовать в деятельности партии. Именно поэтому определить численность обеих либеральных партий в империи достаточно сложно, и она может варьироваться в зависимости от источниковой базы и методики подсчета. Однако, общая тенденция, на наш взгляд, была очевидна - достаточно резкое сокращение численности обеих либеральных партий после третьеиюньского государственного переворота. Полностью же эта тенденция в динамике численности обеих партий в межреволюционное десятилетие представлена в таблице №25.

Таблица №25.

Численность кадетской партии и Союза 17 октября с июня 1907 - по февраль 1917 года.

Наименование политических партий	Годы										
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max	min/ max
К.-Д. партия	16046 / 16051	389/ 392	69	62	99/ 193	19848/ 27658	99/ 345	1000/ 1040	234/ 311	178/ 261	32/ 44
Союз 17 октября	18765 / 18778	409	60	8	93	56	54/ 234	5	--	--	--

Данные о динамике численности обеих либеральных партий подтверждают сделанные ранее наблюдения, что резкое сокращение численности обеих партий находилось в прямой зависимости от темпов гибели партийных организаций на местах.

В результате за первые три года после третьеиюньского переворота (вторая половина 1907-1910 год) численность либеральных партий упала значительно и больше не смогла на протяжении всего межреволюционного

десятилетия даже приблизиться к численности партий ко времени окончания революции 1905-1907 годов. Действительно, (по данным таблицы № 25) в сравнении с 1907 годом численность кадетов в 1908 году сократилась приблизительно в 41 раз, а октябристов в 46 раз[104], и в последующие годы численность партий продолжала падать значительно. Даже в сравнении с 1908 годом, в следующем 1909 году численность кадетов сократилась в 5,7 раза, а октябристов в 6,8 раза и, если в 1910 году численность кадетов уменьшилась незначительно, то численность октябристов в 1910 году сократилась, в сравнении с 1909 годом, ещё в 7,5 раза. Такая прогрессирующая минимизация численности «Союза 17 октября» только подтверждает сделанные нами ранее наблюдения, что «Союз 17 октября», как политическая партия, оказался не просто организационно не структурированным, но и политико-идеологически не оформившимся до конца политическим образованием, ибо в силу своих партийных целей объединял людей, представлявших групповые интересы различных политически ориентированных слоёв российского общества.

В целом же, за первые три послереволюционных года (июнь 1907-1910 год) численность обеих либеральных партий сократилась многократно: кадетов почти в 259 раз, а октябристов в 2347 раз. А 1910 год стал годом, в котором численность обеих партий сократилась до минимума, что явилось прямым следствием новых общественно-политических реалий установившихся в империи после третьеиюньского переворота. Однако выборы в IV Государственную Думу вызвали оживление членов обеих партий на местах.

Говоря о «Союзе 17 октября», следует заметить, что выборы в IV Государственную Думу не вызвали ажиотажа восстановления октябристских отделов, и, как следствие, численность «Союза» оставалась минимальна, ибо процесс развала партии зашёл уже достаточно далеко и был очевиден. Действительно, на местах, по существу, в этот период не

зарегистрировано ни одного отдела «Союза», который являлся бы полнокровной организацией объединявшей большое число своих сторонников. Вместо этого существовали как бы два типа октябристской периферии (именно периферии, а не организаций). Во-первых, на местах прозябали разобщённые малочисленные, и, что важно отметить, не имевшие достаточно серьёзного политического влияния среди населения губерний, отделы. Такие отделы «функционировали» к примеру, в Екатеринославской губернии, где «партия 17 октября, которая на прошедших выборах (в III Государственную думу – *Н.П.*) имела первенствующее значение, в предстоящих выборах самостоятельно своих кандидатов не проведёт»[105]. Во-вторых, в других губерниях имелся только октябристский электорат, а октябристский отдел как структурная единица вообще отсутствовал. Губерний, где действовали во время предвыборной кампании такие, с позволения сказать, «октябристские отделы» было абсолютное большинство. Так, в Харьковской губернии «партия октябристов имеет ...очень много последователей, - сообщал в Департамент полиции начальник местного Жандармского Управления, - но партия эта не имеет здесь никакой определенной организации»[106].

С убийством П.А. Столыпина в 1911 году связь, объединявшая на местах в октябристской партии два различно политически ориентированных крыла - реформистско-умеренное и черносотенно-охранительное - окончательно порвалась. В результате вскоре после выборов в IV Государственную Думу, к концу первого послереволюционного пятилетия, организации октябристов на местах окончательно распались практически повсюду, хотя некоторые из них номинально и продолжали существовать. Как нам удалось установить, активность проявлял в это время только один Царскосельский отдел, да и тот был предоставлен самому себе. Численность «Союза» была минимальна, а сам он превратился в карликовую политическую

группировку, состоявшую из высшего партийного руководства и думской фракции, что не соответствовало даже практике функционирования кадровой политической партии.

Что же касается кадетской партии, то в первое межреволюционное пятилетие её численность хотя и уменьшилась многократно, но на местах, в отличие от «Союза 17 октября», остались кадетские активисты и просто достаточное количество кадетов, которые под ударами репрессий затаились до лучших времён, но не изменили своих политических убеждений. Однако же все активисты кадетской партии были хорошо известны Департаменту полиции и его структурным подразделениям, поэтому численность КДП, представленная в таблице № 25, отражена, по нашему представлению, достаточно репрезентативно (исключение составляют лишь данные за 1912 год, о которых будет сказано ниже) и в целом отвечала характеристике кадровой политической партии.

Итак, численность кадетской партии после резкого спада в 1907-1910 годах, возросла к периоду выборов в IV Государственную Думу. В 1912 году произошёл всплеск активности партии и её сторонников на местах. Об этом красноречиво говорят цифры, приведенные за 1912 год. Эта цифра получилась в результате сообщенных Департаментом полиции сведений о численности кадетов и их сторонников в Петербурге во время выборов в IV Государственную Думу. По подсчетам полиции, в столице кадетов и сочувствующих им оказалось 27530 человек[107], что составляло 99,5% от общей численности кадетов в 1912 год. Что же касается столь значительного числа кадетов, «обнаруженных» Департаментом полиции в Петербурге, то мы полностью солидарны с видным российским исследователем истории русского либерализма начала XX века В.В. Шелохаевым, который подвёрг сомнению партийность этих людей, причисляя их к электорату кадетской партии[108]. Выявленные Департаментом полиции сведения позволяют не только достаточно

адекватно оценить потенциал Партии Народной Свободы и её идеологическое влияние среди политически близкого партии электората, но и утверждать, что КДП двигалась в направлении институализации в кадровую политическую партию.

Подводя некоторые итоги динамики численности в период со второй половины 1907- по 1912 год заметим, что политическая судьба всё дальше разводила обе либеральные партии в разные «углы» политического ринга, показав, с одной стороны, бесперспективность связать либеральную идеологию с охранительными функциями в российских условиях начала XX века (октябристы) и одновременно с другой - живучесть леворадикального либерализма, который сделал ставку на конфронтацию с самодержавием (кадеты).

Действительно, после выборов в IV Государственную Думу положение «Союза 17 октября» как политической партии становится критическим. Подтверждение тому, в нашем случае, - малочисленность октябристской периферии. Прошедшая ноябрьская 1913 года конференция «Союза 17 октября» только подтверждает эту мысль. В доказательство выслушаем мнение партийного официоза «Союза» газеты «Голос Москвы» о представительстве на конференции октябристских отделов с мест. «На вечернем заседании (7 ноября – *Н.П.*) присутствовало 133 человека, - заметили корреспонденты газеты, - из коих фракция насчитывает 98 человек, а остальные - члены общества и приезжие делегаты; этих последних было приблизительно около 20-ти человек»[109]. Если же принять во внимание то плачевное состояние, в котором находилась октябристская периферия в это время (о чём мы подробно писали выше), то следует усомниться, что многие из этих 20 «делегатов» представляли на конференции нормально функционировавшие, а не формально, на бумаге, существовавшие отделы «Союза». Последовавший же раскол думской

фракции окончательно поставил все точки над i в политической истории существования «Союза 17 октября».

Во второе послереволюционное пятилетие численность кадетской партии несколько увеличилась в сравнении с 1911 годом (приблизительно в 1,8 раза), а в 1914 году нам удалось зафиксировать прирост численности кадетов, в сравнении с 1911 годом - в 5,4 раза. Эта тенденция роста, на наш взгляд, была обусловлена изменением политической атмосферы в стране в связи с началом Первой мировой войны, когда правительством была разрешена деятельность общественных организаций (Земгора и других), в которых активизировались кадеты. В последующие два года (1915-1916 годы) уменьшение численности кадетов связано с двумя факторами: во-первых, падение численности кадетов на местах было вызвано как раз активизацией деятельности КДП в общественных организациях, которые, по сути, заменили партии, развалившиеся ранее под ударами силовых ведомств партийные структуры[110]. На совещании Петроградского Отдела ЦК, проходившем в июне 1915 года, А.И. Шингарев признался, что кадеты не нуждаются в легализации, ибо они свободно работают в Земгоре[111]. Во-вторых, не прекратившееся жесткое давление репрессивных органов на местах при попытках кадетов воссоздать чисто партийные организации. Недаром во многих местах «организованных отделов ...партии»[112] не существовало, как в Тверской губернии, или формально действовавшие организации «никакой деятельности» не проявляли[113]. По существу во время Первой мировой войны общественные организации заменили кадетам партийную структуру. Это позволило КДП усилить влияние на своих потенциальных сторонников и одновременно избежать административно-судебных преследований. Где же не существовало общественных организаций, там деятельность кадетской партии по-прежнему была невозможна. Эта обратная связь между активностью кадетов и деятельностью общественных организаций была зафиксирована

и Департаментом полиции. Так Николаевское Жандармское Управление сообщало в декабре 1915 года, что в городе «партии ...не имеется ...за отсутствием подходящих союзов и обществ, в коих они могли бы вести свою пропаганду»[114].

В свою очередь, отсутствие организационных структур кадетов на местах ставит перед исследователями достаточно трудновыполнимую задачу идентификации кадетов в общественных организациях и является достаточно веским препятствием для получения максимально точных данных о численности кадетской периферии в этот период с 1915 - по февраль 1917 год, так как сохранившиеся архивные документы, как в фондах Департамента полиции, так и, собственно в фонде кадетской партии, зафиксировали, по сути, только некоторую часть кадетов на местах. Именно по этой причине, на наш взгляд, к концу 1916 года численность членов КДП открыто заявлявших о принадлежности к партии или состоявших в партийных организациях сократилась, по нашим данным, в сравнении с 1914 годом приблизительно в 4 раза, но была всё равно выше, чем в 1911 году в 1,35 раза. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что руководство кадетской партии, по существу, приняло эту новую тактику деятельности кадетов на местах. Князь Д.И. Шаховской, ознакомившись накануне VI съезда (февраль 1916 года) партии с функционированием кадетской периферии, доложил ЦК свои выводы, которые оказались достаточно оптимистичными и подтверждающими сделанные нами выше наблюдения: «В провинции все наличные силы поглощены работой внепартийных организаций и нельзя отрывать их от важных практических работ для искусственных партийных дел»[115]. Поэтому, на наш взгляд, цифровые выкладки, представленные в таблице №25, хотя, и не являются окончательными, но, несомненно, репрезентативны и определяют тенденции в динамике численности кадетской партии в межреволюционное десятилетие (июнь 1907 - февраль 1917 года), ибо в

таблице нами зафиксирована, за некоторыми исключениями, о которых мы говорили выше, численность, по сути, наиболее последовательных сторонников кадетской партии, которых можно определить как партийных активистов, отчасти как партийных функционеров. Такой подход позволяет определить с достаточной репрезентативностью численность кадетов в империи в межреволюционный период. И кроме этого, позволяет констатировать, что десятки тысяч «членов»[116] партии, состоявшие/участвовавшие в деятельности местных организаций КДП в годы революции 1905-1907 годов, оказались, в сущности, политическими последователями кадетизма, которые, в силу, прежде всего установившегося в империи после третьеиюньского переворота политического режима отошли от политики[117]. Поэтому и столь значительное сокращение численности партии кадетов, в 61,5 раза, к концу 1916 года в сравнении с июнем 1907 года оказалось, на наш взгляд, не неожиданным, а скорее закономерным.

Конкретизировать выявленные тенденции в динамике численности обеих либеральных партий в межреволюционный период позволяет количественный анализ численности КДП и «Союза 17 октября» по регионам.

Таблица №26.

Динамика численности Союза 17 октября и кадетской партии по регионам (июнь 1907 - февраль 1917 года).

Регион	Наименование политических партий	Численность										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России (49 губ., 1обл.)	Союз 17 октября	18008	409	60	8	120	56	234	5	--	--	--
	Кадеты	15711	415	66	60	195	27669	351	1019	240	325	43
Польша (10 губ.)	Союз 17 октября	30	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Кадеты	--	--	1	--	--	--	--	+	--	--	--
Кавказ (7 губ., 5 обл., 2 самост. окр.)	Союз 17 октября	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Кадеты	--	---	---	---	1	2	1	--	3	2	1
Средняя Азия (9 обл., 2 протектората)	Союз 17 октября	700	---	---	--	1	--	---	---	---	---	--
	Кадеты	---	---	--	--	---	---	1	---	1	1	--
Сибирь (4 губ., 6 обл., 1 протекторат) Маньчжурия	Союз 17 октября	40	---	---	---	---	---	---	---	---	---	--
	Кадеты	305	5	--	1	--	1	---	18	19	31	--
Финляндия (8 губ.)	Союз 17 октября	--	--	--	---	--	--	--	--	--	---	--
	Кадеты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Условные обозначения в таблице №26: "+" - деятельность партийных структур на местах зафиксирована, но численность неизвестна.

Анализ динамики численности обеих либеральных партий, представленных в таблице №26, позволяет выявить основные тенденции и определенные закономерности в динамике численности кадетской партии и «Союза 17 октября».

Прежде всего, необходимо отметить, что численность двух либеральных партий была распространена по территории империи крайне неравномерно. Далее, числовые выкладки обеих партий за 1907 год по регионам позволили, по существу, зафиксировать последний этап того временного рубежа, за которым начался обвал численности обеих либеральных партий. Так, численность кадетов в 1907 году оказалась достаточно большой из-за 15 тысяч членов партии, которых Департаменту полиции удалось «обнаружить» в Одессе[118]. В то же время по другим регионам получаемые Департаментом полиции от местных Жандармских Управлений данные за второе полугодие 1907 года уже более реалистичны. Можно предположить, что данные, полученные Департаментом полиции от Одесского ЖУ, носили опосредованный характер, или же местное Жандармское Управление «записало» в кадеты всех проголосовавших за партию на выборах в III Государственную Думу. Такой вариант также нельзя исключить. И, на наш взгляд, он является достаточно правдоподобным. То же можно сказать и о численности «Союза 17 октября» во второе полугодие 1907 года. Данные представленные в Департамент полиции Жандармскими Управлениями с мест к концу года фактически зафиксировали численность «Союза 17 октября» за весь 1907 год, а не только за его вторую половину. И как следствие этого, значительное сокращение численности обеих партий на рубеже 1907-1908 годов позволяет определить не только численность обеих либеральных партий на последнем этапе революции 1905-1907

годов, но и увидеть насколько резким был спад численности партий в регионах после третьеиюньского переворота.

Кроме того, данные, зафиксированные в таблице №26, позволяют увидеть основной регион, в котором численность партийных организаций превосходила во много раз численность в других. Этот регион - Европейская часть России. В этом нет ничего удивительного, так как общественные организации (земства) и сословно-представительные (дворянские собрания), которые являлись социальной основой обеих формировавшихся либеральных партий, территориально находились как раз в Европейской части страны. В остальных же регионах империи численность партий, по выше высказанным причинам, была на несколько порядков ниже, а в Финляндии вообще отсутствовали организации обеих партий. В других национальных окраинах: в 10 польских губерниях, в Средней Азии, на Кавказе, численность либеральных партий оказалась столь минимальна, что, в сущности, не влияла на тенденции, происходившие в динамике численности этих партий[119]. То же можно сказать и о численности организаций обеих партий в Сибири. В большей степени это относится к «Союзу 17 октября», в меньшей к Партии народной свободы.

Даже при беглом ознакомлении с динамикой численности либеральных партий по регионам в глаза бросается достаточно резкий спад численности обеих партий после 1907 года (о причинах спада мы говорили выше). Фактически после 1907 года октябристы и кадеты зафиксированы нами лишь в Европейской части России, в других регионах они, по сути, «исчезли». В 50 Европейских губерниях численность октябристов сократилась в 1908 году в сравнении со второй половиной 1907 года в 44 раза, а кадетов в 37,9 раза. В следующем 1909 году численность обеих партий вновь достаточно резко упала и по темпам падения сопоставима между собой. Так, численность октябристов в 1909 году, в сравнении с

предыдущим 1908 годом, сократилась в 6,8 раза, а кадетов в 6,2 раза. Но в последующие годы в динамике численности обеих партий в Европейской части России произошли существенные сдвиги. Если численность кадетской партии в 1909-1910 годах оставалась, фактически, на одном уровне, то численность «Союза 17 октября» продолжала падать на фоне обширного и глубокого структурного кризиса охватившего «Союз», что привело к исчезновению его организаций на местах уже через год-два после третьеиюньского государственного переворота. Действительно, в 1910 году численность октябристов, в сравнении с 1909 годом, уменьшилась ещё на один порядок, сократившись в 7,5 раза. Всего же со второй половины 1907 года численность обеих партий к концу 1910 года в Европейской части России уменьшилась многократно: кадетов в 261,7 раза, а октябристов в 2251 раз. Такой обвал численности обеих либеральных партий поставил на карту сам факт их существования в Европейской части России, а численность обеих партий за неполные четыре года после окончания революции 1905-1907 годов (июнь 1907-1910 год) достигла своей критической отметки. Но, начиная с 1911 года численность партий возросла, что было связано с подготовкой их к выборам в IV Государственную Думу. Однако если для кадетов увеличение численности партии явилось подтверждением живучести идей кадетизма на местах, то для «Союза 17 октября» было преходящим явлением, ибо кризис в партии приобрел уже необратимые формы.

В русле данных тенденций развивалась и динамика численности обеих партий во второе межреволюционное пятилетие. Действительно, в то время как численность октябристов постоянно сокращалась и была протеичной, то, начиная с 1912 года (если исключить данные о численности кадетов в Петербурге) до конца 1916 года численность кадетской партии вполне сопоставима по годам, исключая лишь 1914 год, когда наблюдался всплеск активности кадетов в связи с началом Первой

мировой войны. Это говорит о некоторой устоявшейся численности постоянных приверженцев Конституционно-демократической партии.

Кроме того, при анализе данных таблицы №26 по Европейской части России, во второе межреволюционное пятилетие, заметна волнообразность в динамике численности кадетской партии, что вполне объяснимо, так как максимальная численность кадетов отмечена в политически активные для страны годы, в 1912 году в год выборов в IV Государственную Думу, и в 1914 году в год начала Первой мировой войны. В последующие же за ними годы происходил предсказуемый спад численности КДП. Такими промежуточными годами оказались 1913 и 1915 годы. Впрочем, численность кадетской партии в 1916 году хотя и выше, чем в 1915 году, но всё же позволяет говорить о наступившей в 1915-1916 годах стабилизации численности КДП. В целом во второе межреволюционное пятилетие численность кадетской партии оставалась стабильной. Так в 1914 году численность кадетов увеличилась в сравнении с 1913 годом в 2,9 раза, в 1915 году уменьшилась в сравнении с 1914 годом в 4,2 раза и даже в сравнении с 1913 годом в 1,5 раза, но уже в следующем 1916 году численность партии вполне сопоставима с численностью кадетов в 1913 году. Что же касается численности партии в 1917 году, то следует принять во внимание, что Департамент полиции фактически не успел за 1-1,5 месяца до февральской революции получить все сведения о численности кадетов на местах от Жандармских Управлений и в самом фонде кадетской партии не отложилось в этот временной отрезок, по существу, ни какой информации о численности кадетской периферии.

Подводя итоги анализа динамики численности обеих либеральных партий необходимо сделать общий вывод: численно абсолютное большинство членов обеих либеральных партий было сосредоточено в Европейской части России. В остальных регионах империи численность как «Союза 17 октября», так и кадетской партии была незначительна и не

оказывала сколько-нибудь весомого влияния на тенденции в динамике численности обеих партий[120].

Теперь, более дифференциально, проанализируем динамику численности обеих либеральных партий в Европейской части России. Для этого разделим пятьдесят губерний Европейской части на следующие восемь регионов: Центрально-промышленный район (ЦПР), Европейский Север, Северо-Запад, Прибалтика и Белоруссия, Украина и Бессарабия, Центрально-черноземный район (ЦЧР), Поволжье, Урал[121].

Таблица №27.

Динамика численности «Союза 17 октября» в Европейской части России (июнь 1907 - февраль 1917 года)

Регион	Тип организации	численность										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	4335	+	+	+	80	6	34	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	3	--	--	--	--	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**4335**	**+**	**+**	**+**	**83**	**6**	**34**	--	--	--	--
Европей-ский Север (3 губ.)	1) губернская	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
Северо-Запад-ный район (3 губ.)	1) губернская	92	9	53	8	14	46	200	5	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	2	--	--	--	--	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**92**	**9**	**53**	**8**	**16**	**46**	**200**	**5**	-	-	-

Прибалтика и Белоруссия (9 губ.)	1) губернская	5926	--	--	--	2	+	+	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	1	--	--	--	--	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**5926**	-	-	-	**3**	**+**	**+**	-	-	-	-
Украина и Бессарабия (10 губ.)	1) губернская	1025	400	+	+	1	--	--	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	1	--	--	--	--	--	--
	3)др.насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**1025**	**400**	+	+	2	--	--	--	--	--	--
ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	3530	+	+	+	1	1	--	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	2	--	--	--	--	--	--
	3)др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**3530**	**+**	**+**	**+**	**3**	**1**	--	--	--	--	--
Поволжье (6 губ.)	1) губернская	2100	+	7	+	10	--	--	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	2	--	--	--	--	--	--
	3)др. насёл. пункты	--	--	--	--	1	--	--	--	--	--	--
	Всего	**2100**	**+**	**7**	**+**	**13**	--	--	--	--	--	--
Урал (4 губ.)	1) губернская	1000	--	--	--	--	3	--	--	--	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	3)др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**1000**	--	--	--	--	**3**	--	--	--	--	--

Условные обозначения в таблице №27: "+" - деятельность партийных структур на местах зафиксирована, но численность неизвестна.

Таблица №28.

Динамика численности кадетской партии в Европейской части России (июнь 1907 - февраль 1917 года).

Регион	Тип организации	Численность										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
ЦПР (9 губ.)	1) губернская	91	150	8	20	43	44	24	113	32	129	21
	2) уездная	105	98	3	1	3	5	1	-	2	-	-
	3) др. насёл. пункты	83	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-
	Всего	**279**	**250**	**11**	**21**	**46**	**50**	**25**	**113**	**34**	**129**	**21**
Европей-ский Север (3 губ.)	1)губернская	100	101	+	1	--	3	4	1	1	--	--
	2) уездная	--	--	--	--	--	--	--	--	+	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**100**	**101**	**+**	**1**	**-**	**3**	**4**	**1**	**1**	--	--
Северо-Запад-ный район (3 губ.)	1) губернская	33	9	17	17	16	27539	68	14	80	40	--
	2) уездная	5	5	1	2	4	2	2	3	1	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	1	--	--	2	--	--
	Всего	**38**	**14**	**18**	**19**	**20**	**27542**	**70**	**17**	**83**	**40**	-
Прибал-тика и Белорус-сия (9 губ.)	1) губернская	205	3	17	4	9	23	5	1	4	+	--
	2) уездная	+	--	--	--	2	1	1	3	1	--	--
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**205**	**3**	**17**	**4**	**11**	**24**	**6**	**4**	**5**	**+**	--
Украина и Бессара-бия (10 губ.)	1) губернская	17	21	2	5	11	14	211	8	26	21	--
	2) уездная	15000	3	2	1	10	1	6	4	4	18	--
	3)др. насёл. пункты	--	--	--	--	1	--	--	--	1	--	--
	Всего	**15017**	**24**	**4**	**6**	**22**	**15**	**217**	**12**	**3l**	**39**	--

ЦЧР (5 губ., 1 обл.)	1) губернская	10	22	11	3	2	18	2	160	8	--	--
	2) уездная	1	--	1	1	2	1	7	1	11	19	8
	3) др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**11**	**22**	**12**	**4**	**4**	**19**	**9**	**161**	**19**	**19**	**8**
Повол-жье (6 губ.)	1) губернская	1	1	2	4	86	14	20	711	63	30	14
	2) уездная	50	--	--	--	5	3	--	+	+	+	--
	3)др. насёл. пункты	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**51**	**1**	**2**	**4**	**91**	**17**	**20**	**711**	**63**	**30**	**14**
Урал (4 губ.)	1) губернская	--	--	--	1	--	--	+	--	3	48	--
	2) уездная	--	--	1	--	1	+	--	--	1	20	--
	3) др. насёл. пункты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	--
	Всего	--	--	**1**	**1**	**1**	**+**	**+**	--	**4**	**68**	--

Условные обозначения в таблице №28: "+" - деятельность партийных структур на местах зафиксирована, но численность неизвестна.

Анализ таблиц №27 и №28 показывает, что на исходе революции 1905-1907 годов во всех регионах Европейской части численность обеих либеральных партий резко сократилась, особенно численность «Союза 17 октября». Об этом можно судить по значительному колебанию в сторону уменьшения численности, сопоставляя данные за вторую половину 1907 и за 1908 года. Исключение составляют лишь численность кадетской партии на Европейском Севере, в ЦПР и в ЦЧР. В период 1909-1910 годов спад численности обеих либеральных партий продолжился. Лишь начиная с 1911 года в преддверии выборов в IV Государственную Думу наметился численный рост партийных рядов обеих партий, который, однако, был не значительным в сравнении с численностью партий во второй половине 1907 года. В целом же в Европейской части России наибольшее количество

сторонников обеих либеральных партий в первое межреволюционное пятилетие зафиксировано нами в земских губерниях - ЦПР, ЦЧР, Поволжья, Северо-Запада (в основном в Петербурге), в восточной части Украины. Одновременно в динамике численности Партии народной свободы и октябристской партии видны достаточно контрастные различия. В то время как кадетам у далось в этих регионах, а так же в Прибалтике и Белоруссии, сохранить фиксированное количество своих сторонников как в сохранившихся организациях (комитетах), так и в виде «отдельных лиц» (классификация Департамента полиции) в губернских и уездных административных центрах, то октябристам сохранить партийный костяк не удалось и фактически до 1911 года численность их «неуловима» из-за формального существования октябристских отделов на местах. Причём «существовали» такие отделы в большинстве случаев в губернских городах. В уездах же октябристов, по существу, не было. Таким образом, временной отрезок со второй половины 1907 по конец 1910 года явился периодом резкого сокращения численности обеих либеральных партий во всех без исключения регионах Европейской части России.

Во второе межреволюционное пятилетие (1912 – февраль 1917 года) численность кадетской партии в земских регионах Европейской части России оставалась самой большой. В то время как из-за охватившего «Союз 17 октября» идейного и структурного кризиса численность партии на местах достигла критически низкого уровня уже в 1912-1913 годах, а летом 1915 года и сам «Союз» как политическая партия прекратил своё существование.

Кроме того, следует особо подчеркнуть, что при общей тенденции резкого уменьшения численности всех типов организаций обеих либеральных партий наиболее стабильными, несмотря на довольно значительную амплитуду колебаний их численности, оказались, организации, действовавшие в губернских и уездных (последнее в

основном относится к кадетским организациям) городах. В то время как другие типы организаций, по существу, прекратили свою деятельность к исходу 1908 года. Данный вывод только подтверждает общеизвестный факт, а именно, что по большей части в губернских, а так же уездных городах Европейской части России проживали те социальные слои российского общества, которые являлись не просто временными последователями или даже сторонниками идей октябризма и кадетизма, а были убежденными носителями идеологии обеих партий, но таких на фоне попутчиков/сочувствующих было меньшинство.

Подводя итоги деятельности обеих общероссийских либеральных партий в межреволюционное десятилетие, можно сказать, что за год-два после окончания революции 1905-1907 годов произошёл не просто единовременный количественный спад численности либеральных партий, но что более важно отметить, он явился прямым следствием отсутствия своеобразного идеологического «качества» у большинства членов местных организаций как кадетской партии, так и «Союза 17 октября», которые так и не смогли до конца проникнуться партийной идеологией и воспринять партийные ценности. Именно эта взаимосвязь определила динамику численности партий в межреволюционное десятилетие и их организационную прочность. Действительно, отмеченный количественный спад 1908-1910 годов был не разовым явлением, а стал постоянным прямолинейным и достаточно быстротечным движением в сторону гибели организационных структур обеих либеральных партий и как следствие многократного сокращения численности партийных рядов. В результате ко времени выборов в IV Государственную Думу обеим либеральным партиям удалось сохранить на местах, хотя и по разным причинам, фактически только партийных активистов, но не функциональные организации. Поэтому, будучи формально членами кадетской или октябристской партий «активисты» на местах оказались либо

попутчиками/сочувствующими, либо партийным электоратом, либо вообще случайными людьми. Данные тенденции были характерны на протяжении всего межреволюционного десятилетия. В результате на местах организации обеих либеральных партий с июня 1907 по февраль 1917 года («Союз 17 октября» до своего развала летом 1915 года) прекратили своё существование, а численность КДП и «Союза 17 октября» в регионах ограничивалась руководством местных организаций (где они ещё сохранились), или, что встречалось гораздо чаще, - «отдельными лицами» и партийным электоратом. Именно поэтому крайне важно подчеркнуть, что деятельность как легализованного проправительственного «Союза 17 октября», так и подвергавшейся административно-судебным преследованиям кадетской партии носила в межреволюционное десятилетие на местах замкнутый, кружковый характер. В результате этого, вплоть до февральской революции 1917 года, кадетам, а октябристам до развала партии в июне 1915 года, в регионах не удалось достаточно активно проявить себя политически.

§ 3. Правомонархические организации

Правомонархические формирования (от традиционалистского до черносотенного толка), возникнув как реакция консервативных сил на революцию 1905-1907 годов, на протяжении своей истории сохраняли аморфную организацию. Причины данного явления достаточно очевидны. Во-первых, правомонархические образования создавались на довольно расплывчатой идеологической основе, причудливо соединявшей в себе самые различные и трудно состыкуемые друг с другом компоненты. Во-вторых, идеологи правомонархического движения попытались создать такую организационную структуру, которая, по их мнению, должна была

объединить в себе представителей самых различных социальных страт, имевших разновекторные интересы (помещиков и крестьян, «традиционное» купечество и служащих, рабочих и мещан и т.д.)[122]. В-третьих, для многих руководителей правомонархических организаций были характерны личные амбиции, тщеславие, откровенные претензии на роль общенационального лидера, что, естественно, приводило к постоянным конфликтам, склокам, чреватыми перманентными расколами, угрозами «ухода» и другими подобными эпатажными выходками.

Эти и ряд других причин привели к тому, что после революции 1905-1907 годов правомонархическое движение оказалось на грани организационного раскола. Выполнив свою задачу - содействие правительству в подавлении революции, лидеры правых монархистов оказались не только не способными воспринимать, но даже осознавать новые политические реалии. Наиболее рельефно это проявилось в крупнейшей правомонархической партии – Союзе русского народа (СРН)[123].

Союз русского народа был основан в ноябре 1905 года в Петербурге. Вначале он мало, чем отличался от десятков других правых организаций. Однако вскоре СРН вырос из небольшой городской организации в общероссийское политическое формирование. К моменту третьеиюньского переворота СРН окончательно оформился в общероссийскую политическую партию.

В течение полутора лет, естественно, изменилась и организационная структура СРН. В процессе организационного строительства Союз инкорпорировал в свой состав целый ряд правомонархических организаций, которые, впрочем, сохранили свою самостоятельность в выработке и принятии решений, реже свои названия (например, Союз русских рабочих, Патриотическое общество молодежи, Двуглавый Орел, Союз русских православных людей в городе Шуе и другие организации).

Ко времени третьеиюньского переворота организационная структура СРН фактически уже сложилась. Во главе Союза стоял Главный Совет. Ему соответственно подчинялись губернские отделы (во главе которых стояли Советы отделов), которые должны были курировать нижестоящие организации губернии: уездные, городские (в крупных городах они делились на районные) отделы. В свою очередь, уездные отделы (во главе отдела - Совет) должны были следить за работой низовых организаций Союза, действовавших в уезде: отделы и подотделы (в некоторых губерниях они назывались дружинами), функционировавших в сельской местности[124].

Однако следует оговориться, что, по существу, все организации на местах (отделы, подотделы, дружины) были предоставлены сами себе, а вышестоящие организации, за редчайшим исключением, предпочитали не вмешиваться в их деятельность. Этим, на наш взгляд, объясняется достаточно большое количество низовых структур (например, уездного подчинения), которые предпочитали решать свои проблемы помимо уездного и даже губернского отдела, непосредственно апеллируя к Главному Совету Союза[125]. Причину подобного явления следует искать не в недееспособности губернских или уездных отделов и их Советов, а, прежде всего в авторитарной модели построения СРН. Однако имели место и исключения в тех организациях, во главе которых находились активные и харизматические личности, их деятельность приобретала независимый и самостоятельный характер. Такова была, к примеру, деятельность почаевского отдела Союза, возглавляемого архиепископом Волынским и Житомирским Антонием.

Организационные структуры других правомонархических организаций были во многом идентичны структуре СРН. Это относится и ко второй по численности и значимости правомонархической партии - Русскому народному Союзу имени Михаила Архангела (далее РНС), который был

создан в начале 1908 года В.М. Пуришкевичем и его сторонниками, отколовшимися от СРН.

Кроме этих двух «гигантов» правомонархического движения существовал целый ряд более мелких политических партий и образований традиционалистско-охранительного направления, которые условно можно подразделить на: 1) общероссийские; 2) регионально-территориальные; 3) местные.

К первому типу, кроме СРН и РНС, следует отнести «Русское Собрание» (Петербург, 1902), «Союз русских людей» (Москва, весна 1905), Русская монархическая партия (Москва, 1905), Отечественно-патриотический Союз (Москва, 1915). К регионально-территориальным организациям, как пример, следует отнести - Общество «Двуглавый Орел» (образован, вероятно, в 1907 году в Киеве), действовавший на Украине. Правомонархические формирования функционировавшие, как правило, в одном уезде или в губернии следует отнести к местным.

Исследователям удалось установить приблизительное число регионально-территориальных и местных правомонархических политических партий и организаций, возникших в период революции 1905-1907 годов. В этот период их насчитывалось около тридцати[126]. Но не многим из них удалось сохраниться после революции 1905-1907 годов: большинство распалось или же присоединилось к СРН. Однако, многие из правых партий и организаций как регионально-территориального, так и местного уровня, несмотря на присоединение к СРН, сохранили своё прежнее название, самостоятельность в принятии решений, а также свои уставы (к таким партиям, кроме уже упоминавшихся нами, можно добавить Вятскую народно-монархическую партию и «Патриотическое общество», действовавшее в Тифлисе).

Если даже на стадии своего формирования как политического движения правым монархистам не удалось объединиться в единую

общероссийскую политическую партию[127], то вскоре после революции в их рядах усиливаются центробежные тенденции. В начале 1908 года от СРН откололся Русский народный Союз имени Михаила Архангела. К 1910 году после закулисной борьбы в СРН произошла отставка А.И. Дубровина с поста председателя Союза. Последовавшее после этого размежевание в СРН, затянувшееся на два года, привело к созданию двух новых, независимых друг от друга и, что важно подчеркнуть, враждебных организаций: Обновленческого СРН и Всероссийского дубровинского СРН (ВДСРН)[128]. Всё это время между этими двумя организациями шла непримиримая, с использованием грязных приёмов, борьба за контроль над провинциальными отделами. В этой организационной неразберихе многие отделы «старого» СРН (и так зачастую дышавшие на ладан) распадались[129], а входившие в СРН территориально-региональные и местные организации правых фактически, вновь оказались вне организационной структуры обеих Союзов. Более того, обособился Почаевский отдел СРН. В Астрахани известный черносотенец Н.Н. Тихонович-Савицкий создал из местного отдела СРН Астраханскую народно-монархическую партию. Не способствовали единству монархических организаций на местах и постоянные раздоры внутри руководств отделов,[130] возникавшими, в том числе, из-за раскола в Союзе русского народа[131].

Как результат организационная аморфность правомонархических партий и организаций и усилившийся после революции 1905-1907 годов раздрай внутри движения в целом, с одной стороны, усугубили организационный кризис, а с другой - привели к резкому уменьшению численности всех типов партийных структур правых. Анализируя эти два взаимосвязанных процесса, следует иметь ввиду ряд, на наш взгляд, важных моментов. Во-первых, в условиях революции 1905-1907 годов традиционалистски мыслящие и придерживавшиеся идей

ретрадиционализации обыватели были напуганы экспроприациями, ростом хулиганства и другими разного рода «революционными эксцессами», и поэтому инстинкт самосохранения толкал их к объединению, чтобы дать отпор революционной стихии. Они готовы были прийти на помощь властям, чтобы консолидировать усилия и направить их на подавление революции[132].

Во-вторых, консервативный обыватель не мог не ощущать, что революция несёт перемены, а к ним он относился с большой опаской, отвергая политическую коадаптацию и предпочитая выступать за сохранение status quo. Имплицитно и эксплицитно именно панический страх перед возможными переменами являлся одним из мощных стимулов к объединению этих социальных групп и вступлению их в ряды правомонархических организаций.

В-третьих, после третьеиюньского государственного переворота в стране наступила относительная стабилизация, власть смогла «водворить» порядок в стране, что, естественно, привело к редукции напряженности среди консервативно настроенных слоёв общества, на какое-то время уверовавших в могущество власти.

В-четвертых, и это самое главное, объединившись на основе таргетированной задачи: борьбы с революцией консервативные силы оказались не в состоянии объединиться для постановки и решения позитивных задач - реформирования страны. Намеченные столыпинским правительством реформы вызвали неоднозначную реакцию у правых монархистов, которые по-разному, а нередко и диаметрально противоположно мыслили себе пути дальнейшего развития России. Поэтому как это ни парадоксально, но революция позволяла сохранять единство правомонархических сил. После же её окончания в рядах правомонархистских союзов, партий, организаций усилились

центробежные тенденции, приведшие к их расколу и уменьшению численности их рядов.

Кроме того, сами структурные подразделения/организации правых не были гомогенны. Они оказались ментально разделены по сословному и классовому принципу, а представители этих страт и классов как минимум обладали различным видением идеоконструкции и целеполагания правомонархического движения. Как результат социальная декомпозиция не способствовала идеополитическому объединению представителей различных классов и страт, входивших в правомонархические организации, не смотря на их единую партийную принадлежность, в единый партийный каркас. В этом нам видится ещё одна причина организационной гетерогенности правомонархических организаций.

Таким образом, суммируя причины распада правомонархической периферии и, следовательно, резкого уменьшения численности их организаций после третьеиюньского переворота, можно констатировать, что их организационному развалу на местах способствовало: во-первых, отсутствие политического праксиса и агрегации у руководства СРН и других правомонархических организаций в деле создания чётко отлаженной функциональной организационной структуры и организационной вертикали; во-вторых, разнонаправленность интересов различных социальных страт, представители которых являлись членами правомонархических союзов, партий, организаций; в-третьих, незавершённость политической артикуляции интересов данных социальных страт; в-четвёртых, отсутствие достаточного числа профессиональных партийных функционеров на местах, занимавшихся только партийной работой.

В результате, если внимательно присмотреться к деятельности правых монархистов, достаточно чётко вырисовывается следующая картина: организации, сохранившиеся после революции 1905-1907 годов активно

действовали только в обеих столицах, в губернских, а так же некоторых уездных городах[133], где проживали активисты правомонархического движения. В то время как в черте еврейской оседлости[134] и в других местах наиболее активной деятельности правых большинство их отделов и подотделов, действовавших в сельской местности функционировали, большей частью, временно, в основном в период революции 1905-1907 годов[135]. Дело в том, что сельские отделы и подотделы правомонархических организаций, а так же отделы в тех уездных городах, где не было партийных активистов или они действовали вяло, оказались предоставлены сами себе. В конечном итоге такие организации распадались.

Кроме того, следует отметить следующее: быстротечный развал местных правомонархических организаций был следствием политического просчета идеологов правых. Их несколько идеалистическое и одновременно патерналистское отношение к представителям социальных низов (прежде всего к крестьянству, в меньшей мере к рабочим) и политическая иллюзорность в отношении этих социальных страт (идеологи правых считали представителей социальных низов «верными» сторонниками самодержавия) приводили к тому, что, как наивно считали идеологи правых, не было необходимости вести последовательную агитационную работу в массах, ибо социальные низы, якобы являлись их естественными союзниками, готовыми к вступлению в монархические организации, к борьбе с «внутренними врагами» Отечества - революционерами и инородцами. В представлении идеологов правых достаточно было на начальном этапе инициировать создание отдела, подотдела обеспечить его соответствующей монархической атрибутикой и литературой как дело сдвинется с мёртвой точки и организация начнёт функционировать. Однако реальность опровергла эти идеалистические представления.

Будучи выходцами, из обеспеченных слоёв российского общества, идеологи правых были знакомы с жизнью народа более понаслышке, прямолинейно и механистически оценивая мировоззрение, мироощущение и психологию социальных низов. В результате черносотенное «хождение в народ» окончилось (и не могло не окончиться) таким же провалом, как в своё время акция народников. При этом руководители правых склонны были винить в своих неудачах в межреволюционный период всех кого угодно, но только не себя. Чтобы не быть голословным, приведём схему создания правых организаций в сельской местности. Главный Совет (или Главная Палата РНС имени Михаила Архангела) выдавала лицу, изъявившему желание открыть отделы (подотделы) в той или иной губернии (области), а так же на территории сопредельных губерний (областей), специальное разрешение. С этого момента он становился «уполномоченным лицом» по открытию отделов (подотделов). Интересна сама процедура открытия организаций таким «уполномоченным». Она была фактически формальной, а само действо образования отдела (подотдела) было четко отработано, поставлено на поток и происходило больше для «галочки»[136].

Приезжая в деревню или в село «уполномоченный» выступал с краткой речью «патриотического» содержания перед крестьянами, собранными, как правило, при содействии местного священника или же под давлением должностных лиц (урядника). В заключении речи «уполномоченный» призывал «деревенских» записываться в создаваемый отдел (подотдел). Поставленные в такие условия крестьяне, естественно, записывались тоже для «галочки», не забывая при этом свои интересы (быть поближе к власти через «посредство» Союза, «авось пригодится»)[137]. В результате из числа вновь испечённых членов, которые до этого и не подозревали о существовании Союза, выбирался Совет отдела (подотдела). После формального создания местной черносотенной организации её

руководители весьма смутно представляли себе цели и задачи движения, зная только, что надо защитить царя-батюшку от «крамольников»-революционеров и «нечистей»-инородцев. А «уполномоченный» отправлялся дальше «создавать» следующий отдел. Вся эта организационная деятельность «уполномоченного» была больше похоже на буффонаду, чем на реальную политическую деятельность.

Возвращаясь к позиции священников, заметим, что от их отношения к правомонархистам часто зависело, будет или не будет открыт отдел (подотдел). Одни священники индифферентно относились к созданию правомонархических организаций, другие же наоборот принимали в их создании активное участие, содействуя во всем «уполномоченному». Приведём здесь только два неудавшихся примера такого сотрудничества. «Уполномоченный» Союза русского народа по Бессарабской губернии докладывал в Главный Совет: «Прибыв в село Вадлуй-воды для организации отдела первым делом обратился к местному священнику отцу Георгию Чолаку, как бывшему председателю Вадлуй-водского подотдела с.р.н. для содействия мне в организации, потому молдаване большей частью доверяются батюшке, получил от него следующий ответ: “Что я никаких союзов ваших русских не знаю и своим прихожанам не благословляю вступать”. Между тем как у них имеется хоругвь союза, я ему сказал, если вы не принимаете союза, то для чего приняли от Кишиневского губернского отдела с.р.н. стяг, как знамя о существовании с.р.н. Он возразил, что оно у нас находится как украшение и больше ничего. ...Между прочим, наоборот, наш местный, т.е. Чимишенский батюшка пришёл мне на помощь и ежедневно и в каждый праздник толкует о значении с.р.н. для государства»[138]. В селе Кикнурино Вятской губернии отношения между союзниками и священником вообще не сложились: «У нас в деревнях народ не образованный, - жаловался местный черносотенец в Главный Совет дубровинского СРН в своём

письме от 5 мая 1914 года, - союз считают не от имени государя ...(а – *Н.П.*) считают облыжным, которы[е] говорят это подпись к Антихристу.

Священничество села Кикнурина (на – *Н.П.*) всё это смотрит хладнокровно и не хотят народ вразумить ...народ тёмный и верит духовенству, а они не хотят уверить народ»[139]. Бывало из-за нежелания священников сотрудничать с союзниками, последним приходилось идти на прямой подлог. Один из таких случаев очковтирательства был раскрыт самими же союзниками в Шуйском уезде Владимирской губернии в 1914 году. Дело происходило следующим образом. Председатель отдела Союза русских православных людей в городе Шуе (далее: СРПЛ) в селе Поддубье Шуйского уезда Владимирской губернии доложил своему начальству в Шую в сентябре 1914 года, что провёл с помощью местного священника собрание своего многолюдного отдела. Однако при проверке выплыла нелицеприятная правда. Об истинном положении дел в отделе поведал проверяющий СРПЛ в городе Шуе. В «…ответ на “послание” ...будто бы бывшего собрания членов Союза (31 августа – *Н.П.*), - докладывал он в своем письме от 20 сентября, - ...на котором было 400 человек на молебне совершенном о.[тцом] Григорием Колоковым.

1) Уведомляю, что по сему делу я лично осведомлялся от священника о.[тца] Григория Колокова, который мне объяснил, что текущим летом он никакого молебна ...не совершал и никакого собрания ...не собиралось и не было и что всё это одна наглая ложь (сам же председатель с– *Н.П.*) 6 августа ...в селе Поддубье не обретается»[140].

Вполне понятно, что созданные по такой схеме отделы/подотделы были не только не дееспособны, но, по существу, являлись мёртворожденными. Большинство из них распадалось достаточно быстро. Члены формально сохранившихся отделов/подотделов поверив агитации «уполномоченного» и подписав прошения с пожеланиями решить в основном аграрный вопрос (в том числе земельные споры между

общинами), и не получив ответа, что происходило в большинстве случаев, так же разваливались, числясь только на бумаге в отчётах «уполномоченных» в Главный Совет СРН.

Что же касается деятельности черносотенцев в городах, то и здесь их положение после третьеиюньского переворота становилось незавидным. За исключением обеих столиц, некоторых губернских и уездных городов деятельность правомонархистов в городах, по существу, сошла на нет. Развал их организаций начался ещё за год до третьеиюньского переворота, после того как революция пошла на спад. Так, в Вологде в 1906 году «...союз (был – *Н.П.*) очень скверно поставлен»[141]. А после июньских событий 1907 года тенденция к распаду приобрела необратимый характер. В соседнем с Вологдой Архангельске, по сведению местных кадетов, в феврале 1909 года: «Сама организация (была – *Н.П.*) не значительна. Деятельность (проявляла – *Н.П.*) в распространении литературы»[142]. В Екатеринбурге общее собрание местных черносотенцев, которое должно было состояться 12 августа 1907 года, не состоялось, так как пришло только 9 человек. В Оренбурге в течение 1909 года отдел СРН вообще бездействовал, ибо его руководители, что примечательно, не ходили на собрания[143]. В результате даже на Юго-Западной и Западной окраинах империи в черте так называемой «еврейской оседлости» правомонархические организации постепенно хирели и уже к 1912 году большинство из них распалось или бездействовало. По сведениям Департамента полиции, «...в Гродненской губернии числится (то есть формально существуют – *Н.П.*) 15 отделов Союза русского народа, ...2 отдела ...Союза имени Михаила Архангела, ...но все эти политические организации проявляют мало жизни»[144]. В Бессарабии «в составе существующего в губернии Отдела Союза русского народа произошёл полный раскол: членами его состоят, - доносило местное Губернское жандармское управление, - преимущественно одни мелкие ремесленники и

чернорабочие, и вообще, люди с тёмным прошлым и при этом в очень ограниченном числе»[145].

Несколько иная картина наблюдалась в Москве, Петербурге и других крупных губернских городах. Здесь черносотенцы сосредоточили свою деятельность, во-первых, на проведении многочисленных собраний-фетишей, отличавшихся театрализованностью, без явных последствий для развития правомонархического движения, во-вторых, на деятельности в общественных и благотворительных организациях, но и здесь правые монархисты не добились сколько-нибудь значимых и продолжительных по времени результатов.

Что же происходило в правомонархическом движении на исходе революции 1905-1907 годов? Вполне понятно, что динамика численности монархистов зависела от участия в их организациях потенциальных сторонников: в первую очередь, по терминологии правых «чёрного люда» - крестьян и рабочих. В своей пропаганде в крестьянской и рабочей среде правые монархисты акцентировали внимание в основном на чувственно-эмоциональной сфере сознания[146], направо и налево раздавали обещания содействовать разрешению аграрного и рабочего вопросов. Однако, участие и крестьян, и рабочих в правомонархических организациях было временным и даже призрачным, зависящим, в том числе от особенностей регионов, в которых они проживали.

Наиболее же «идеологически» близкими к правомонархистам являлись средние и мелкие производители и периферийная, старозаветная торгово-промышленная среда, представлявшие собой социальную опору правомонархического движения. Представления этих социальных слоёв во многом совпадали с представлениями лидеров черносотенцев, видевших в этих слоях ту «исконную Русь», которая не вписывалась в процесс модернизации, не смогла к нему адаптироваться, а, следовательно, выражала им недовольство. Оказывая прямую или косвенную поддержку

правомонархическим организациям, традиционные слои питали иллюзию, что можно как-то приостановить модернизационный процесс, не спешить с преобразованиями.

Пестрота состава правомонархических организаций, объединивших в своих рядах представителей самых различных социальных страт, объяснялось во многом их негативным отношением к революции. Это было одной из главных причин относительной организационной устойчивости и политической активности правых в годы революции 1905-1907 годов. Не случайно, после подавления революции, в рядах правых (и в верхних и в нижних эшелонах организационной структуры) начался разброд, так как входившие в их организации различные социальные слои по-разному понимали постановку, а главное, пути реализации программы действий правомонархических идиом. Во-первых, сразу же обнаружилась полная несостоятельность демагогических обещаний черносотенцев о дополнительной прирезке земли крестьянам, об улучшении положения рабочих, о принятии мер, направленных на поддержание кустарных промыслов и решении других социальных и экономических вопросов. Во-вторых, правомонархическим лидерам не удалось добиться у правительства П.А. Столыпина обуздания монополий, действиями которых выражали недовольство именно традиционалистски настроенные слои «старой» торгово-промышленной буржуазии, купечества. В-третьих, подавив революцию собственными силами, правительство П.А. Столыпина всё меньше и меньше считалось с правыми монархистами, начавшими выказывать недовольство предложенным пакетом правительственных реформ. В-четвёртых, разногласия между черносотенцами и П.А. Столыпиным, сделавшим ставку на октябристов и умеренных правых в III Государственной Думе, привели к сокращению правительственных финансовых вливаний в черносотенное движение.

Всё это вместе взятое обусловило медленный, но неуклонный развал правомонархических союзов, партий и организаций, нарастание в их рядах конфронтации, склок и дрязг. Подобного рода процессы вели к ослаблению деятельности правомонархических организаций, к расколам в их рядах, сокращению общего числа организаций и общего числа их членов. Начался обратный процесс - бегство обывателя из рядов черносотенных организаций, которое оказалось не менее стремительным, чем их наполнение в 1906-1907 годах.

Обратим внимание на два обстоятельства. Если для периода 1905-1907 годов в правомонархической прессе и в сохранившихся делах фонда Союза русского народа содержится достаточно много сведений позволяющих с той или иной степенью достоверности определить общую численность правомонархических союзов, партий и организаций, что, например, уже сделано российским исследователем черносотенного движения С.А. Степановым[147], то для периода 1908-1917 годов картина диаметрально противоположная. Информационные возможности правомонархической прессы и фондов Союза русского народа и РНС имени Михаила Архангела весьма ограничены и не позволяют конгруэнтно определить численность правомонархических организаций. Эти данные по преимуществу носят иллюстративный характер. Во-вторых, они не отличаются репрезентативностью для этого периода, ибо сведения, отложившиеся в фондах Департамента полиции минимальны, так как Департамент полиции, не видел резона углубленно интересоваться деятельностью правомонархических союзов, партий и организаций лояльных самодержавию. Тем не менее, совокупность сведений, которые отложились в фондах правомонархических партий (Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела), а также в фондах Департамента полиции позволяет представить, с одной стороны, динамику процесса развала правомонархической периферии, а с другой - определить,

хотя бы приблизительно, общую численность черносотенных формирований.

Системная обработка полученной нами информации позволяет выявить следующую картину динамики численности правомонархических союзов, партий и организаций в 1907-1917 годах. (см. таблицу № 29).

Таблица № 29.

Численность правомонархических организаций

(июнь 1907 – февраль 1917 года)

Наименование Политических партий	Годы										
	1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Правомонархические организации	490544	2684	42776	2352	3067	14524	9912	4973	7951	41361	115

Данные таблицы № 29 показывают волнообразность колебаний динамики численности правомонархических формирований. О причинах данного явления подробно сказано выше. Лидеры правых монархистов вначале пытались не замечать данный негативный для них процесс, но и они вскоре вынуждены были признать факт развала черносотенных организаций на местах. Известный астраханский черносотенец Н.Н. Тихонович-Савицкий в сентябре 1910 года заявлял, что из 4500 отделов Союза русского народа действительно существует не более 1000, остальные на бумаге[148]. В 1912 году Департамент полиции констатировал, что в большинстве губерний сохранившиеся организации правых монархистов были «малочисленны», «неактивны», партийной работы «не проявляли». Донесения местных жандармских управлений

свидетельствуют о том, что случаи проявления монархистами активности единичны[149].

Во второе межреволюционное пятилетие развал правомонархического движения интенсивно продолжался. Предотвратить его не смогли ни празднование 300-летнего юбилея дома Романовых в 1913 году, ни начало Первой мировой войны. Наоборот, с началом войны в правомонархическом движении всё большее влияние приобретает (хотя и не без помощи Департамента полиции) более умеренное, патриотически настроенное крыло, которое летом 1915 года оформляется в Отечественно-патриотический союз (ОПС). Именно отказ ОПС от ультраправых лозунгов, ставка на патриотические призывы: война до победы - позволила Союзу привлечь в свои ряды достаточно большое количество членов (в основном в Москве). Именно члены этого Союза составляли в 1916 году около 79 % от общей численности правомонархистов, зафиксированной в таблице №29 (32703 человека из 41361). «Старые» же союзы, партии и организации черносотенцев, наоборот, прекращали свою деятельность. В своём письме от 4 ноября 1915 года Н.Н. Тиханович-Савицкий писал, что при подготовке к монархическому съезду в Нижнем Новгороде им было разослано 300 приглашений на места, на которые отозвались *«только 31 Союз и лиц»*[150] (выделено мною – *Н.П.*), именно лиц, а не организаций, что немаловажно отметить.

Таким образом, количественные показатели, представленные нами в таблице № 29, следует признать репрезентативными, отражающими реальную картину состояния правомонархического движения в межреволюционное десятилетие[151].

Более рельефно эти тенденции прослеживаются при рассмотрении деятельности правых монархистов в различных регионах империи.

Таблица № 30.

Динамика численности правомонархических формирований по регионам (июнь 1907 - февраль 1917 года)

Регион	Годы										
	1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейская часть России	473217	2492	41220	2211	2832	14204	9705	4536	7656	41326	88
Кавказ	11270	86	142	85	202	212	148	233	47	27	--
Средняя Азия	+	+	3	9	+	93	1	49	+	+	--
Польша	818	105	93	4	--	--	+	20	--	--	--
Сибирь	5239	1	1318	43	33	15	58	135	248	8	27

Условные обозначения в таблице № 30: "+" - деятельность организаций зафиксирована, но их численность не известна.

Прежде всего, отметим, что динамика численности правых монархистов, представленная в таблице №30, подтверждает лабильность и протеичность численности черносотенных организаций. В тех регионах, где правомонархические формирования в 1905-1907 годах действовали наиболее активно и имели достаточно широкий круг своих сторонников в последующее десятилетие они «захирели» и их численность упала значительно. К таким регионам относятся: Европейская часть России и Кавказ. В Европейской части России численность правых монархистов сократилась в 1911 году (по сравнению с 1907 годом) в 167,1 раза. На Кавказе соответственно - в 55,8 раза.

Динамика численности правомонархистов в регионах во второе межреволюционное пятилетие характеризуется крайней скачкообразностью, что было связано с внутри- и внешнеполитическим

положением России (выборы в IV Государственную Думу, 300-летие дома Романовых, начало Первой мировой войны). При этом выявляется одна характерная особенность: деятельность правых монархистов всё больше замыкается Европейской частью страны. В других регионах численность продолжает колебаться волнообразно, с тенденцией к уменьшению.

Во второе межреволюционное пятилетие численность правых монархистов в Европейской части страны (в сравнении с 1912 годом) сократилась в 3,1 раза, а в сравнении с 1913 годом - в 2,1 раза. В последующие два года (1915 – 1916 годы) численность правомонархистов несколько возросла: в сравнении с 1912 годом их численность в 1916 годом увеличилась почти в 3 раза. Однако рост численности в этот период скорее исключение из правил, а не проявление общей тенденции, которая как раз заключается в обратном. За неполные десять лет в Европейской части России численность правых монархистов сократилась в 11,5 раза.

Что же касается динамики численности правомонархистов на национальных окраинах (Финляндия, Польша, Средняя Азия), то следует отметить, что здесь черносотенцы находили своих сторонников в немногочисленном русскоязычном населении: служащих государственных учреждений, железных дорог, частных кампаний. В Средней Азии к вышеперечисленным категориям следует добавить переселенцев из Европейской части России. В Финляндии правомонархические организации распались ещё в период революции 1905-1907 годов.

Как отмечалось выше, наибольшее число сторонников правомонархистских союзов, партий, организаций действовало в Европейской части России. Рассмотрим картину распространения черносотенных организаций в этом регионе более дифференцировано (см. Таблицу №31).

Таблица №31.

Динамика численности правомонархических формирований в Европейской части России (июнь 1907 - февраль 1917 года)[152]

Регион	Организации	Годы										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейский Север (3 губ)	1) губернская	1112	+	1	+	9	9	29	1	--	--	6
	2) уездная	88	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	3) сельская	2074	--	--	--	--	--	6	--	--	--	--
	4) др. насёл. пункты	38	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	Всего	**3312**	**+**	**1**	**+**	**9**	**9**	**35**	**1**	-	-	**6**
ЦПР (9 губ)	1) губернская	89841	264	291	66	112	122	999	37	18	32705	+
	2) уездная	21696	249	1	9	21	10	74	43	9	1	1
	3) сельская	14841	16	9	17	80	87	51	2	3	2	--
	4) др. насел. пункты	17206	10	1	1	26	21	6	33	--	--	--
	Всего	**143584**	**539**	**302**	**93**	**239**	**240**	**1130**	**115**	**30**	**32708**	**1**
Поволжье (6 губ)	1) губернская	24188	16	29	27	180	364	167	26	4074	7117	32
	2) уездная	999	1	2	2	173	146	204	29	18	14	--
	3) сельская	12405	14	15	15	157	7708	557	574	2501	65	11
	4)др. насёл. пункты	769	2	+	1000	451	1	+	+	51	1	--
	Всего	**38361**	**33**	**46**	**1044**	**961**	**8219**	**928**	**629**	**6644**	**7197**	**43**
Украина и Бессарабия (10 губ)	1) губернская	33143	774	39248	48	283	124	109	150	354	1130	--
	2) уездная	42991	103	152	79	468	2653	204	360	91	36	--
	3) сельская	114074	23	44	50	277	1375	5302	2156	176	88	1
	4) др. насёл. пункты	31043	2	10	681	141	454	1120	323	192	1	35
	Всего	**221251**	**1830**	**39454**	**858**	**1169**	**4606**	**6735**	**2979**	**813**	**1255**	**36**
Прибалтика и Белоруссия (9 губ)	1) губернская	16720	1	+	3	39	399	80	115	33	51	2
	2) уездная	13913	4	194	7	49	121	87	12	1	--	--
	3) сельская	16507	+	+	+	1	12	41	15	+	--	--
	4) др. насёл. пункты	2989	--	89	30	--	31	57	18	+	34	--
	Всего	**50129**	**5**	**283**	**40**	**89**	**563**	**265**	**160**	**34**	**85**	**2**

ЦЧР 5 губ, 1 обл.)	1) губернская	1886	3	7	5	50	99	44	16	4	3	--
	2) уездная	5283	35	103	14	49	22	24	2	3	35	--
	3) сельская	654	--	1	47	13	226	133	83	3	--	--
	4) др. насёл. пункты	143	--	--	46	17	34	31	80	90	40	--
	Всего	**7966**	**38**	**111**	**112**	**122**	**381**	**232**	**181**	**100**	**78**	--
Северо-Западный район (3губ)	1) губернская	102	40	1014	28	202	111	342	402	27	1	+
	2) уездная	1054	3	9	+	8	13	1	24	--	--	--
	3) сельская	74	2	--	23	--	--	--	--	--	--	--
	4)др. насёл. пункты	359	--	--	+	--	2	--	--	--	--	--
	Всего	**1589**	**45**	**1023**	**51**	**210**	**126**	**343**	**426**	**27**	**1**	**+**
Урал (4 губ)	1) губернская	3456	24	15	18	12	2	--	--	--	--	--
	2) уездная	1992	2	+	+	6	1	11	+	+	2	--
	3) сельская	1122	+	+	2	18	+	27	45	8	--	--
	4)др. насёл. пункты	455	--	--	--	4	--	--	--	--	--	--
	Всего	**7025**	**26**	**15**	**20**	**40**	**3**	**38**	**45**	**8**	**2**	--

Условные обозначения к таблице №31: "+" - деятельность организаций зафиксирована, но их численность не известна.

Анализ данных таблицы №31 показывает, что после окончания революции 1905-1907 годов во всех без исключения регионах Европейской части России произошёл значительный спад численности правомонархистов. Отдавая себе отчёт, что представленные в таблице количественные показатели являются достаточно условными, требующими дальнейшей корректировки, тем не менее, следует сказать, что они представляются репрезентативными, отражающими определяющий тренд в динамике численности правых монархистов, позволяют выделить те регионы, в которых черносотенцы действовали наиболее активно и те, в которых они не получили поддержки.

Верификацией очерченного тренда являются показатели, которые основаны на соотношении численности правых монархистов за 1907 год (за этот период сохранились наиболее полные данные о численности правомонархических организаций на местах) в одном из восьми регионов Европейской части России с общей численностью населения соответствующего региона. Полученные процентные соотношения можно разделить на три группы[153].

К первой группе относятся: 9 губерний ЦПР и 10 губерний Украины и Бессарабии. Здесь процентные соотношения достаточно высоки (более 0,5% к населению): в ЦПР - 0,74 %, на Украине и в Бессарабии - 0,62 %, то есть в 1907 году в 9 губерниях ЦПР на каждую тысячу населения приходилось более 7 членов правомонархических союзов, партий, организаций, на Украине и в Бессарабии соответственно более 6.

Во вторую группу входят: восемь губерний Прибалтики и Белоруссии, шесть поволжских губерний и три губернии Европейского Севера. В этих регионах данное процентное соотношение ниже уровня 0,5 %. В 1907 году в Прибалтике и Белоруссии оно составляло 0,3 % (3 человека на 1000 населения), в Поволжье - 0,25 % (более 2 человек на 1000 населения), на Европейском Севере - 0,12 % чуть более 1 человека на 1000 населения).

К третьей группе можно отнести: шесть губерний ЦЧР - 0,04 % (4 человека на 10 000 населения), три северо-западные губернии, без Петербурга - 0,05 % (5 человек на 10 000 населения) и Урал (4 губернии) - 0,05 % (5 человек на 10 000 населения).

Предложенный нами дифференцированный подход к рассмотрению динамики численности правомонархистов в региональном разрезе позволяет сделать вывод о наличии взаимозависимости численности от трех основных факторов: 1) уровня экономического развития региона; 2) национального состава населения; 3) близости региона к руководящим центрам правомонархистов.

Учёт этих факторов, на наш взгляд, представляется важным, так как позволяет выявить взаимосвязи и взаимозависимости объективного и субъективного порядка, определить степень глубины проникновения правомонархической идеологии в массовое сознание. Дальнейшее исследование традиционалистско-охранительного движения, под этим углом зрения позволит, на наш взгляд, расширить представления о масштабах правомонархического движения. Но уже на данном этапе исследования можно с достаточной степенью определённости говорить о различной мотивации вступления в правомонархические организации различных категорий населения, в частности на Украине и в ЦПР. Если на Украине данная мотивация была, главным образом, связана с аграрной перенаселённостью и запутанными национальными отношениями в регионе, то в ЦПР основной мотив вступления населения в правые монархические формирования - это наличие монархических иллюзий. Такие разноплановые мотивировки в регионах, где наиболее активно действовали монархисты, во многом определило динамику численности правых в межреволюционный период[154].

Что касается остальных регионов Европейской России, то здесь темпы кризиса правомонархических структур так же находились в зависимости от местных условий. В качестве примера возьмём два соседних региона: ЦЧР и Поволжье. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в Поволжье влияние правых монархистов было значительно выше, чем в ЦЧР. Это, на наш взгляд, связано с разным уровнем экономического развития двух регионов, составом населения (в Поволжье высокий процент нерусского населения), наличием активных партийных лидеров (например, Н.Н. Тихановича-Савицкого в Астрахани) и рядом других причин. Однако, несмотря на специфику каждого из 8 регионов Европейской России, ясно одно, что после революции 1905-1907 годов правомонархическое движение здесь, как и во всей империи в целом, находилось в кризисном

состоянии[155], и общая численность правых монархистов в межреволюционное десятилетие сократилась в десятки раз.

В заключение отметим, что в 1907-1917 годах правомонархические союзы, партии, организации оказались в кризисном состоянии и неспособными адаптироваться к реалиям третьеиюньской политической системы. Ни в политико-идеологическом, ни в организационном, ни в идейно-пропагандистском планах правомонархисты, имплицитно ратовавшие за ретрадиционализацию, оказались не способны дать адекватный ответ вызову времени, предложить своим последователям оптимальный выход из сложившейся в стране ситуации. Постепенно это осознание неспособности лидеров правомонархического движения решить объективно назревшие проблемы, охватывает партийную периферию, рядовые члены организаций начинают стремительно покидать их ряды и к 1917 году правомонархическое движение оказалось полностью дезорганизовано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в монографии богатый фактографический и статистический материал позволил ввести в научный оборот, и всесторонне проанализировать данные о количественном составе, территориальном размещении, организационной структуре и партийном строительстве основных общероссийских политических партий в период с июня 1907 по февраль 1917 года. Осмысление этих сведений позволяет сделать вывод о том, что российская партийность начала XX века, и как партийная система, и как механизм принадлежности человека к

политической партии, переживала этап становления. Но при этом, следует однозначно подчеркнуть, и это не вызывает сомнений, что в начале XX века сами общероссийские политические партии как политический институт уже сложились в России, и являлись реальностью.

Динамика численности общероссийских политических партий, эволюция их организационных структур, тенденции в территориальном размещении на начальном этапе становления российской партийности, на наш взгляд, зависели главным образом от двух основных факторов, которые условно можно разделить на экзогенные (внепартийные), действовавшие на политические партии извне и эндогенные (внутрипартийные).

При анализе внешнего фактора следует выделить две основные причины, которые оказали непосредственное влияние на изменение количественных характеристик политических партий и их территориального размещения. Речь идёт о взаимодействии политических партий с государством (властью) и с населением империи (точнее с теми её слоями, которые принимали непосредственное участие в деятельности партийных организаций).

Взаимоотношения друг с другом обоих институтов: государство - политические партии в царской России достаточно хорошо изучены исторической наукой. Они сводятся к следующему, взаимная неприкрытая, чисто генетическая ненависть между леворадикалами и самодержавием и, как следствие, стремление последнего с помощью репрессий уничтожить левое движение в империи. Настороженность и одновременно неприязнь царизма к либералам. Попытка самодержавия удержать «расползание либеральной заразы» по стране, даже с помощью репрессий против левых либералов (кадетов), впрочем, не таких жёстких, как против социалистов. Постепенное дистанцирование власти от правомонархистов/черносотенцев, после завершения революции, как

одиозного, неподконтрольного и опасно заигрывающего с низами движения, которое к тому же стремилась оказывать влияние на власть, что болезненно воспринималось царской камарильей, да и самим Николаем II.

Историки различных школ и направлений единодушны, что взаимоотношения власть - политические партии сыграли важнейшую роль в формировании политических партий России, в первую очередь чисто механическую: в динамике развития организационных структур и в динамике численности политических партий.

Более сложными, неоднозначными и многоаспектными были взаимоотношения между политическими партиями России и населением империи. Эти взаимоотношения, как показал опыт трёх российских революций, являлись определяющими для существования политических партий, союзов, движений. А взаимоотношения власть - политические партии в условиях третьеиюньского режима оказались, по существу, лишь нежелательной помехой со стороны власти для формирования политических партий.

Специфика проблем, исследованных в рамках данной монографии, предоставила уникальную возможность проследить взаимосвязь политических партий и социального движения населения. Нам удалось выяснить, что взаимоотношения по линии политические партии - социальное движение населения оказали непосредственное влияние на деятельность, а в большинстве случаев и на само существование партийных (прежде всего это касается низовых, первичных) организаций, на наполняемость их людьми. Данный фактор, наряду с усилением реакции после третьеиюньского государственного переворота, оказал решающую роль на развитие динамики численности партийных рядов основных общероссийских политических организаций, на географию их распространения в рассматриваемый в монографии период. Таким образом, количественные характеристики партий оказались напрямую

зависимы от взаимоотношений: политические партии - социально и политически активные слои населения; государство - политические партии.

При анализе численности основных общероссийских политических партий в межреволюционный период удалось выяснить, что, во-первых, процесс политической агрегации в партийных организациях был незакончен, во-вторых, в партийных организациях уже сложилась (быть может, за исключением организаций правомонархистов/черносотенцев) характерная для политических партий двухуровневая, групповая система. В первую группу входили идеологи партий и партийный актив, а во вторую группу рядовые члены партий, как нам удалось выяснить в основном принадлежавших к категории попутчиков/сочувствующих. Вторая группа была наиболее многочисленной, что в целом находится в общемировом тренде закономерностей становления и развития политических партий. Как показано в монографии, попутчиков/сочувствующих, нельзя считать членами партийных организаций в полном смысле этого слова. Они представляли собой политически не устоявшихся сторонников политических партий, рекрутируемых из представителей политически наиболее активной части населения, которая выражала свою социально-политическую активность и идеологическую приверженность посредством участия в деятельности партийных организаций на местах. Этот вывод основан на том что, во-первых, политические партии как течения политической мысли, попросту не успели идеологически абсорбировать за столь короткое время «дней свободы» революции 1905-1907 годов такую массу потенциальных сторонников партий – из попутчиков/сочувствующих в полноправных членов политических партий. Ведь понятно, что процесс институализации любой политической партии занимает продолжительное время, в течение которых формируется её более или менее постоянный членский

контингент. Общероссийские же политические партии начала XX века не отвечали данному условию. Все они, кроме РСДРП и ПСР, были созданы уже в ходе революции 1905-1907 годов. Наиболее «старая» из общероссийских партий РСДРП, хотя и вела своё летоисчисление с 1898 года, однако, фактически она начала свою активную деятельность только с 1903 года. Проанализированное нами на основе динамики развития организационных структур и динамики численности политических партий их «внутреннее состояние» в межреволюционный период, только подтверждает данную максиму. Сам ход событий в 1905-1917 годах показал, что политические партии оказались в организационном цейтноте. Поэтому, по существу, в годы революции 1905-1907 годов политические партии вели поиск путей для наибольшего воздействия своих идеологий на различные слои населения, который, в первую очередь, выразился в умении привлечь под партийные знамена наибольшее число так называемых членов-попутчиков/сочувствующих.

Во-вторых, процесс формирования политических партий может проходить двумя путями. Путём агрегирования, то есть праксиса носителей идеологии и политически активных слоёв населения, которые также участвуют в создании политической партии. При этом социальные страты, что важно подчеркнуть, уже во многом политически сориентированы, так как обладают сложившейся/складывающейся политической артикуляцией интересов. И сверху, путём индоктринации. Не вызывает сомнений, что процесс партогенеза в царской России шёл именно вторым путём, сверху.

Данные теоретические выкладки позволяют нам сделать ряд наблюдений. Жизнедеятельность политических партий напрямую зависела не только от масштаба репрессий авторитарного царского режима или наоборот его поддержки, и не только от модели организационного строения политической партии, но и от способности и умения

политических партий рекрутировать/вербовать в свои ряды новых членов. Политически активная часть населения, участвовавшая в деятельности партийных организаций в годы революции 1905-1907 годов, оказалась готова, прежде всего, к восприятию партийной пропаганды, но в большинстве случаев, не партийных парадигм и идеологии. Поэтому вне зависимости от партийной принадлежности каждому члену-попутчику/сочувствующему для окончательного осознанного политического выбора не хватило отведенного революцией 1905-1907 годов времени. Как следствие, стремление населения с одной стороны и политических партий с другой - к своим целям, по преимуществу, носило характер временных пересечений, что, на самом деле, является обыденным явлением в политической жизни страны. Данный вывод, кроме всего прочего, приводит нас к мысли, о том, что по существу в начале XX века в общественно-политической жизни России происходило два параллельных и одновременно взаимосвязанных процесса. Во-первых, формирование российской партийности. При этом политические партии так и не смогли в условиях третьеиюньской монархии институализироваться в государственно-политическую и правовую систему страны. Во-вторых, обретение народом/населением опыта политической свободы, политических смыслов и политической артикуляции интересов. Более того, оба процесса находились лишь на начальной стадии развития и, как результат, они отличались неустойчивостью и видоизменяемостью. Проходивший в годы революции 1905-1907 годов в политических партиях процесс идеологической артикуляции был ещё далёк от своего завершения, что, конечно же, не способствовало организационному единству партий и негативно сказывалось на деятельности партийных организаций на местах.

Без проведённого выше анализа причин, вызвавших организационный кризис общероссийских политических партий в межреволюционный период было бы невозможно, на наш взгляд, понять смысл и внутреннюю

логику количественных (скачкообразность динамики численности партий и лабильность их территориального размещения), а на их основе и произошедших качественных изменений в жизни политических партий (в реалиях самодержавной России политические партии оказались неустойчивыми системами).

Численность общероссийских политических партий в межреволюционное десятилетие, под давлением полицейских репрессий и реалий режима третьеиюньской монархии, резко сократилась. Распад партийных организаций, особенно организаций социалистических и либеральных партий, в меньшей степени организаций правомонархистов, в первые годы после революции 1905-1907 годов, привёл к тому, что по терминологии Департамента полиции, на местах существовали только «отдельные лица», а не партийные организации. Это были идеологи партий, партийный актив и активные члены партий, которые являлись членами структурно разрушенных/переставших полноценно функционировать партийных организаций. В то время как попутчики/сочувствующие - низший слой партийных членов покинули организации. Как результат, не приходиться говорить, и это важно подчеркнуть, о тысячах «полнокровных» членах партийных организаций, участвовавших в годы революции 1905-1907 годов в деятельности политических партий. Скорее здесь речь может идти о том, что большинство членов политических партий являлись попутчиками/сочувствующими из политически активных и политически артикулированных слоёв населения. Всё это, без сомнения, повлияло и на организационную структуру и на дееспособность партийных организаций, которые, часто (но не всегда) помимо политической воли руководства, являлись более общественно-политическими клубами, нежели партийными организациями, в которых идеологи партии, агитаторы и партийный актив, больше занимались партийной пропагандой среди рядовых членов –

попутчиков/сочувствующих. Этим же занимались партийные агитаторы и вне партийных организаций. В этом смысле политическая артикуляция взглядов попутчиков/сочувствующих мало чем отличалась от участия в политическом процессе находившихся вне партийных рядов активных социальных групп населения.

В целом, анализ количественных характеристик общероссийских политических партий, представленный в монографии, основанный на обширном статистическом материале, в период с июня 1907 по февраль 1917 года, показал, что партии не сумели создать стабильно функционировавший институт членства.

С другой стороны анализ количественных характеристик предоставил возможность выявить регионы, в которых население наиболее активно принимало участие в деятельности общероссийских политических партий в сравнении с другими регионами, это позволило определить наиболее политизированные (в отношении общероссийских политических партий) регионы империи. Население данных регионов было наиболее политически активно, и его мобилизация в ряды общероссийских политических партий в периоды политической нестабильности в стране была самой высокой. Как мы выяснили, с помощью системного анализа количественных характеристик, таких регионов было всего два. Это - Украина и Центрально-промышленный район (ЦПР).

В монографии выше высказанные размышления нашли своё подтверждение. Так, было установлено, что «набранная» в ходе революции 1905-1907 годов с помощью членов-попутчиков/сочувствующих, численность партий ещё не являлась гарантией их силы, даже при поддержке властей, как в случае с правыми монархистами. Такая численность, наоборот, во многом дезорганизовала партийные структуры, вносила в руководство партий нотки успокоения, эйфории, иллюзорной стабильности своего положения. Наказание за это не замедлило наступить.

В межреволюционное десятилетие численность партий, в том числе и легальных, сократилась многократно и ограничилась, по существу, кругом собственно идеологов данных партий. Речь, прежде всего, идёт о леворадикалах и кадетах, деятельность которых попала под жёсткий пресс репрессивных органов, что позволило нам установить фактически «чистую» численность партийных идеологов, агитаторов и членов партийного актива, без «примеси» членов-попутчиков/сочувствующих.

Наоборот, отсутствие правительственных репрессий не позволило нам чётко и однозначно зафиксировать таких же членов у октябристов и правомонархистов. Выявленная нами численность данных политических партий в течение всего межреволюционного периода носила волнообразный характер и отличалась нестабильностью. Это происходило в большей степени потому, что плоскость соприкосновения политических интересов партий и стремлений населения оказалась достаточно поверхностной ибо, в России не существовало устоявшихся среди населения традиций политической культуры участия. Партии использовали отсутствие таких традиций в годы революции 1905-1907 годов, чтобы увеличить численность своих рядов. Они попытались обратить количественный фактор себе на службу, по существу, не заботясь о качественном изменении характера партий в связи с наплывом тысяч новых членов, которые, по сути, таковыми не являлись. И как показали дальнейшие события и, прежде всего, октябрьская революция 1917 года, успех и сила политической партии в большей степени зависела не от записной численности, сколько от способности той или иной политической партии саккумулировать своё влияние на население в определенный, необходимый момент времени.

Удалось и по-новому взглянуть на местные «партийные организации», как на формирования не всегда и не вполне партийные по своему содержанию, прежде всего с точки зрения партийного устава. Эти и

некоторые другие факторы, о которых мы говорили выше, заставили нас настороженно отнестись к количественным характеристикам основных общероссийских политических партий, выявленных нами в ходе исследования. В целом к концу революции 1905-1907 годов с членством в партиях сложилась следующая картина: абсолютное большинство членов-попутчиков/сочувствующих к этому времени оказались, по существу, политически сориентированными, хотя и не жёстко, не по партийной принадлежности, а по следующим разграничительным линиям: левые - либеральный центр - правые. Внутри этих политических предпочтений, как нам удалось выяснить, и шли процессы партийной ориентации членов-попутчиков/сочувствующих, которые не завершились даже ко времени Октябрьской революции 1917 года. Такая политическая ориентация «членов», фактически, подтверждает высказанную нами мысль о том, что часто местные партийные организации представляли собой, скорее всего политически сорганизованные общественные организации, нежели партийные структуры. В свете вышесказанного возникает следующая исследовательски значимая проблема, которая выходит за рамки нашей работы насколько «партийны» были местные организации и как они повлияли на процесс становления российской партийности начала XX века.

Анализ количественных характеристик, проведённый в монографии, даёт основания рассматривать численность основных общероссийских политических партий, а также дееспособность их структурных подразделений на местах, не с позиций механистического подсчёта членов-попутчиков/сочувствующих и, часто формально/номинально существовавших, партийных организаций, а комплексно, связав воедино, динамику численности партий, эволюцию их организаций и территориальное размещение, с одной стороны, с глубоким и всесторонним анализом взаимоотношений политических партий с

российским обществом и властью начала XX века, с другой. При таком подходе нами были выявлены особенности локально-региональной деятельности политических партий.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении сведениям, за весь период с июня 1907 по февраль 1917 года организации основных общероссийских партий действовали: РСДРП - в 85 губернских и областных городах, 235 уездных городах, 306 населенных пунктах уездного подчинения; ПСР - в 90 губернских и областных городах, 183 уездных городах, 274 населенных пунктах уездного подчинения; КДП - в 56 губернских и областных городах, 55 уездных городах, 17 населенных пунктах уездного подчинения; «Союз 17 октября» - в 31 губернском и областном городе, 35 уездных городах, 2 населенных пунктах уездного подчинения; правомонархические/черносотенные союзы, партии, организации - в 67 губернских и областных городах, 203 уездных городах, 2250 населенных пунктах уездного подчинения.

Представление о влиянии политических партий на население в региональном разрезе до некоторой степени дают данные, помещённые в таблице №32, в которой по регионам дана суммарная численность организаций РСДРП, эсеров, кадетов и правомонархистов.

Таблица №32

Суммарная численность организаций основных общероссийских политических партий по регионам (июнь 1907 - февраль 1917 года).

Регион	Годы										
	1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейский Север	26	15	14	17	5	5	9	8	4	3	2
ЦПР	177	131	112	86	80	74	75	60	53	37	25
Поволжье	329	91	73	58	73	64	90	56	38	38	21

Украина и Бессарабия	1697	252	241	151	168	162	245	147	72	59	24
Прибалтика и Белоруссия	109	102	56	45	44	52	46	33	24	16	12
ЦЧР	74	49	39	39	34	93	41	32	25	23	11
Северо-Западный район	50	46	27	18	18	12	11	12	6	8	3
Урал	76	41	30	23	27	18	25	20	11	14	6
Всего в Европейской части	**2538**	**727**	**592**	**437**	**449**	**480**	**542**	**368**	**233**	**198**	**104**
Средняя Азия	16	10	8	12	15	12	14	9	9	8	4
Сибирь	59	48	41	34	31	36	32	28	27	26	9
Кавказ	61	48	46	49	33	41	25	24	20	17	9
Польша	8	25	11	7	-	2	2	4	1	-	-
Финляндия	2	4	1	3	7	7	7	1	1	-	-
Всего в остальной империи	**146**	**135**	**107**	**105**	**86**	**98**	**80**	**66**	**58**	**51**	**22**

Информация, внесённая в таблицу №32, даёт представление о динамике численности организационных структур общероссийских политических партий в межреволюционное десятилетие и показывает, в каких регионах партии действовали наиболее активно. Это следующие регионы: Украина, Центрально-промышленный район (ЦПР) и Поволжье. Кроме того, данные, помещенные в таблице №32, дают возможность выявить уровень политизированности и политической артикуляции населения различных регионов, готовность его участвовать в деятельности общероссийских политических партий.

Наиболее наглядно проиллюстрировать территориальные кластеры общероссийских политических партий позволяет вычисленное нами процентное соотношение партийных организаций действовавших в

отдельном регионе к общеимперской численности партийных организаций. Полученные нами данные представлены в таблице № 33.

Таблица № 33

Процентное соотношение организаций политических партий по регионам к их общеимперской численности (в %).

Регион	Годы										
	1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейский Север	1,0	1,7	2,0	3,1	0,9	0,9	1,4	1,8	1,4	1,2	1,6
ЦПР	6,6	15,2	16,0	15,9	15,0	12,8	12,1	13,8	18,2	14,9	19,8
Поволжье	12,2	10,5	10,4	10,7	13,6	11,1	14,5	12,9	13,1	15,3	16,7
Украина и Бессарабия	63,2	29,2	34,5	27,9	31,4	28,0	39,4	33,9	24,7	23,7	19,1
Прибалтика и Белоруссия	4,1	11,8	8,0	8,3	8,2	9,0	7,4	7,6	8,2	6,4	9,5
ЦЧР	2,7	5,7	5,6	7,2	6,4	16,1	6,6	7,4	8,6	9,2	8,7
Северо-Западный район	1,9	5,3	3,9	3,3	3,4	2,1	1,8	2,8	2,1	3,3	2,4
Урал	2,8	4,8	4,3	4,2	5,0	3,1	4,0	4,6	3,8	5,6	4,8
Средняя Азия	0,6	1,2	1,1	2,2	2,8	2,1	2,3	2,1	3,1	3,2	3,2
Сибирь	2,2	5,6	5,9	6,3	5,8	6,2	5,1	6,5	9,3	10,4	7,1
Кавказ	2,3	5,6	6,6	9,0	6,2	7,1	4,0	5,5	6,9	6,8	7,1
Польша	0,3	2,9	1,6	1,3	-	0,3	0,3	0,9	0,3	-	-
Финляндия	0,1	0,5	0,1	0,6	1,3	1,2	1,1	0,2	0,3	-	-

Вычисленные нами процентные соотношения организаций в регионах к общеимперской численности политических партий позволяют выделить 7 групп регионов. К первой группе относятся регионы, в которых действовало до 1,5% организаций общероссийских политических партий, соответственно ко второй - от 1,5 до 3%, к третьей - от 3 до 5,5%, к

четвертой - от 5,5 до 10%, к пятой - от 10 до 15%, к шестой от 15 до 20% и к седьмой свыше 20%.

При наложении полученных таким образом региональных сведений на карту империи проявляется следующая картина:

1. Национальные окраины России, не интегрированные по разным причинам в общероссийский общественно-политический процесс, по существу, оказались вне зоны действия общероссийских политических партий. Это - Финляндия, десять польских губерний, Туркестан (Средняя Азия).

2. В Европейской части России интенсивность территориального размещения политических партий достаточно неоднородна.

3. На степень активности политических партий в регионах оказывали влияние не только последствия модернизации, но и другие, более латентные причины. Так, на индустриальном Урале, отягощенным пережитками крепостничества на производстве, и в аграрно «перенасыщенном» черноземном регионе активность партий оказалась гораздо меньше, чем на Украине, в ЦПР и в Поволжье.

Как результат, можно констатировать следующее: если причины, влиявшие на деятельность основных общероссийских политических партий в национальных регионах достаточно очевидны, то в Европейской части России на масштабы их распространения влиял целый комплекс разнообразных причин: политические, экономические, социальные, конфессиональные, этнокультурные, демографические и другие причины.

Надеюсь, что дальнейшее изучение проблемы российской партийности начала XX века позволит более полно воссоздать картину развития общероссийских политических партий в этот период. Впрочем, уже сегодня на основе анализа количественных характеристик, проведённого в монографии, следует говорить, о том, что существовавшие в России в начале XX века общероссийские политические партии, хотя и сложились

как политический институт, но не успели принять законченные формы кадровых и массовых политических партий, а развитию партийности, как части политической системы страны, мешал ригидно-авторитарный царский режим. Представленные в монографии динамика численности и эволюция организационных структур основных общероссийских политических партий в межреволюционный период, а также богатый иллюстративно-фактографический материал, достаточно определенно подтверждают этот таргетированный тренд.

Примечания

Предисловие

[1] В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т.12. С.86.

[2] Степанов С.А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций. // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М. 1987. С.194.

[3] Уткин А.И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905-1907 гг. / / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. Сб. ст. М., 1987. С.9.

[4] Шелохаев В.В. Численность и состав партии октябристов. // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. Сб. ст. М., 1987. С.147.

[5] Леонов М.И. Численность и состав партии эсеров в 1905-1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. Сб. ст. М., 1987. С.54.

[6] История политических партий России. М., 1994. С.7.

[7] В современной политической науке обычно выделяют следующие определяющие признаки политической партии:

1. длительность существования партии. Партия должна пережить своих создателей или действовать без них;
2. наличие организационной структуры. Устойчивая и неразрывная связь центральных органов партии с партийными организациями всех уровней;
3. главной своей целью политическая партия провозглашает (и стремиться к ней) завоевание и удержание политической власти;
4. укрепление и расширение социальной базы партии;
5. наличие тактической программы действий на ближайшую перспективу.

[8] См.: Ярославский Ем. Меньшевики и большевики в период русско-

японской войны и первой русской революции. (1904-1907 гг.) М., 1945.

[9] См.: Викторов В.Л. Вступительная статья к сборнику документов: Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929; Залежский В. Монархисты. Харьков, 1930; Брусянин Б. Черная сотня на фабриках и заводах Петербурга в годы реакции. (Материалы по истории рабочего движения), Красная летопись. 1929. №1 (28). С. 154 - 181; №2 (29). С. 152-172; Мещеряков В.Н. Партия социалистов-революционеров. Ч. I. П. М., 1922.

[10] См.: Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России: в 2-х частях. Калинин, 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; Тютюкин С.В. "Оппозиция его величества" (Партия кадетов в 1905 - 1917 гг.) // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; Шацилло К.Ф. Русский либерализм на рубеже двух веков. // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.

[11] См.: Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907-1914 годов в советской историографии. // Вопросы истории. М., 1989. №4.; Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989 и др.

[12] Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.

[13] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991.

[14] Там же. С.3.

[15] См.: Шелохаев В.В. Кадеты - главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. Он же. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987 и др.

[16] Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992.

[17] См.: Макарчук С.В. Социал-демократические организации Восточной Сибири в июне 1907 - феврале 1917 гг.: Енисейская губерния. //Из истории России: XX век. Сб. ст. вып. первый М., 1996. С.22 - 48.

[18] См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). Ч. 1-2 Челябинск, 1995.

[19] См.: Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905 - 1907). Свердловск. 1991; Он же. "Революционеры справа": Черносотенцы на Урале в 1905 - 1916 гг. (Материалы по исследованию "русскости") Екатеринбург, 1994; Он же. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России) в 2-х частях. Челябинск, 1995.

[20] Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России) Ч.1. Челябинск, 1995. С.121.

[21] Политические партии России: 1907 - 1917. Количественный анализ. Сост. к.и.н. Н.Д. Постников. М. 2001.

[22] Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. Сб. ст. М., 1987.

[23] См. например: Штоль В.В., Федорченко С.Н. Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве. //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer, 2013. №6.

К главе I

[1] У правых такие ревизионные органы вообще не были созданы, а у либералов хотя и были образованы, но не действовали постоянно и как результат сведения, ценные сами по себе, оказались выхваченными из

контекста динамики территориального размещения и динамики численности партийных организаций на местах. Действительно, созданная кадетской партией Организационная комиссия при московском отделе ЦК провела всего две акции сбора сведения о деятельности местных организаций - в 1907 - первой половине 1908 года и в 1913 году, а схожий ревизионный орган у октябристов - Исполнительная комиссия при ЦК «Союза 17 октября» лишь одну, в мае 1909 года. (Подробнее см.: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С.8-9.).

К Главе II

[1] Действительно, в результате полицейских репрессий РСДРП и ПСР почти повсеместно лишились своих низовых ячеек и агитаторов-интеллигентов. Об этом писал видный социал-демократ П.П. Маслов: «По существу деятельность местных групп партии с-ров мало отличалась от деятельности социал-демократов. Организации той и другой партии состояли обыкновенно из небольшой группы интеллигентов, составлявших комитет, мало связанных с массами». (См.: Общественное движение в России в начале XX века/Под ред. Л. Мартова (далее ОД). Спб., 1910 - 1914. т.3. Кн.5. С.99-100.).

[2] О развитии рабочего движения см., например: Граве Б.Б. Рабочий класс и рабочее движение в годы реакции и подъема. //Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России. М., 1951.

[3] «В настоящее время, - сообщалось, например, в сводке агентурных наблюдений Вятского ГЖУ за август 1907 год, - деятельность комитета партии (РСДРП – *Н.П.*) ограничивается лишь общением членов друг с другом и никакой активной деятельности не замечается». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.12. пр.1.).

[4] Причём, некоторые организации, восстановившие свои структуры, вновь подвергались неоднократным ликвидациям. Таким разгромам подверглись: Петербургская организация- 4 раза, Одесская, Саратовская, Нижегородская по 3 раза, Воронежская, Киевская, Николаевская по 2 раза. (См.: Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия Социалистов-Революционеров и её предшественники П., 1916. С. 383). О плачевном состоянии партийной работы в России говорилось и на I Общероссийской конференции ПСР, проходившей в августе 1908 года: «По отчётам с мест констатируется почти полный развал партии», - было заявлено на конференции. «Петербургская организация сильно подорвана». В самой губернии «работа» эсеров отмечалась в 5 уездах и была «невелика». На Кавказе «организации существуют в Баку, в Тифлисе, в Батуме и Кутаисской губернии: полное распадение северокавказских организаций». На Урале – «ослабление организационных сил». В южном районе – «партийные организации крайне малочисленны». В Поволжье – «комитеты только в Саратове и Астрахани». В Центральном районе – «существовали организации более или менее стройные в Нижнем Новгороде, Рязани, Орле». В Донской обл. и в Москве – «организаций нет». На Украине комитетов не было в Киевской, Курской, Черниговской, Волынской и Подольской губерниях; в Воронежской и Полтавской губерниях комитеты состояли из 3 человек. (См.: Протоколы I общероссийской конференции ПСР. СПб., 1906. С.23-53).

[5] ОД., СПб., 1910 - 1914, Т3. Кн.5. С.642, 643.

[6] Хотелось бы расставить некоторые акценты, касающиеся деятельности РСДРП и ПСР на национальных окраинах. Качественно организации в Польше, Финляндии, Средней Азии существенно отличались от организаций в Европейской части России. На территориях национальных окраин организации социалистических партий, по разным причинам, состояли из русскоязычного населения, в основном военнослужащих

(солдат, матросов). В Средней Азии к этому контингенту добавлялись еще рабочие железнодорожного транспорта, нефтепромыслов, каменоугольной промышленности. Исключение составлял Кавказ, где коренное нерусское население активно участвовало в деятельности обеих леворадикальных партий.

[7] О значительном численном различии организаций по регионам дает представление следующая таблица. (Таблица составлена на основе источников Департамента полиции и партийных источников).

Количество организаций РСДРП по регионам в 1907 – 1911 году.

Регион	Годы				
	1907	1908	1909	1910	1911
Европейская часть	190	215	151	119	84
В остальной части империи	43	45	37	47	25
Всего	**233**	**260**	**188**	**166**	**109**

[8] См. таблицу №1.

[9] См. таблицу №2.

[10] В ЦПР входило 9 губерний: Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская; в Европейский Север 3 губернии: Архангельская, Вологодская, Олонецкая; в Северо-западный район 3 губернии: Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская; в Прибалтику и Белоруссию 9 губерний: Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Ковенская, Витебская, Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская; в Украину и Бессарабию 10 губерний: Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Подольская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская, в ЦЧР 5 губерний и 1 область: Орловская, Курская, Воронежская,

Тамбовская, Пензенская, и Область Войска Донского; в Поволжье 6 губерний: Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская; в Урал 4 губернии; Вятская, Пермская, Уфимская, Оренбургская.

[11] Полученные нами данные о численности организаций РСДРП, действовавших на Урале в период с июня 1907 по 1911 год (включительно) вполне сопоставимы с данными, представленными в книге: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. С.87.

[12] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.5. Ч.34.

[13] Там же. Л.249.

[14] Там же. Л.292.

[15] Там же.

[16] Там же. Л. 296-296 об.

[17] Там же. Л.209.

[18] Там же. Д.5. Ч.23.

[19] Там же. Д.5. Ч.49. Л.5.

[24] Там же. Д.5. Ч.8 Т.1.

[25] Там же. Д.5. Ч.35. Л.177.

[26] Иванов А.А. Эпоха реакции и подъема. Л., 1929. С.31.

[27] Здесь действовали следующие партии: Бунд, Эстонский социал-демократический Союз, Социал-Демократическая партия Литвы, Латышская Социал-Демократическая партия, Латышский Социал-Демократический Союз, Польская Социалистическая партия (ППС), Белорусская Социалистическая Громада. Три последние партии неонароднического направления.

[28] Только к началу 1907 года Департамент полиции выявил и ликвидировал до 80 организаций в Вильно, до 150 в Двинске, и 4 в Витебске. См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.6.

[29] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.5. Ч.6. Л.40.

[30] Там же. Д.5. Ч.7. Л.8.

[31] Там же. Д.5. Ч.7. Л.12.

[32] Там же. Л.41.

[33] Там же. Д.5. Ч.32.

[34] Там же. Д.5. Ч.15. Л.1.

[35] Там же. Л.304.

[36] Там же. 1908. Д.5. Ч.15. Л.74.

[37] Там же. 1907. Д.5. Ч.21. Л.151.

[38] Там же. Л.190.

[39] Там же. 1907. Д.5. Ч.17. Л.185.

[40] Там же. Д.5. Ч.57.

[41] Там же. Д.5. Ч.68. Л.185.

[42] Там же. Д.5. Ч.11.

[43] Там же. Л. Л.29, 30.

[44] Там же. Д.5. Ч.58. Л.29.

[45] Там же. Д.5. Ч.14, пр.1. Л.2 об.

[46] Там же. Л.Л.11об, 12 об.

[47] Там же. Л.22 об.

[48] Там же. Л.39 об.

[49] Там же. 1908. Д.5. Ч.15.

[50] Там же. 1907. Д.5. Ч.18. Л.118.

[51] Там же. Д.5. Ч.18.

[52] Там же. Д.5. Ч.35. Л.162. Перлюстрированное письмо от 25 июля 1907 года из Нижнего Новгорода в Одессу.

[53] Там же. Д.5. Ч.35. Л.182. Письмо датировано 17 сентября 1907 года.

[54] Там же. Д.5. Ч.50. Л.103. Донесение И.Д. Начальника Самарского ГЖУ в ДП от 16.08.1907 года.

[55] Там же. Д.5. Ч.50. Л.98. Письмо от 06.06.1907 года из Самары в Париж.

[56] Там же.

[57] Там же. Л.114. Донесение от 16.08.1907 года.

[58] Там же. Д.5. Ч.7. Л.33. Письмо от 30.07.1907 года из Двинска в Москву.

[59] Там же. Д.5. Ч.52. Л.181. Донесение Начальника Саратовского ГЖУ Директору ДП от 26.11.1907 года.

[60] Там же.

[61] Там же. Л.178. Донесение Начальника Саратовского ГЖУ Директору ДП от 09.11.1907 года.

[62] Там же. Д.5. Ч.42. Л 76. Донесение за август 1907 года.

[63] Там же. Л.83.

[64] Там же. Д.5. Ч.39.

[65] Там же. Д.5. Ч.65. Было арестовано 26 человек.

[66] Там же. Д.5. Ч.12. Пр.1. Сводка агентурных сведений за август.

[67] На Кавказе, в отличие от остальных национальных окраин Российской империи, коренное население активно участвовало в деятельности организаций РСДРП.

[68] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.5. Ч.3. Л.82.

[69] Там же. Л.93. Письмо из Баку в Саратов, датировано сентябрем 1907 года.

[70] Там же. Л.91.

[71] Там же. Л.89. Письмо из Тифлиса в Баку, датировано августом 1907 года.

[72] Там же. Д.5. Ч.27.

[73] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922. С.179.

[74] Социал-Демократ. 1910. №23.

[75] О существенной разнице в количестве эсеровских организаций, функционировавших в Европейской части России по сравнению с остальными регионами дает представление следующая таблица. (Таблица составлена на основе источников Департамента полиции и партийных источников).

Количество организаций ПСР по регионам в 1907 - 1911 годах.

Регион	Годы				
	1907	1908	1909	1910	1911
Европейская часть	234	297	160	106	89
В остальной части империи	54	56	43	39	31
Всего	**288**	**353**	**203**	**145**	**120**

[76] Одной из причин быстрого исчезновения эсеровских организаций было связано с провокаторством Е. Азефа. О серьезных последствиях этого факта для ПСР будет сказано далее.

[77] Об отчаянном положении эсеров в России после третьеиюньского переворота говорили многие. Так, видный эсер Я.Л. Юдилевский заявлял: «Ещё до разоблачения провокации (Азефа – *Н.П.*), она (партия – *Н.П.*) стала ...тенью». (См.: Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.475.).

[78] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С.441.

[79] Этот показатель в различные годы составлял: в 1907 году - 42,5% всех организаций, в 1908 году - 36,3%, в 1909 году - 30,9%, в 1910 году - 33%, в

1911 году - 36,6%. Процентное соотношение рассчитано исходя из численности эсеровских организаций выявленных нами.

[80] ГАРФ. Ф.I02. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.21. Л.3-3 об. Письмо датировано 3 декабрём 1907 года.

[81] Там же. Д.9. Ч.4. Л.7. Письмо из Одессы в Екатеринослав, датированное 4 мая 1907 года.

[82] Всего в ЦПР было 99 уездных городов.

[83] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.23. Л.24. Письмо датировано 9 августом 1908 года.

[84] Там же. 1907. Д.9. Ч.1.

[85] Там же. 1908. Д.9. Ч.18. Л.77.

[86] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.383.

[87] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.35. Л.68. Письмо из села Кулебаки Нижегородской губернии в Берн (Швейцария). Датировано 8 марта 1908 года.

[88] В 1907 году была ликвидирована Самарская организация, Саратовская организация подвергалась разгрому 3 раза в течение 1907 года (См.: Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.383.). Астраханская организация ПСР была разгромлена 3 октября 1908 года, когда был арестован губернский комитет и боевая организация. Но самыми болезненными последствиями для эсеровских организаций Поволжья отозвался арест в декабре 1907 года Поволжского Областного комитета ПСР.

[89] Подробнее см.: Капцугович И. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С.82.

[90] Полученные нами данные о численности организаций ПСР действовавших на Урале в период с июня 1907 по 1911 год

(включительно) вполне сопоставимы с данными, представленными в книге: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. С.87.

[91] Подтверждением того, что большинство крестьянских братств функционировало именно в этих регионах, является следующая таблица. (Таблица составлена на основе источников Департамента полиции и партийных источников).

Размещение крестьянских братств в Европейской части России в июне 1907-1911 годах.

Название регионов	годы				
	1907	1908	1909	1910	1911
Украина, Поволжье, ЦЧР всего 29 губ.	89	76	31	6	3
Остальные регионы - 28 губ.	6	27	5	1	-

[92] Аресты профессионалов-революционеров повлекли за собой серьёзные провалы в работе местных организаций. Уменьшилась не только численность организаций, но их качественный состав. Опытных профессионалов-революционеров «в деле» оставалось буквально единицы на всю Россию, а без них деятельность местных организаций была не просто не эффективна, но во многих случаях и не возможна. Например, ещё в относительно «благополучный» для леворадикальных партий 1907 год Начальник Витебского ГЖУ доносил 9 декабря в ДП: «Прибыл (в Двинск – *Н.П.*) член Центрального Комитета (РСДРП – *Н.П.*), специально для постановки дела, которое после ареста 4 и 5 ноября, лиц партии, совершенно спало». См.: (ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.7. Пр.1. Л.12об.).

[93] Масштабы этого контроля были настолько велики, что фактически во всех местных организациях социалистов действовали провокаторы. Признания, что в организации «провокация цветет пышным цветом» были не просто часты, а повсеместны. (См.: ГАРФ. Ф.I02. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.50. Л.98. Перлюстрированное письмо из Самары в Париж, датированное 6 июля 1907 года.).

[94] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922. С.250.

[95] Луначарский А.В. Бывшие люди. М., 1923. С.18.

[96] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922. С.253.

[97] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.495.

[98] В это число входят также 3 протектората Российской империи: Бухарский эмират, Хивинское ханство и Тува (Урянхайский край).

[99] Это было во многом связано с тем, что влияние «русских» партий на национальных окраинах всегда было невелико. Исключение составляли лишь Грузия и Баку, ибо здесь в отличие от других национальных регионов коренное население активно участвовало в деятельности партийных организаций РСДРП и ПСР. Незначительная же численность организационных структур РСДРП и ПСР в Сибири напрямую зависела от малонаселенности данного региона.

[100] Некоторое различие количества губерний и областей, в которых действовали организации РСДРП и ПСР, зафиксированное нами в таблице №7 и таблицах №8 и №9, объясняется тем, что в некоторых губерниях или в других крупных территориально-административных единицах, зафиксированы организации, действовавшие только в уездных городах или в других населенных пунктах губернского подчинения, в то время как в губернских, областных или окружных центрах организаций РСДРП и ПСР

не существовало.

[101] См. таблицу №1.

[102] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.5. Ч.6. Л.28. Письмо датировано 30 марта 1912 года.

[103] Там же. Д.5. Ч.32.

[104] Там же. Д.5. Ч.23. Л.1. Письмо датировано 10 декабря 1911 года.

[105] Там же. Д.5. Ч.32. Л.34.

[106] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти 1883-1903-1917. Париж, 1912. С.250-251.

[107] Там же. С.253.

[108] Там же. С.298.

[109] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.495.

[110] Надеина М.И. Банкротство эсеровских организаций Поволжья (1902 - 1923 г.г.). Куйбышев, 1986. Автореф. дисс. канд. ист. наук. С.16.

[111] См. таблицу №1 и таблицы №№ 3,5.

[112] А.И. Спиридович ещё до февральской революции предостерегал относительно эсеров: «Сохранились партийные кадры, готовые начать, когда понадобиться, революционную деятельность». (См.: Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.496.).

[113] Это была уже вторая волна массового выхода их местных партийных организаций. Первая волна была вызвана роспуском I Государственной Думы, что привело к достаточно глубокому организационному кризису обеих партий, который им уже не удалось преодолеть в межреволюционное десятилетие.

[114] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991. С.8.

[115] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.198. ЛЛ.2-3.

[116] Там же. ЛЛ.3об - 4.

[117] Там же.

[118] Там же. Д.413. Л.1об, 2.

[119] Там же. Д.232. Л.1.

[120] Там же. Д.233. Л.1.

[121] Там же. Д.239. Л.1.

[122] Даже такие «организации» и «комитеты», которые, по существу, уже не функционировали, автор внес в общее количество организаций, данные о которых представлены в таблице №12.

[123] Достаточно веским подтверждением занятой нами позиции, может служить финансовый отчет ЦК о поступлении денежных взносов от местных кадетских организаций. По этим данным, с 1 ноября 1908 года по 1 ноября 1909 года в ЦК поступили денежные взносы от 18 губернских и 18 уездных групп, а так же от петербуржской группы. То есть «всего от 37 групп». (См.: ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.254. ЛЛ.50-50 об.) На наш взгляд, сбор членских взносов местными организациями, является подтверждением (хотя и не неоспоримым) существования организации. В то время как письменный ответ с места на запрос ОК МО ЦК, как выяснилось, не всегда.

[124] Шелохаев В.В. Указ. соч. С.8.

[125] ГАРФ. Ф.523. ОП.1. Д.234. Л.3 об.

[126] Там же. Д.198. Л.11.

[127] Там же. Д.400. Л.Л.2-2об. Но и работа в общественных организациях вскоре оказалась невозможной. К осени 1910 года значительная часть общественных организаций в империи была закрыта властями. Подробнее см.: Думова Н.Г.. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С.30-31.

[128] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.27. Л.53.

[129] Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и

Февральской революции. М., 1988. С.31. На основе полученных ответов на 118 запросов-анкет с мест Н.Г. Думова приводит следующие данные о положении кадетской периферии. «Комитеты или партийные "ядра" сохранились лишь в 26 губернских городах из 49, в 15 имелись отдельные лица, открыто признававшие себя кадетами. Комитеты оставались так же в 18 уездных городах из 62 и в 19 индивидуальные члены партии». (См.: Думова Н.Г. Указ. соч. С.31.).

[130] Протоколы Центрального Комитета Конституционно- Демократической партии. 1905-1911. Т.1. М., 1994. С.374.

[131] Думова Н.Г. Указ. соч. С.32.

[132] ГАРФ. Ф.523. Оп.3. Д.9. Л.31 об.

[133] Там же. Оп.1. Д.1084. Л.9, 8 об.

[134] Там же. Ф.102. ДП ОО.1915. Д.27. Л.179.

[135] Там же. Д.27. Л.241.

[136] Там же. 1914. Д.27. Л.43.

[137] Н.Г. Думова считает, что П.Н. Милюков не был заинтересован «в расширении собственной организации», ибо в этом случае «активный рост кадетских организаций на местах неизбежно повлёк бы за собой увеличение представительства провинциальных кадетов в составе руководства партии, …что затруднило бы проведение тактического курса, отстаиваемого лидером и его окружением». (См.: Думова Н.Г. Указ. соч. С.31.) Мы не предрасположены к столь категорическим выводам, однако заметим, что как ни странно, но процесс организационного развала кадетской периферии в межреволюционный период оказался косвенно «выгодным» кадетскому руководству, ибо позволил становившемуся всё более умеренно-консервативному кадетскому руководству постепенно и относительно безболезненно освобождаться от левых и наиболее демократически настроенных городских элементов в своей среде.

[138] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.7. Л.17об.

[139] На VI партийном съезде, проходившем в феврале 1916 года, делегат от Костромы С.А. Мошков выражал беспокойство: «Городской и Земский Союзы также оторваны от земли: это организации цензовиков, которые варятся в собственном соку, не желая признавать низы. Наша фракция хотя и включает в себя элементы низов, однако, также оторвалась от земли, от почвы, из которой выросла, и стоит особняком. Зачем мы сюда приехали, если на заявления о наших болях нам отвечают: "Вы ничего не понимаете, - это политика"». (См.: ГАРФ. Ф.523. Оп.3. Д.5. Л.40.). Примечательно, что это заявление осталось без комментариев со стороны руководства партии.

[140] Одновременно следует признать, что деятельность кадетов в общественных организациях разрешенных во время Первой мировой войны, оказалась спасительной для партии.

[141] ГАРФ. Ф.523. Оп.3. Д.5. Л.25.

[142] Там же. Д.9. Л.31 об.

[143] Непосредственным поводом для кризиса стали, на наш взгляд, итоги выборов в I Государственную Думу. Они впервые заставили призадуматься руководство партии о положении «Союза 17 октября», когда октябристы провалились на выборах, а их политический соперник - кадеты одержали внушительную победу. Также оказал отрезвляющее действие на октябристов разгон I Государственной Думы и зашедшие в тупик переговоры со П.А. Столыпиным о включении октябристов в правительство.

[144] По данным ведущего российского исследователя истории русского либерализма В.В. Шелохаева, в этот период действовало около 260 отделов Союза. См.: Шелохаев В.В. Численность и состав партии октябристов // Политические партии России в период революции 1905-1907г.г. Количественный анализ. Сб.ст. М., 1987. С.144.

[145] Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С.118.

[146] См. таблицу №13.

[147] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С.13.

[148] Там же.

[149] ГАРФ. Ф.115. Оп.2. Д.14. Л.18 об.

[150] Там же.

[151] Там же. Д.93. Л.2.

[152] Там же. Оп.1. Д.113. Л.192.

[153] ГАРФ. Ф.102. ДП. 4 Д-во. 1907. Д.164.

[154] Шелохаев В.В. Указ. соч. С.14.

[155] ГАРФ. Ф.102. ДП. 4 Д-во. 1907. Д.164.

[156] Там же. Ф.523. Оп.1. Д.312. Л.6.

[157] Там же. Ф.102, ДП. 4 Д-во. 1907. Д.164.

[158] Там же. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27.

[159] Там же.

[160] Там же. ДП. 4 Д-во. 1907. Д.164.

[161] Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Ч.1. Челябинск, 1995. С.68.

[162] Департамент полиции, говоря о политической ориентации членов Союза, замечал: «Среди членов замечается разноголосица по существенным вопросам. ...Часть членов или скрытые кадеты или приверженцы партии "Союз русского народа" (последних больше)». (См.: Шелохаев В.В. Программа и организация партии октябристов. // Исторические записки. Т.114, М., 1986. С.80).

[163] Данные, представленные в таблице №13 за 1911 год практически совпадают с числом отделов, откликнувшихся на циркуляр ЦК от 1 апреля 1911 года, всего, исключая Москву и Петербург, на него ответило 20 организаций: 11 губернских и 9 уездных отделов (См.: ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д. 113.). Однако о действиях некоторых из отделов вообще нет никакой информации в Департаменте полиции и в фонде октябристской партии.

Многие из них никак не проявили себя в предвыборной кампании в 1912 года. Это только подтверждает наше наблюдение о существовании на местах, скорее всего октябристского электората, а не отделов октябристской партии.

[164] Действительно, с этого времени, оставшиеся в партии чиновники, боясь что «как бы чего не вышло», окончательно покинули партию. Ещё ранее, после третьеиюньского переворота наметился и другой поток. Из партии стали выходить правые элементы близкие к черносотенцам. Они считали, что выполнили свою миссию - борьбу с революцией и крамолой. (Подробнее см.: Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.) Но этот процесс оказался достаточно долгим по времени, и к 1911 году ещё не был завершён.

[165] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1912. Д.27.

[166] Шелохаев В.В. Указ соч. С.17.

[167] Любопытную особенность отметил чиновник Департамента полиции, присутствовавший на конференции, это достаточно небольшое число депутатов с мест: «На вечернем заседании (7 ноября) присутствовало 133 человека, из коих фракция насчитывает 98 человек, а остальные члены общества и приезжие депутаты; этих последних было приблизительно около 20-ти человек». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1913. Д.147. Л.Л.74б.-74б.-об.). В то время как в «Голосе Москвы» делегат П.В. Каменский назвал цифру в 260 человек присутствовавших на заседании. (См.: Там же. Л.43.).

[168] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1915. Д.147. Л.2.

[169] Некоторое различие в количестве губерний, в которых действовали кадетские и октябристские организации, зафиксированные нами в таблицах №12, №13 и таблице №14, объясняется тем, что в некоторых губерниях или в других крупных административных частях зафиксированы организации, действовавшие только в уездных городах или

других населенных пунктах губернского подчинения, в то время как в административных центрах - губернских или областных - организаций КДП или «Союза 17 октября» не существовало.

[170] Интересно отметить одну тенденцию территориального размещения кадетских организаций на Украине: абсолютное их большинство действовало на левобережной Украине и на её юге, в то время как в трёх правобережных губерниях (Волынской, Подольской и Киевской (без Киева)) зафиксирована деятельность всего одной организации в 1912 году. Такое положение дел можно объяснить тем, что на востоке и юге Украины менталитет местного населения формировался в большей степени под влиянием русской культуры, в то время как на западе Украины под влиянием польской. На Правобережной Украине были, также сильны, позиции украинского национального движения. Соответственно и восприятие российской государственности в этих регионах было различным.

[171]Протоколы Центрального Комитета Конституционно-Демократической Партии. 1905-1911. Т 1. М., 1994. С.204.

[172] Там же. С.209.

[173] Там же. С.220.

[174] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.7. Л.24.

[175] Протоколы Центрального Комитета Конституционно-Демократической партии. 1905-1911. Т.1. М., 1994. С.387.

[176] Там же. С.373.

[177] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1913. Д.27. Ч.48. Л.Б. Л.4об.

[178] Там же. 1915. Д.27. Л.112.

[179] Там же. 1915. Д.27. Л.169.

[180] Там же. Д.27. Ч.69. Л.11.

[181] Там же. Д.27. Л.241.

[182] Там же. Д.27. Ч.68. Л.9.

[183] Там же. Д.27. Ч.35. Л.Б.

[184] Там же. Д.27. Л.179.

[185] Там же. Л.241.

[186] Такую же особенность Поволжья, как оплота октябризма в России, подметил немецкий исследователь Э. Бирт, в своей фундаментальной монографии: Die Oktobristen (1905-1913): Zielvars tellungen und Struktur: Ein Beitrag zur russischen Parteiengeschichte. Stuttgart., 1974. S.174.

[187] ГАРФ. Ф.102. ДП. 4 Д-во. 1907. Д.164.

[188] Там же.

[189] Там же.

[190] Там же. Д.100. Т.2.

[191] Там же. Ф.115. Оп.1. Д.76а. Л.6-6 об.

[192] Там же. Оп.1. Д.113. Л.28.

[193] Шелохаев В.В. Указ. соч. С.14.

[194] ГАРФ. Ф.I02, ДП. 4 Д-во. 1907. Д.164.

[195] Нарский И.В. Указ. соч. С.68.

[196] ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д.76а. Л.10 об- 11.

[197] Нарский И.В. Указ. соч. С.65.

[198] См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1912. Д.27.

[199] Там же.

[200] Удивительно, но А.И. Гучков и некоторые другие члены октябристского ЦК так и не осознали, что произошло с октябристскими отделами на местах. Накануне нового, 1917 года (30 декабря 1916 года), когда отделы Союза на местах уже давно прекратили существование, в Москве состоялось заседание «ЦК» «Союза 17 октября», в котором приняло участие 15 человек, и которых даже полиция называла не иначе, как «группой». По словам Начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве: «Собственно сокровенной целью предпринятых А.И. Гучковым и его группой (усилий - *Н.П.*) является

желание оживить деятельность Союза 17 октября ...по мысли А.И. Гучкова, (на основе декларации – *Н.П.*) принятой Центральным Комитетом этой партии, в провинции будут устроены в ближайшее время октябристские собрания». - ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1917. Д.147. Л. 1.

[201] По подсчетам российского исследователя С.А. Степанова, в 1905-1907 годах существовало 29 таких мини-партий. См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С.86.-87.

[202] См.: Русское Знамя. 1907. 29 июля.

[203] В Почаевском отделе в 1906-1907 годах, по данным представленным российским исследователем С.А. Степановым, было 1155 сельских подотделов. Они действовали на территории Волынской, Подольской, Киевской и Бессарабской губерний. (См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С.107, 242).

[204] Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С.241.

[205] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.52. Л.7.

[206] Там же. Ф.117. Оп.1. Д.57. Л.16, 16 об.

[207] Там же. Ф.116. Оп.1. Д.284. Л.10.

[208] Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С.97-98.

[209] ГАРФ. Ф.117. Оп.1. Д.70. Л.Л.1об.-2, 2 об., 3.

[210] Там же. Ф.116. Оп.1. Д.142. Л.16.

[211] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.51. Л.Л.16об.-17.

[212] Там же. Д.118. Л.3.

[213] Там же. Д.147.

[214] Там же. Д.45. Л.9 об.

[215] Там же. Д.124. Л.73.

[216] См., например: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.146. В этом деле находится коллективное письмо крестьян деревни Ново-Чуваши Чистопольского

уезда Казанской губернии о вымогательстве у них денег одним из крестьян и полицейским стражником.

[217] См.: таблицу №17.

[218] Впрочем, были и исключения из правил. Успешно действовал созданный Почаевским отделом «народный кредит». В целом же экономическая деятельность правых получила лишь некоторое распространение в губерниях Юго-Западного края.

[219] Правые в 1915-феврале 1917. Публикация Ю.И. Кирьянова//Минувшее. Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993. С.157.

[220] К.Н. Пасхалов (1843-1924) - видный член Союза русского народа. Подробнее см.: Политические партии России. Конец XIX- первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С.453.

[221] Правые в 1915-феврале 1917. Публикация Ю.М.Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993. С.157.

[222] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.116. Л.1.

[223] Государственная Дума. Созыв третий. Сессия 2. Ч.1. Стб.1250. СПб., 1910.

[224] Там же. Ч.2. Стб.925.

[225] Данные, представленные в таблице №17 за 1907 год, нуждаются в комментарии. Собранные, на исходе 1907 года ДП с помощью отчетов местных ЖУ, данные о количестве организаций в губерниях и их численности, несомненно, являются ценнейшим и одним из полнейших источников о черносотенной периферии за всё время существования правомонархических формирований. Но одновременно к этим данным следует относиться осторожно, ибо зачастую местные черносотенные лидеры, давая сведения в жандармские управления, завышали своё влияние на население.

[226] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27. Л.39.

[227] Там же. Л.42 об.

[228] Там же. Л.36-36об.

[229] Там же. Л.35-35об.

[230] Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992 .С.107.

[231] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д.27. Л.40.

[232] Там же. Эту же тенденцию черносотенного движения отмечает современный российский исследователь черносотенства С.А. Степанов. См.: Степанов С.А Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С.214-235.

[233] По данным А.Г. Рашина, 70% всех российских рабочих трудилось на предприятиях, расположенных в сельской местности. См. подробнее: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). М., 1956. С.208. А в 1897 году из общего числа лиц наемного труда 4/5 являлись временными рабочими, не занятыми на предприятиях постоянно. См.: Рабочее движение в России. 1895- февраль 1917г., Хроника. Вып. III. 1897 год. М. - СПб., 1995. С.6.

[234] Более подробно о причинах распространения черносотенной идеологии на Урале см: Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905-1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости») Екатеринбург., 1994.

К главе III

[1] Действительно, нелегалы обеих леворадикальных партий в своих письмах часто жаловались друг другу на то, что местные ГЖУ «мобилизовали, кажется, все силы сыщиков». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.18. Л.73. Письмо эсера из Казани в Саратов от 6 апреля1908 года), и на то, что «провокация цветёт пышным цветом». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.50. Л.98. Письмо социал-демократа из Самары в Париж от 6 июля 1907 года).

[2] Наше Отечество. Опыт политической истории в 2-х т. М., Т.1. С.319- 320.

[3] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Д.5. Ч.50. Л.103.

[4] Там же. 1908. Д.9. Ч.21. Л.11.

[5] Там же. 1907. Д.5. Ч.15. Л.254.

[6] Там же. 1907. Д.5. Ч.3. Л.Л.89, 91.

[7] Там же. 1907. Д.5. Ч.45.

[8] Земля и Воля. №15 от 05.12.1907. С.16.

[9] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1908. Д.9. Ч.18. Л.73.

[10] Там же. 1907. Д.5. Ч.50. Л.103.

[11] Там же. 1907. Д.5. Ч.50. Л.98.

[12] Там же. 1908. Д.9. Ч.18. Л.2.

[13] Там же. 1908. Д.9. Ч.18. Л.22.

[14] Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992. С.30.

[15] Конечно, конкретные причины прихода в революционное движение каждого отдельно взятого человека были различны. Однако во всех частностях просматриваются общие черты: это или безусловная преданность идее, или вера в социальный прогресс человеческого общества. Как писал в своем романе-утопии «Красная Звезда» видный социал-демократ А.А. Богданов, один шёл «в революцию под знаменем долга и жертвы ...находившего удовлетворение в высшей нравственности», другой – «под знаменем... свободного желания. …Который просто любит жизнь, хочет её высшего расцвета и потому вступает в то её течение, которое воплощает главный путь истории к этому расцвету». (См.: Богданов А.А. Красная Звезда.//Русская литературная утопия. М., 1986. С.201.).

[16] Общественное движение в России в начале XX века. СПб. 1910-1914. Т.3. Кн.5. С.570. (Далее ОД).

[17] Подробнее см.: Уткин А.И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905-1907 гг.//Политические партии России в период революции 1905-1907гг. Количественный анализ. М., 1987.

[18] Подробнее см.: Леонов М.И. Численность и состав партии эсеров в 1905-1907гг.//Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987; Он же. Эсеры в революции 1905-1907гг. Самара, 1992.

[19] Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992. С.30.

[20] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1908. Д.5. Ч.14. Л.74.

[21] Там же. 1907. Д.5. Ч.7. Л.33.

[22] ГАРФ. ДП ОО. Ф.102. 1908. Д.9. Ч.18. Л.55.

[23] В Казани, например, «не желая быть переловленными» учащиеся должны были «разъехаться», а «рабочие не идут в кружки до весны, когда можно будет собираться на лоне природы. Таким образом, фактически городская деятельность прекращается». (СМ.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.18. Л.73.).

Не лучше обстояли дела в деревне. «Выяснилось, что работу в Курской губернии сильно затрудняют за последнее время гонения правительства. - Сообщал корреспондент газеты «Земля и Воля», - Лучших людей заарестовали. Этими арестами и постоянными казацкими и полицейскими налётами нагнали такого страха на крестьян, что многие боятся ходить на собрания и участвовать в организациях. В иных местах, как только какого-нибудь крестьянина долго нет дома, бабы подымают вой, думая, что он ушёл на собрание и там арестован». (См.: Земля и Воля. 1907. №15. С.16.).

[24] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1908. Д.5. Ч.15.

[25] Там же. 1908. Д.5. Т.1. Л.61.

[26] Протоколы первой общепартийной конференции. П.С.-Р., Август 1908. Париж, 1908. С.57.

[27] Там же. С.60.

[28] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.5. Ч.18. Л.140.

[29] Там же. 1908. Д.9. Ч.34. Т.1. Л.88.

[30] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия Социалистов-Революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.385.

[31] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж. 1922. С.179.

[32] Социал-Демократ. 1910. №13.

[33] Правда. 1910. №17.

[34] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1908. Д.5. Ч.14. Л.74.

[35] Протоколы первой общепартийной конференции. П.С.-Р., Август 1908. Париж. 1908. С.94.

[36] «Попутчиков/сочувствующих», а зачастую просто случайных людей, в обеих партиях было достаточно много. Так, российский исследователь истории ПСР М.И. Леонов отмечает, «что в конце 1906 - начале 1907 г. в партии эсеров числилось не многим более 65 тыс. человек. При этом следует, однако, иметь в виду, что довольно значительная часть "записавшихся" в ряды эсеровской партии вообще никогда не принимала активного участия в партийной работе. Отсутствие строгих уставных принципов открывало широкий простор включению в ряды эсеров околопартийных элементов, попутчиков. Некоторые организации членами партии объявляли рабочих, регулярно посещавших партийные митинги, другие - гимназистов и т.д.». (См.: Леонов М.И. Численность и состав партии эсеров в 1905- 1907 гг.//Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С.54.). В.И. Ленин при всём своём желании расширять партию «пролетарским элементом», позже понял свой просчёт и предостерегал, что «показных членов партии нам не надо и даром». (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.9. С.246. Там же. Т.39. С.224.). На местах партийные функционеры были более откровенны. Вот лишь один типичный пример. Архангельский социал-демократ писал, что «из 20-30 членов ячейки только 3-4 "вполне партийны"». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.5. Ч.1.).

[37] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.50. Л.98.

[38] Там же. Д.5. Ч.42. Л.91. Перлюстрированное письмо от 25 августа 1907 года из Екатеринбурга в Харьков.

[39] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922. С.250.

[40] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.11. Ч.53.

[41] Не смогли определиться с членством, несмотря на все принимаемые решения (порой достаточно жёсткие, как, например, §1 Устава в ленинской формулировке в РСДРП), обе леворадикальные партии. На наш взгляд, это было связано с невозможностью подогнать под определенные уставные нормы приём в члены партии во время революции 1905-1907 годов, когда эйфория и открывающиеся перспективы партийного строительства, перебила здравый смысл. А околопартийная масса была достаточно радикализована, чтобы заставить леворадикалов принимать их в первички. Более того, партийные активисты сами искали связь с ней. Таким образом, поиск путей навстречу друг другу был обоюдным.

[42] Мещеряков В. Партия С.-Р.(Социалистов-революционеров). В 2-х ч. Ч.2. М., 1922. С.12.

[43] Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С.323.

[44] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1908. Д.9. Ч.18. Л.108.

[45] Там же. 1908. Д.9. Ч.26.

Поверхностность политического самосознания крестьянства отмечали и незаинтересованные современники. Например, И.А. Бунин в повести «Деревня» с тонким сарказмом описал разговор на политическую тему главного героя повести Тихона Ильича с молодым крестьянином Дениской: «Дениска поставил чемодан на крыльцо и вытащил из кармана книжечки. Тихон Ильич взял и внимательно переглядел их. Песенник "Маруся", "Жена-развратница", "Невинная девушка в цепях насилия",

"Поздравительные стихотворения родителям, воспитателям и благодетелям", "Роль" ...

Тут Тихон Ильич запнулся, но Дениска, следивший за ним, бойко и скромно подсказал:

- Роль проталерията в России.

Тихон Ильич качнул головой.

- Новости! Жрать нечего, а чемоданы да книжки покупаешь. Да ещё какие! Верно, недаром тебя смутьяном-то зовут. Ты, говорят, всё царя ругаешь? Смотри, брат!

- Да авось не имение купил, - ответил Дениска с грустной усмешкой. - А царя я не трогал. На меня брешут как на мертвого. А я и в мыслях того не держал. Ай, я лунатик, какой?" (См.: Бунин А.И. Деревня. // Сочинения. Т.1. М., 1982. С. 215.).

[46] Маслов С. Социалистическая партия, её значение и политическая организация крестьян. П., 1917. С.19, 22, 24, 25. Если даже после февраля 1917 года крестьяне оказались невосприимчивы к идеологии ПСР, то, видимо, и во время революции 1905-1907 годов они также оказались глухи к ней. Точки же соприкосновения эсеровских агитаторов на селе и крестьян следует искать скорее в аграрном (но одновременно и аполитичном) радикализме крестьянства, с одной стороны, и эсеровского программного требования - социализации земли, с другой.

[47] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т.1. М., 1983. С.318.

[48] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.32. Л.249. В действительности переход из РСДРП в ПСР был достаточно распространен. Причину этого явления следует искать также в том, что большинство всех российских рабочих были по существу отходниками или временными рабочими и не имели устоявшихся политических взглядов.

[49] Там же. 1908. Д.9. Ч.18. Л.100.

[50] Там же. 1907. Д.5. Ч.18. Л.129. Продолжая размышления на тему: «интеллигенция и её социальная психология», можно заметить, что именно поверхностность её политических взглядов и не твердость духа приводили к выходу радикальной интеллигенции из рядов РСДРП и ПСР. – «Занимаюсь пустым беганьем по району, - признавался московский эсер, - из которого, при создавшихся условиях, мало получаю духовного удовлетворения для себя, равно как мало пользы приношу и делу, почему твердо решил ...выйти из организации». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.34. Т.1. Л.92. Перлюстрированное письмо из Москвы в Льеж от 6 февраля 1908 года.). У многих сдавали нервы в условиях полицейских репрессий. Так, казанский эсер признавался: «Общая реакция отразилась и на моей психике. Нет того боевого настроения, которое было раньше». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.18. Л.8. Перлюстрированное письмо из Казани в станицу Любашевка Херсонской губернии от 2 января 1908 года.). А социал-демократ из Екатеринослава, вообще оказался на грани нервного срыва: «Здоровье моё теперь не важное, а работа сильно взвинчивает нервы, стал походить на дьявола, малейшее слово, сказанное кем-либо сильно раздражает и я готов броситься на говорившего и сделать с ним что угодно». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.5. Ч.24. Перлюстрированное письмо от 31 мая 1907 года.). Бывали случаи, когда леворадикалы оговаривали сами себя перед представителями власти, выражая своими действиями молодечество, стремление прославиться, неадекватные амбиции. Именно о таком случае докладывал Начальник Виленского Охранного отделения в Особый Отдел Департамента полиции в своём донесении от 22 февраля 1908 года: «18-го сего февраля, вечером, на Виленском вокзале к Начальнику Виленского отделения жандармского полицейского управления Северо-Западных железных дорог явился, назвавшийся дворянином ...Иваном Станиславовым Кузьминым и заявил, что он и есть действительный убийца Полтавского Генерал-Губернатора

генерала Полковникова, а также организатор и участник ограбления почты 22-го октября 1907 года между Воронянами и Гудагаем». При проверке оказалось, что назвавшийся Кузминым был на самом деле некто Олехнович, и к тому же он оказался пьян. То же самое Олехнович устроил в Киеве заявив, что принадлежал к Виленской организации эсеров «несколько месяцев назад». В Полтаве Олехнович никогда не бывал. К тому же постоянно пьянствовал. Как выяснилось, Олехнович «действительно принадлежит к местной организации» эсеров, «занимая в ней роль пропагандиста». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1908. Д.9. Ч.6. Л.28-28об.). Все эти человеческие слабости были не последними мотивами при вступлении интеллигенции в обе леворадикальные партии.

[51] Благодаря деятельности чётко отлаженной машины контроля за партийными организациями в Департаменте полиции практически знали всех революционеров империи на пересчёт и все сведения о них были занесены в алфавитную картотеку Департамента полиции. К слову сказать, она содержала в себе 500 000 карточек о лицах (не только революционерах), когда-либо попавших, по разным причинам, в поле зрения Департамента полиции. (См.: Ф.102. ДП. Оп.253. Д.100. Л.61).

[52] Сравнительный анализ числовых данных произведён на основе максимальной численности партий, как и последующие подсчёты, связанные с таблицей № 21.

[53] Однако деятельность в легальных профсоюзах и общественных организациях также жёстко контролировалась Департаментом полиции. А.И. Спиридович писал, что «партийная ...жизнь в России (РСДРП - *Н.П.*) в первую половину 1913 г. ...сосредотачивалась главным образом в легальных организациях», но чуть выше он же замечает, что «работа по использованию легальных возможностей шла плохо, внимание правительственных органов парализовало её». (См.: Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-

1903-1917. Париж, 1922. С.250, 214). Действительно, у правительственных органов на местах были развязаны руки на основании Циркуляра Департамента полиции от 10 мая 1907 года, который гласил: «Местным властям обратить на состав и деятельность профессиональных Союзов самое пристальное и серьёзное внимание, допускать их легализацию лишь при наличности несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности - закрывать их». (См.: Граве Б.Б. Рабочий класс и рабочее движение в годы реакции и подъема//Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России. М., 1951. С.231). Более того, во избежание леворадикальной пропаганды собрания профсоюзов могли проводиться только в присутствии полицейских, а в Петербурге полицейские агенты должны были присутствовать даже на заседаниях правления.

[54] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Партия Социалистов-Революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С.496.

[55] В 1907 году комитеты и организации ПСР в Средней Азии были ликвидированы в Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областях. В этих областях ПСР уже более не смогли восстановить свою деятельность в прежнем объёме.

[56] Более высокая, по сравнению с другими регионами Европейской части России, численность леворадикальных партий на Украине подтверждает ранее сделанные выводы о том, что большинство организаций РСДРП и ПСР действовало на Украине. См.: главу «Территориальное размещение партийных организаций, параграф: Партии социалистической ориентации».

[57] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9, М., 1983. С. 263, 321, 386.

[58] Там же. С.433.

[59] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922. С.255.

[60] Знамя труда.1908. №21-22. С.6.

[61] Социалист-Революционер. 1909. № 2. С.7, 16.

[62] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1907. Д.5. Ч.57. Л.135.

[63] Там же. 1907. Д.5. Ч.68. Л.102

[64] Там же. 1907. Д.5. Ч.9. Л.11.

[65] Там же. 1907. Д.5. Ч.7. Л.8.

[66] Там же. 1908. Д.9. Ч.18. Л.55.

[67] Там же. 1908. Д.9. Ч.18. Л.102.

[68] Там же. 1908. Д.9. Ч.34. Т.1. Л.92.

[69] Там же. 1912. Д.5. Ч.6. Л.28.

[70] Там же. 1912. Д.9. Ч.57. Л.17.

[71] Там же. 1912. Д.9. Ч.57. Л.75.

[72] Там же. Ф.102, ДП. Оп.253. Д.113. Л.138.

[73] Там же. Л.139.

[74] Учредительный съезд Конституционно-Демократической партии состоялся в Москве 12-18 октября 1905 года, а организационное оформление «Союза 17 октября» официально завершилось на I съезде, проходившем в Москве с 8 по 12 февраля 1906 года.

[75] Кизеветтер А.А На рубеже дух столетий (Воспоминания. 1881-1914.) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С.225.

[76] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Д.828. Ч.13. Л.5.

[77] В подтверждение наших слов приведём следующий факт, число дворян бывших в разные годы членами октябристского ЦК, составляло 87 человек. Это 69,1% от общего числа членов ЦК, общее число которых за всё время существования Союза достигло 126 человек. (Данные взяты и рассчитаны автором из Приложения 3: «ЦК и “Союза 17 октября”» к

энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века». М., 1996. С.746-755).

[78] Более подробно см.: Российские либералы: Кадеты и октябристы. (Документы, воспоминания, публицистика) М., 1996. С.9.

[79] Такому положению дел в партии во многом способствовал и устав «Союза». Местным октябристским отделам уставом партии были предоставлены достаточно широкие полномочия. Устав практически санкционировал создание на местах мини-партий. Так, в уставе «Союза» не были оговорены обязанности членов партии, местным отделам разрешалось вырабатывать собственные программы и уставы, что уже предполагало некий политический ревизионизм в его рядах, но что более важно в нашем контексте, это вело, по сути, к созданию местных и территориальных партий. Более того, члены «Союза 17 октября» имели право на параллельное членство в других родственных «Союзу» партиях.

[80] ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д.90. Л.4об-5.

[81] Там же. Д.89. Л.2, 3.

[82] Так в марте 1906 года распался отдел «Союза» в селе Тимашево Самарской губернии, когда его председатель некто Киселёв вышел из партии. (См.: ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д.87. Л.11.).

[83] ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д.90. Л.4об. Данное признание князя В. Урусова косвенно подтверждает наше наблюдение о том, что во многом организационно-политическая модель «Союза 17 октября» была скопирована с дворянских собраний и земских учреждений.

[84] ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д.71. Л.3. Подтверждением достаточно быстрого уменьшения численности и последовавшего за ним развала отдела «Союза 17 октября» в Курске может служить свидетельство «ревизии», проведенной в августе 1912 года, корреспондентами журнала «Вестник Европы», которые в своей заметке отмечали: «Октябристов Курская губерния не слышит и не видит уже около пяти лет». (См.: Шелохаев В.В.

Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991. С.14.).

[85] Однако не следует думать, что все в «Союзе» были солидарны с такой организационной пирамидой построения партии. Тот же председатель Смоленской «Партии Свободы и порядка» князь В. Урусов, предрекал, что если руководство партии не приступит к созданию организационной вертикали: от ЦК до отделов уездного уровня, с чётко выраженной структурой подчинения, то развал «Союза» неминуем. Симптоматично, что размышления князя не оказали ровным счетом никакого объединяющего влияния на отделы «Союза» в его родной Смоленской губернии, а ЦК партии проигнорировал его заявление.

[86] Шелохаев В.В. Программа и организация партии октябристов.// Исторические записки. Т.114. М., 1986. С.79. Об этом же говорил видный либерал, один из создателей партии мирного обновления Е.Н. Трубецкой, называя вновь «испечённых» членов «Союза» «серым испуганным обывателем». (См.: Петрово-Соловово В.М. «Союз 17 октября» и его критики. М., 1906.).

[87] Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С.118. Ответом на эти и подобные обвинения было молчание со стороны руководства «Союза» или они были невразумительны и мало убедительны. Так, член ЦК «Союза» В.М. Петрово-Соловово старался убедить критиков партии, что хотя в «Союзе» и были «недавние сторонники самодержавного строя», однако политические ориентиры их изменились, ибо «в сознании этих людей совершился вполне естественный в пережитые нами два года внешних и внутренних потрясений процесс умственной эволюции, проведший их от самодержавия к конституализму». (См.: Петрово-Соловово В.М. «Союз 17 октября» и его критики. М., 1906.). Иллюзорность таких умозаключений стала очевидна уже вскоре после третьеиюньского государственного переворота, когда в головах членов

местных отделов произошёл, говоря словами В.М. Петрово-Соловово, обратный «процесс умственной эволюции» от конституционализма к самодержавию и многие из них ушли к черносотенцам. Не будем здесь глубоко анализировать причины данного явления, отметим только два момента: первый, критики «Союза» оказались правы, называя таких октябристов «серой публикой», «равнодушными к манифесту», и второй момент: чтобы совершился такой внутренний «процесс умственной эволюции», по сути, от одной идеологической парадигмы к другой, человек должен обладать достаточно высоким уровнем политической интенции и политической артикуляции, чтобы встать над обстоятельствами и переосмыслить их. А у «серого испуганного обывателя», как выяснилось, эти качества отсутствовали.

[88] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д.164.

[89] Там же. 1912. Д.27. Этот прогноз Департамента полиции оказался достаточно точным. Баллотировавшийся в Москве Председатель ЦК партии А.И. Гучков не смог победить на выборах и ЦК пришлось кооптировать его и ещё троих своих членов в бюро думской фракции.

[90] См. например: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1912. Д.27.

[91] Подробнее см.: Главу «Территориальное размещение и динамика организационных структур партийных организаций». §2. Либеральные партии.

[92] См. например: ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.250. Л.8. Следует отметить, что подобные крупные организационно-территориальные структуры ранее были созданы и опробованы РСДРП и ПСР. В этих партиях они носили название: областные организации. Кроме того, схожесть задач, возложенных руководством леворадикальных формирований и кадетской партии позволяет нам предположить, что кадеты, видимо, позаимствовали идею данной ревизионно-контролирующей структуры у леворадикалов.

[93] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.190. Л.1. Письмо от 31 июля 1906 года.

[94] Там же. Д.170. Л.44-44 об.

[95] Там же. Д.198. Л.11.

[96] Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С.93.

[97] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.277. Л.6об. «Наркоманами» автор письма называет приверженцев партии.

[98] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.277. Л.9.

[99] Какими будут последствия для организационной структуры, если партия не будет легализована, хорошо понимали и в кадетском ЦК. Так И.И.Петрункевич констатировал на январском 1908 года заседании ЦК: «Без легализации партия будет убита в провинции, - там она не будет в состоянии ни организоваться, ни действовать». (См.: Протоколы Центрального Комитета Конституционно-Демократической Партии. 1905-1911. Т.1. М., 1994. С.241).

[100] В подтверждение наших слов приведем лишь один пример. На проходившем в марте 1909 года заседании ЦК, князь Д.И. Шахавской признал, что «вся жизнь партии сосредоточилась в деятельности парламентской фракции». (См.: Протоколы Центрального Комитета Конституционно-Демократической Партии. 1905-1911. Т.1. М., 1994. С. 349). И что симптоматично ни один из присутствовавших не возразил ему.

[101] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.277. Л.25. 26-26 об., 28.

[102] О политико-идеологической дифференциации членов октябристских отделов мы говорили в этом параграфе достаточно подробно. В частности, о переходе монархически настроенных членов местных отделов «Союза», в том числе и после третьеиюньского государственного переворота, когда этот процесс ускорился, к черносотенцам. Что же касается кадетов, то данный процесс, по времени, оказался более длительным и протекал на протяжении всего межреволюционного десятилетия. Неудивительно поэтому, что достаточно часто в фондах Департамента полиции и кадетской партии можно найти следующие, примерно однородные,

высказывания и обобщения. Например, в Моршанске Тамбовской губернии, по заверениям местных кадетских активистов, вскоре после третьеиюньского переворота «большинство членов группы к.-д. примкнуло к с.-д. и с.-р. Все стремления вызвать их сочувствие к программе и действиям к.-д. не приводят ни к чему». (См.: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991. С.23). Глубокой осенью 1915 года Начальник Донского областного Жандармского Управления сообщал директору Департамента полиции (донесение отправлено 27.11.1915), что в Таганроге «местная группа "Партии Народной Свободы" значительна ...и руководит всеми проявлениями местной общественной жизни ...группа ...представляет собою блок местных интеллигентных сил: К.Д. и С.-Д.». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1915. Д.27. Л.162.).

[103] Приведём лишь по одному для каждой из либеральных партий типичному примеру. Так, для прогнозирования итогов выборов в IV Государственную Думу, Департамент полиции в 1912 году получал сведения от Жандармских Управлений (ЖУ) с мест о деятельности октябристской периферии. Например, Харьковское ЖУ сообщало, что «Союз 17 октября» «не имеет никакой определенной организации», хотя в губернии «много (его – *Н.П.*) последователей», которые, по мнению Харьковского ЖУ повлияют на выборы в губернии. (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27.). А кадет из Белоозерска Новгородской губернии сообщал МО ЦК в начале ноября 1913 года: «В нашей местности явным К.-Д. являюсь я один. ...Сочувствующих этой партии большинство интеллигенции, не исключая и чиновников, большинство местного мещанского населения и часть купцов, в чём можно убедиться из того, что, несмотря на всякие противодействия, моей кандидатуре выборщиком от города всегда выбирался я». (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1913. Д.27. Ч.50. Л.Б. Л.2.).

[104] Сравнительный анализ числовых данных произведён на основе максимальной численности партий, как и последующие подсчеты, связанные с таблицей №25.

[105] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27. Л.42 об.

[106] Там же. Л.65 об.

[107] См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27. Ч.57.

[108] См.: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991. С.11-12.

[109] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1913. Д.147. Л.74б.-74б.-об.

[110] Более подробно см., например: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С.32-33.

[111] Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1986. С.201.

[112] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1915. Д.27. Л.226

[113] Там же. Л.241.

[114] Там же. Л.183.

[115] ГАРФ. Ф.523. Оп.3. Д.9. Л.31 об.

[116] Известный российский исследователь истории российского либерализма начала XX века В.В. Шелохаев считает, что максимальный пик численности кадетской партии приходился на весну-лето 1906 года. В этот период, по данным В.В. Шелохаева, численность партии составляла примерно 50 тысяч человек. (Подробнее см.: Шелохаев В.В. Численность и состав кадетской партии.//Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. Сб. статей. М., 1987, С.99).

[117] В этом нет ничего удивительного, так как КДП, возникшая сравнительно недавно переживала процесс институализации партии, который тормозился действиями репрессивных органов, и поэтому он потерял необходимый темп развития.

[118] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1906 (II). Д.9. Ч.21. Т.1.

[119] В Финляндии и в русской Польше действовали национальные партии либерального толка. В Средней Азии национальный истеблишмент был практически политически индифферентным. На Кавказе интеллектуалы местных национальностей, придерживавшиеся либеральных ценностей, были малочисленны и часть из них ориентировалась на создание национальных партий либерального толка, но из-за своей малочисленности это были карликовые политические формирования. Что же касается кадетских организаций и октябристских отделов, функционировавших в этих национальных окраинах, то они за редким исключением состояли сплошь из представителей русскоязычного населения. В Финляндии отсутствие пришлого русскоязычного населения не позволило создать либеральным партиям свои организации.

[120] Подтверждением наших слов является сравнительный анализ численности в %, представленный в следующей таблице:

Регион	Наимено-вание политических партий	% соотношение численности по регионам										
		1907	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Европейс-кая часть России	«Союз 17 октября»	95,9	100	100	100	99,2	100	100	100	-	-	-
	кадеты	98,1	98,8	98,5	98,4	99,5	99,9	99,4	98,3	91,4	91,1	97,7
Остальная империя	«Союз17 октября»	4,1	-	-	-	0,8	-	-	-	-	-	-
	кадеты	1,9	1,2	1,5	1,6	0,5	0,1	0,6	1,7	8,6	8,9	2,3

[121] См. сноску №10 в Главе Территориальное размещение организаций, в § Партии Социалистической ориентации, в ней перечислены губернии, входящие в каждый регион.

[122] На эту особенность правого движения неоднократно указывали российские исследователи. К примеру, в книге «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия», в главе, посвященной правому движению говорится: «Социально-психологическую подоснову

правого радикализма составили настроения разнородных групп населения: страх мелкого собственника и старозаветного купца перед наступающими на патриархальный уклад жизни капитализмом, отвращение дворянства "простонародья" к "барам", будь то бюрократия, интеллигенция или буржуазия новейшей формации, наконец, характерное для национально ориентированной прослойки образованных людей неприятие всего, что ассоциировалось ими с проникновением в Россию влияния Запада, - фабричного производства, социальных конфликтов, демократических и социалистических идей, не говоря уже об утвердившихся там общественных институтах - парламентаризме и политических партиях». (См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С.15-16). Мы позволили себе привести столь большую по объему цитату только потому, что она достаточно точно показывает несоответствие и разновекторность социально-экономических и политических взглядов сторонников правого движения.

[123] Просматривая переписку Главного Совета СРН с местными отделами и подотделами «Союза», можно найти много документальных подтверждений нашим словам. Приведём только два характерных примера. Бывший товарищ председателя Аккерманского (Аккерман - уездный город в Бессарабской губернии) СРН писал в Главный Совет СРН из Одессы в июне 1909 года: «…наш отдел, прежде представлявший грозную силу своей многочисленностью, начал быстро идти к упадку и разложению». Причину «упадка» отдела он видел в хулиганских выходках нового председателя отдела - Дмитриева. Последнего не раз просили уйти с поста председателя, однако он «не захотел уходить и, - по словам местного черносотенца - явившись на собрание СРН с 15-16 пьяными союзниками ...допустил бесчинства, учиненные приведенными им пьяными людьми, для усмирения которых должна была вмешаться полиция». (См.: ГАРФ. Ф.117. Оп.1. Д.57 Л.16-16 об.). В другом письме

председателя Казанского отдела Русского Собрания, адресованном лично А.И. Дубровину, причину упадка правого движения казанский черносотенец склонен видеть в бездействии руководства «Союза». «Тяжёлые времена переживает Союз Русского Народа. Ваша болезнь и молчание производят тяжёлое впечатление на все Союзы и меня сильно беспокоит. Все чего-нибудь ждут, и деятельность Союзов замирает». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1.Д.142. Л.16. Письмо от 14 июля 1909 года).

[124] В уставе СРН подчеркивалось, что все отделы непосредственно подчиняются Главному Совету СРН. Однако, в принятом на съезде председателей отделов (Москва. 17- 19.7.1907.) постановлении, акценты были смещены в сторону создания дееспособной партийной вертикали. В нём говорилось, что «сельские подотделы и дружины сносятся по всем делам с уездным советом, уездные советы сносятся с губернским, а губернский совет непосредственно с Главным Советом. Лишь в исключительных случаях за разъяснениями и запросами уездные советы, сельские подотделы и дружины могут прямо обращаться в Главный Совет». (См.: Русское Знамя. 1907. 29 июня.).

[125] В фонде СРН отложилась переписка Главного Совета примерно с 600 местными отделами. (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1.).

[126] Подробнее см.: Степанов С.А. Черная сотня в России 1905-1914 гг. М., 1992. С.86-87.

[127] Номинально высшим органом для всех правых организаций (союзов, партий, обществ, и т.д.) являлись регулярно созываемые монархические съезды, но их решения носили только рекомендательный характер. Впрочем, ко времени третьеиюньского государственного переворота крупнейшему правомонархическому формированию - СРН почти удалось (с помощью решений монархических съездов о создании на местах коалиционных управ правых организаций) если не поглотить, то установить контроль над другими монархическими организациями. Но это

было скорее формальное объединение. Однако и в этот период приблизительно 60 тысяч человек (данные на конец 1907- начало 1908 года) оставались в неподчиненных СРН организациях.

[128] В силу того, что фонды обновленного СРН не сохранились, мы будем в своей работе и далее называть ВДСРН по прежнему СРН.

[129] О том, что сельские отделы и подотделы СРН были самыми неустойчивыми и, по сути, в большинстве случаев, призрачными образованиями хорошо известно. Мы же хотим привести здесь только один из характерных примеров того, как повлиял раскол в старом СРН на деятельность отделов «Союза» в небольших (заштатных и уездных) городах, так как именно за влияние в них шла наиболее острая борьба между двумя СРН (дубровинцев поддержали в основном наиболее радикально настроенные сельские отделы и отчасти уездные, а обновленцев - губернские и часть уездных отделов, в которых было велико влияние землевладельцев, купечества, чиновничества). Итак, о последствиях организационной войны двух «Союзов» поведал в своём «сообщении о состоянии дел от 08.03.1912.» председатель Белостокского (Белосток - уездный город Гродненской губернии) дубровинского отдела СРН: «Белостокский отдел находится на краю гибели, из 300 ч[еловек] осталось не более 30 ...членов, ввиду группы четырех или пяти человек, идущей под руководством посланников Коновницынских (А.И. и Э.И. Коновницыны - одни из лидеров «обновленческого» СРН – *Н.П.*), хотя и раньше эти лица были таких же взглядов, в Белостокском отделе были Дубровинцы и бывшие обновленцы (Басковцы)». (названы по месту расположения Главного Совета СРН в Петербурге - Баскову переулку – *Н.П.*). Характерно, что, не дождавшись поддержки из Петербурга, местные дубровинцы решили действовать более привычным и испытанным способом, по их же словам «донесли» (использование этого слова уже само за себя говорит о нравственных принципах местных правых) на

обновленцев Гродненскому губернатору «...с просьбой воспретить устраивать собрание коновницынское, как закрытой организации». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.118. Л.3,16.). Однако губернатор отказал дубровинцам в их просьбе.

[130] Вот только один пример, число которых можно умножить. В Ростовском-на-Дону отделе СРН, весной-летом 1907 года, при попытке проконтролировать членами Совета отдела, куда уходят союзные деньги, и создать для этого ревизионную комиссию, разразился скандал. Председатель отдела самочинно исключил из отдела «оппозиционеров» числом в 21 человек, в результате их противостояния с председателем открылась неприглядная правда о деятельности ростовского отдела, как следствие, численность отдела резко сократилась. «Ранее Отдел Союза состоял из 7000 членов, - писали исключенные лично А.И. Дубровину, - в настоящее время едва можно насчитать в нём до 900 членов». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.124.).

[131] Ориентация членов правых формирований была действительно разновекторна, начиная от разногласий в среде истинных приверженцев движения и кончая политическими авантюристами и «перевертышами». Мы уже приводили выше пример с Белостокским отделом, позволим себе процитировать ещё одну выдержку из письма белостокского черносотенца, в связи с идеологическими разногласиями в отделе. «В Белостокском отделе (всегда – *Н.П.*) были Дубровинцы и бывшие обновленцы». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.118. Л.3. Письмо от 8 марта 1912 года.).

Говоря же о нечистоплотных людях и авантюристах, то их было всегда много в черносотенской среде. Вот несколько характерных примеров. Черносотенец из города Барановичи Минской губернии сообщал в своём письме от 15 апреля 1912 года А.И. Дубровину в Петербург: «Считаю своим священным долгом оповестить Вас о деятельности некоторых членов Барановического ж/д отдела Союза Русского Народа, благодаря

которым отдел до настоящего времени как бы не существовал, не будучи нигде зарегистрированным. Один из этих членов, бывший за председателя Бертош, в настоящее время предан суду за злоупотребление по службе». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.284. Л.10.). В письме Е.А. Полубояриновой (в дубровинском СРН она занимала должность казначея «Союза» и являлась товарищем председателя ГС ВДСРН) от 17 апреля 1913 года виленский черносотенец жаловался: «Г-жа Кондратьева (член Виленского отдела – *Н.П.*) перелётная птица: из левого лагеря перелетела в правый ...побывав в предварилке за антиправительственную деятельность и как видно с предвзятым намерением вступила в Союз, где со дня вступления вносила и вносит раскол, благодаря ей и её мужу с их подручными Виленский отдел был окончательно убит, почти все члены ушли из отдела». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.80. Л.83.).

[132] Несомненное влияние эмоционально-чувственного аффекта на создание правых формирований признавали и сами монархисты. К примеру, лидер вятских правых заявил в январе 1907 года: «Нам ныне нужна не громкая платформа ...а беспредельная любовь к Родине и Царю в сердце и готовность, по мере разумения, всё положить на алтарь отечества». См.: Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале 1905-1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994. С.52.

[133] Подробнее см. главу: Территориальное размещение и динамика организационных структур партийных организаций. §3. Правомонархические организации.

[134] По данным российского исследователя правого движения С.А.Степанова, «в 15 губерниях так называемой "черты еврейской оседлости" сосредоточивалось более половины (57,6%) всех членов крайне правых организаций». См.: Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С.109.

[135] Один их руководителей наиболее активно действовавшего в губерниях так называемой «черты еврейской оседлости», Почаевского отдела СРН архимандрит Виталий в ноябре 1910 года признавался в одном из своих писем к монархически настроенным спонсорам правого движения (видимо купцам, из письма непонятно, к каким «профессиям» принадлежали предполагаемые меценаты), что без активной помощи с их стороны деятельность отдела будет невозможна. Как можно предположить из-за пассивности крестьян, составлявших подавляющую массу членов отдела. Именно поэтому о. Виталий стараясь выбить деньги, одновременно и умолял и предостерегал: «Ведь кто будет давать деньги народу, тот будет и его вождем». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.75. Л.2.).

[136] Такое положение дел с открытием отделов на селе признавали и сами правые. «Мною открыто в Белецком, Сорокском и Хотинском уездах 67 дружин с.р.н. ещё в 1906 г.», - докладывал председатель белецкого отдела СРН в апреле 1913 года в Главный Совет Союза, - и, не дав им ничего реального, (ибо – *Н.П.*) всё осталось на словах». (См.: Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С.256). И таких свидетельств в делах фондов СРН и РНС им. Михаила Архангела великое множество, что позволяет нам говорить об определенной тенденции.

[137] К примеру, крестьяне села Мамошки Смоленской губернии записались в СРН «для медалей», так как, по их мнению «здесь даром медали дают». (См.: Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С.241). Отдельно следует сказать об аграрном вопросе. Возможность его решения в пользу крестьянства с помощью черносотенных организаций было одним из главных мотивов для вступления крестьян в ряды правых в годы революции 1905-1907 гг. Более подробно см.: Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С.236-261.).

[138] Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С.241.

[139] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.116. Л.2.

[140] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.96. Л.21.

[141] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.98. Л.2.

[142] ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.170. Л.48.

[143] Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале 1905-1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994. С.33.

[144] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27. Л.40-40 об.

[145] Там же. Л.36-36об.

[146] К примеру, при вступлении в РНС имени Михаила Архангела вновь принятый член «Союза» давал следующее «обещание»: «Я, нижеподписавшийся, даю сие обещание в том, что твердо осведомившись о целях Союза буду исполнять возлагаемые на меня обязанности члена Союза по крайнему моему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю императору и Самодержцу Всероссийскому, памятуя лишь о благе и пользе России и отстаивая вековые заветы родины: Православие, Самодержавие и Народность». (См.: ГАРФ. Ф.117. Оп.1. Д.258. Л.19.). Под обещанием присягавший ставил свою подпись. Впрочем, эмоции и чувства, как основа черносотенной идеологии, не всегда помогали правым монархистам, поэтому они продолжали порочную практику записи людей в свои отделы огульно, часто без их ведома. Такой случай произошёл, к примеру, в уездном городе Обоянь Курской губернии, когда при открытии отдела РНС имени Михаила Архангела в октябре-ноябре 1908 года, в его учредители без спроса, заочно был записан местный обыватель, который уже на следующий день писал заявление с просьбой вычеркнуть его вообще из членов отдела, ибо он ничего общего с монархистами иметь не хотел. (См.: ГАРФ. Ф.117. ОП.1. Д. 71. Л.51.) Впрочем, люди, подписавшие «обещание» при необходимости, в большинстве своем выходили из РНС, не считая себя связанным им.

[147] Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С.105-110.

[148] ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.51. Л.16 об.-17.

[149] Там же. Ф.102. ДП ОО. 1912. Д.27.

[150] Падение царского режима. Т.4. М. Л., 1925. С.128.

[151] Что же касается резкого уменьшения численности правых в 1908 году в сравнении с 1907 годом, то о его причинах мы подробно писали. В подтверждение приведем лишь два красноречивых примера. По сведениям, полученным Департаментом полиции в 1907 году, в четырёх подотделах Союза русского народа, действовавших в Одессе, по данным союзников состояло около 20000 членов, в действительности, как докладывал начальник местного Жандармского Управления, их было около 3000. (См.: ГАРФ. Ф.102. ДП. 1907.4 Д-во. Д.164.). Таким образом, одесские черносотенцы одним махом пера увеличили свою численность почти в семь раз. И такими приписками занимались многие руководители правых на местах. Бобруйские черносотенцы увеличили свою численность в 55 раз, ибо, как оказалось летом 1907 года, в отделе состояло не 16500 человек, а всего около 300, да и те из них, как пренебрежительно, что говорит само за себя, заметил местный черносотенец, «всё больше крестьяне». (См.: ГАРФ. Ф.116. Оп.1. Д.285. Л.3об.). Благодаря таким сведениям открывается неприглядная правда о фальсификации монархистами своей численности.

[152] В сноске №10 к §1 Партии социалистической ориентации в главе: Территориальное размещение и динамика организационных структур партийных организаций, перечислены губернии, входившие в тот или иной регион.

[153] Численность населения всех регионов Европейской части России взята за 1914 год. Высчитана на основе издания: Россия 1913 г. СПб., 1995.

[154] Здесь уточним, что латентно, на протяжении почти десяти лет, в правомонархическом политическом движении не просто происходила эволюция от крайне реакционных взглядов к более умеренным, но и наблюдался процесс политической дивергенции. Об этом, в частности, говорит и раскол в Союзе русского народа, и создание летом 1915 года Отечественно-патриотического Союза (ОПС). Создание ОПС ознаменовало собой, на наш взгляд, начало процесса изменения самоидентификации правого движения, прежде всего на уровне черносотенных идеологических парадигм: отказ от дремучего национализма, признание всех наций, проживавших в империи, хотя бы номинально, равными в своих правах. По нашему представлению, это был достаточно большой прорыв, хотя только и намечавшийся в идеологии правых. Такой подход к выходу черносотенного движения из кризиса естественно не бесспорен, однако, движение в этом направлении явно заметно в 1915-1916 годах.

[155] В последнее время появились работы, прежде всего российских исследователей, по региональной истории правых формирований. В них большое внимание уделяется изучению количественных характеристик правых формирований, в том числе и их численности. К ним относятся две работы российского историка И.В. Нарского: «Революционеры “справа”: черносотенцы на Урале 1905-1916 гг. (Материалы к исследованию “русскости”)». Екатеринбург, 1994. и «Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России)». В 2-х ч. Челябинск, 1995. Впрочем, работы И.В. Нарского и других авторов страдают одним недостатком: в них исследователи не приводят погодовую численность правых формирований, в отличие от числовых выкладок, представленных в данной монографии. В своих работах исследователи дают ориентировочную численность правых организаций в регионах сразу за несколько лет, что не

всегда оправдано, так как данная методика часто не отражает реальную погодовую численность правых монархистов. Так, к примеру, по данным И.В. Нарского численность правых на Урале в 1912-1916 годах составляла 3000 человек (См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. С.88.). В то время как по его данным в 1916 годах на Урале действовала всего одна организация правых, численность которой не составляла 3000 человек. Понимая всю приблизительность даваемой им численности правых на Урале, И.В. Нарский оговаривается: «в связи с группировкой материала по крупным периодам динамика численности участников организаций представлена недостаточно пластично, т.к. используются максимальные цифры по периоду, относящиеся, как правило, к его началу». (См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. С.88-89).